

**Министерство общего и специального образования
Российской Федерации
Уральский государственный педагогический
университет**

М. В. Голомидова

**ИСКУССТВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ
В РУССКОЙ ОНОМАСТИКЕ**

**Екатеринбург
1998**

ББК Ш 1
Г62

Под редакцией
д-ра филол. наук, профессора, члена-корреспондента Рос-
сийской Академии наук А. К. Матвеева

Рецензенты:
д-р филол. наук М. Э. Рут, канд. филол. наук Е. Л. Березо-
вич, канд. филол. наук А. А. Фомин

Редактор И. М. Харитонов

Г62 Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской
ономастике: Монография / Урал. гос. пед. ун-т.
Екатеринбург, 1998. 232 с.

ISBN 5—7186—0338—3

Монография посвящена искусственной онимической но-
минации, рассматриваемой как особый тип именотворче-
ства, направленный на пополнение лексического фонда
языка. В когнитивно-прагматическом аспекте автор опи-
сывает модель искусственной номинации, характеризует
номинативные стратегии, тактики и частные модели ис-
кусственного наречения, актуализируемые при создании
антропонимов и топонимов в русском языке. Исследуется
взаимодействие искусственной онимической номинации с
номинацией естественной, народной, и конфессиональной,
выявляются архетипы именования, влияющие на процес-
сы современного именотворчества.

Книга рассчитана на лингвистов, занимающихся про-
блемами ономастики и ономасиологии, аспирантов и сту-
дентов филологических факультетов.

ББК Ш 1
Г62

ISBN 5—7186—0338—3

© Голомидова М. В., 1998

многих исследователей (см.: Лихачев 1993; Степанов 1991; Булыгина, Шмелев 1991; Сукаленко 1992; Яковлева 1991; Никитина 1991; Пеньковский 1991; Сахно 1991; Апресян 1995; Вежицка 1990; Бартмински 1988; и др.). «Характерные для языка концепты, — пишет Ю.Д.Апресян, — своего рода лингво-культурные изоглоссы и пучки изоглосс. Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания... С другой стороны, это специфические коннотации неспецифических концептов» (Апресян 1995, с. 38). Термин «концепт», заимствованный лингвистикой у философии, чаще употребляется в связи с описанием того, как воплощаются в языке духовные сущности, онтологизированные культурой (см.: Жданова, Ревзина 1991; Радзиевская 1991; Кошелев 1991; Арутюнова 1991; и др.). Однако и сам язык с его внутренними категориями есть та отражаемая и переживаемая объективная реальность, которая онтологизируется постигающим его сознанием. Существующие в языковом сознании ментальные модели обобщения (языковые концепты) организуют и в снятом виде хранят результаты совместных когнитивных и речевых усилий, выступают необходимым орудием языкового освоения и представления действительности. Это своеобразные гибкие матрицы, выработанные в языковой и ментальной практике народа, в которых запечатлено содержание речемыслительной деятельности. Заклучая в себе результаты предшествующего опыта, языковые концепты выступают средствами продолжающегося процесса означивания. Инструментальные возможности понятия «концепт» позволяют применять его и в отношении созданных языком категорий, к их числу принадлежит категория имени собственного — одна из устойчивых языковых универсалий, которая в каждом языке представлена специфичным лингвокультурным материалом. Сущность ономастической номинации напрямую связана с семантическим объемом категории (а шире — концепта) онама, поскольку, «чтобы войти в лексическую систему языка, новое слово в акте своего создания должно быть отнесено к некоторому классу, категории, причем это отнесение совершается соответственно тому, как понятии онтологические свойства означаемого» (РЧФЯ, с. 156).

Научные взгляды на природу имени собственного, которые складывались в логике, философии и лингвистике и приходятся на огромный временной период от античности до наших дней, соответствуют длинному списку авторских имен. Мы намеренно уклоняемся от обсуждения различных концепций имени собственного, поскольку специальные аналитические обзоры некогда существовавших и существующих точек зрения уже имеются в работах Е.Гродзинского, А.А.Белецкого, А.В.Суперанской, Ю.А.Карпенко, А.Д.Зверева, В.Д.Бондалетова, М.Н.Емарченко. По мнению Д.И.Руденко, обилие подходов и мнений, контрастирующих и пересекающихся в отдельных фрагментах рассуждения, позволяет увидеть «за научными гипотезами об

щих факторов языковой вкус и языковое чутье¹, а также способность к образно-чувственному переживанию языка.

Таким образом, языковое сознание выступает как максимально объемная деятельностьная система, не сводимая только к языковой ментальности, но предполагающая, помимо того, участие множественных нейробиохимических реакций, проявляющих себя как «неосознаваемые психолингвистические правила» (Слобин 1984, с. 170), «психоглоссы» (Караулов 1989, с. 35). Они не всегда находят прямое отражение в системе языка и, тем не менее, наряду с ментальным обуславливают смысловое наполнение языкового кода на разных этапах эволюции языка и в разных формах его проявления².

Языковое сознание концептуализировано — это свойство проистекает из концептуализации мировоззрения и языка: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный языку способ концептуализации (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально-специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» (Апресян 1995).

К особенностям воплощения в языке мировидческих концептов (понятий о некоторых духовных сущностях) обращено внимание

---

¹ Б.С.Шварцкопф определяет языковое чутье как «бессознательное обобщение говорящим своего языкового опыта (всей предшествующей языковой практики)» (Шварцкопф 1970, с. 277).

² Языковое сознание первобытной архаики, вероятно, было спаяно не только с мифологизированным способом видения мира и верой в магическую силу слова, но и с вовлечением в языковую деятельность более значительной доли чувственного восприятия, с интенсивностью, яркостью чувственных сигналов, служащих естественным фоном языковой информации. Остаточная семантика чувственной сигнализации продолжает жить в том, что мы называем языком мимики, жестов, взглядов и т.п., в символическом восприятии звучания, цвета, вкуса. Трансцендентная устремленность древнего сознания, стремление к единению с содержанием, стоящим за пределами рационально освоенного мира, подкреплялась одновременно способностью через экзальтацию бессознательного достигать иллюзии подобного слияния. В таком контексте прототипическое имя, отождествляемое с сущностью предмета, наделялось энергетической силой, осознавалось как средство приобщения и отчасти воздействия на сферы, не подвластные воле и разуму человека. Напротив, в сознании современного человека (включая его религиозные верования) доминирует рациональное начало, опосредованное многовековым культурным опытом. Культура, образуя защитный слой общества, создает условия для притупления, угасания тех подсознательных и чувственных реакций, которые в прошлом обеспечивали психофизиологическую основу сохранения и равновесия человека в природной среде. И собственное имя в контексте Новейшего времени обнаруживает тенденцию к связи не с содержательными характеристиками называемого предмета, а с общим фондом энциклопедических знаний.

единиц и адекватное их понимание обеспечивается сложной работой языкового сознания¹.

Языковое сознание, роль которого в отношении языка В.Гумбольдт определил как «основной творческий и преобразующий принцип» (Гумбольдт 1985, с. 396), может быть представлено в виде системы идеальных структур (языковых концептов), обладающих способностью моделировать речемыслительную деятельность. Это исторически сложившийся и обусловленный коллективным духовным опытом идеальный субстрат (основание) и механизм (способ) языкового видения, языковая оптика освоения и интерпретации мира. Языковое сознание являет собой единство трех взаимосвязанных и взаимообусловленных модусов, которые обнаруживают себя в разных его проекциях. Во-первых, это специфический результат познавательной и отражающей работы сознания в целом, включающий в качестве главного компонента языковую картину мира — «ту часть картины мира, которая опосредована языковыми знаками и даже шире — знанием языка, его единиц, правил и, главное, — содержанием его форм» (РЧФЯ, с.144).

Во-вторых, в прагматическом аспекте, понимаемом здесь в той широкой трактовке, которая идет от Ч.У.Морриса и Ч.С.Пирса и соотносится с употреблением языка и прагматической компетенцией (см.: Моррис 1983; Степанов 1981; Булыгина 1981; Арутюнова 1992), языковое сознание служит необходимым основанием всех видов речемыслительной деятельности, основанием для порождения и понимания речи.

Наконец, третья грань языкового сознания, неотделимая от первых двух, проявляется в его творческой, преобразующей способности, которая создается сложным переплетением и взаимодействием разных уровней психического отражения (осознаваемого и неосознаваемого)², где к действию высших уровней отражения (мышлению, памяти) добавляется в качестве сопутствующей

---

¹ В отечественной психолингвистике параллельно термину «языковое сознание» недифференцированно применяется термин «языковая способность» (Леонтьев 1970; Павлов 1968; Шахнарович 1991). Языковая способность характеризуется как «функциональная иерархически организованная система, которая является следствием отражения (и генерации) элементов родного языка и функционирует по определенным правилам» (Шахнарович, Юрєва 1990. с. 42).

² Мысль о связи языкового сознания с целостной работой человеческого сознания, включая сферы подсознания, или бессознательного, высказана еще В.Гумбольдтом: «Сможет ли то, что движет человеком изнутри и извне, отразиться в языке, зависит от языкового сознания, превращающего язык в зеркало мира. Степень глубины восприятия, с которой это происходит, зависит от ясности и тонкости духовного настроения и силы воображения, с которой человек, пусть сам недостаточно ясно это осознавая, влияет на свой собственный язык». И далее: «...при речеобразовании, кроме собственно творческого речевого сознания, большую роль играет также сила воображения, которая направлена на перенесение в язык того, что ее живо волнует» (Гумбольдт 1985, с. 400—401).

Подход, получивший в лингвистике, как и в психологии, название когнитивного, представлен в коллективных монографиях и тематических сборниках: «Методологические проблемы анализа языка», «Язык и структуры представления знаний», «Язык и личность», «Текст как структура», в серии выпусков «Логический анализ языка». Об актуальности нового направления свидетельствует факт выдвижения Институтом языкознания РАН и Российским фондом фундаментальных исследований проекта «Язык и знание. Когнитивный аспект».

Рассмотрение ономастического материала с позиций когнитивной лингвистики имеет широкую перспективу. Во-первых, в ономастике уже обозначился поворот от экстенсивных исследований, сосредоточенных на накоплении нового фактического материала, к интенсивным, сопряженным с привлечением новых подходов и принципов его интерпретации. «Основной задачей ономастики сейчас, — пишет Д.И.Руденко, — должно являться не столько вовлечение в оборот нового фактического материала, сколько более полное осмысление уже имеющихся фактов и сформулированных точек зрения» (Руденко 1988, с. 58).

Во-вторых, лингвистам, занимающимся изучением собственных имен, неизбежно приходится обращаться к экстралингвистическим знаниям, связанным с различением и опознанием именуемых реалий. Характер информации, закрепляемой в имени, в целом обнаруживает зависимость от общей социокультурной ориентации эпохи, и следовательно, ономастический материал становится важным компонентом ее семиотического пространства.

Наконец, использование и восприятие собственных имен осуществляется благодаря наличию у носителей языка общих представлений о специфике этого языкового знака: «Чтобы восприниматься как имя собственное, звуковой комплекс с самого начала должен быть узнаваем по трем признакам, а именно: 1) по определенной семантике, обеспечивающей его семантическую автономию, 2) по словообразовательной модели (этим объясняется его формальность), 3) по грамматической оформленности (собственно грамматический признак). Каждый из этих трех основных признаков имеет более развернутые объяснения и уточнения: человек хранит в памяти некий набор имен собственных, ему не обязательно выполнять каждый раз ряд мыслительных процедур, чтобы осуществить превращение апеллатива в оним» (Молчанова 1990, с. 102).

Ономастическая номинация завершается выработкой особого языкового знака — имени собственного, знака, который в системе языка наделен специфическими языковыми полномочиями. Другими словами, каждое новое собственное имя манифестирует выводное знание, облаченное в специально предназначенную для него языком знаковую форму. Появление новых онимических

Существует и такая языковая игра: изобретать имя для чего-нибудь. А стало быть, и говорить: «Это называется...» и затем употреблять новое имя.

Л. Витгенштейн

Концепт «онома» и модель онимической номинации

Языковое поведение человека, различные виды речемыслительной деятельности, к которым следует отнести и лексическую номинацию, опираются на существующие в коллективном опыте знания о способах кодирования, передачи и дешифровки информации. Эти знания отнюдь не исчерпываются знаниями о языке: «В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию и многое другое» (Герасимов, Петров 1988, с. 6). Информационные основания, обеспечивающие деятельностные акты, будучи сублимацией предшествующего опыта, обладают способностью программировать: выстраивать и понимать речевое сообщение. Внимание к порождающей способности информационных структур не является исключительным открытием современной научной мысли. Достаточно вспомнить гипотезу лингвистической относительности Э.Сэпира и Б.Уорфа или идеи гештальтпсихологии. Но во второй половине XX столетия пристальный интерес к структурам знания, к механизмам их организации и действия, отчасти стимулированный разработками в области искусственного интеллекта и теории информации, обозначил общий вектор исследовательского поиска в психологии (А.Н.Леонтьев, Б.Ф.Ломов, В.П.Зинченко, А.В.Запорожец, Б.М.Величковский, В.Ф.Рубахин и др.), семиотике (А.А.Зализняк, Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, И.И.Ревзин, Т.В.Цивьян, В.М.Живов), культурологии и истории культуры (Д.С.Лихачев, М.М.Бахтин, А.Я.Гуревич, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, Г.Д.Гачев и др.), философии языка (Р.И.Павиленис, К.К.Жоль, Г.А.Брутян, Ю.С.Степанов, Г.В.Рамишвили).

В лингвистике положения, относящиеся к структурам представления знаний и способам их организации, активно разрабатываются в рамках теории речевой деятельности (Дж.Остин, Дж.Сёрль, Ч.Филлмор, Т.А.Ван Дейк, Я.Ньютс, Р.Водак, Дж.Лакофф, У.Чейф, А.Вежбицка, Ю.Н.Караулов, Н.И.Жинкин и др.) и в русле построения фрагментов и уровней языковой картины мира (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Т.В.Булыгина, Г.В.Колшанский, Е.М.Вольф, Г.Е.Крейдлин, В.Н.Телия, Е.С.Яковлева и др.).

Раздел I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСКУССТВЕННОЙ ОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Теоретическая база исследования учитывает ряд методологических посылок. Общность механизмов лингво-ментального отражения обуславливает принцип рассмотрения типов номинативной деятельности, различаемых как естественная и искусственная номинация, *в диалектическом единстве и противоположности*. Подвижность общественного и языкового сознания, неоднородность языкового видения и правил языкового поведения выдвигают необходимость в применении *принципа историзма* в подходе к интерпретации номинативных явлений, в установлении зависимости номинации от культурного контекста эпохи. Поскольку самобытность языковой культуры в ономастике конкретного языка может быть раскрыта через *постижение общих, типологических черт и выявление национальной специфики*, искусственная номинация на русской почве рассматривается в связи с исторической реальностью и определенными этапами в развитии общественной мысли и языка.

Номинация существует в практически-действенной форме и погружена в процессы коммуникации, что вызывает потребность в более широком *привлечении прагматических показателей* и понятий языковой прагматики к моделированию структур, направляющих протекание номинативной деятельности в разных речевых режимах.

Обоснование научной концепции с учетом названных методологических императивов предполагает решение следующих задач: установление деятельностных информационных структур, участвующих в образовании собственных имен; уточнение понятия «искусственная номинация» и описание дихотомии «естественная—искусственная номинация»; определение зон русского ономастического пространства, приоритетных для действия искусственного наречения, и функциональных именных разновидностей, складывающихся при его участии.

ре на уже выдвинутые положения можно выделить главные принципы, на которых будет производиться рассмотрение номинации, направленной не на употребление готовых, а на создание новых номинативных единиц. Процесс именования, трактуемый здесь как именотворчество, детерминирован: а) прототипом семантической структуры имени собственного; б) сопряжением семантической структуры онома с объективируемым содержанием в приложении к конкретному денотату; в) особенностями обстоятельственного контекста, включающего функционально-коммуникативные, социолингвистические и культурологические показатели. При номинировании в разных зонах ономастического означивания воплощение исходной семантической структуры имени собственного происходит в ориентации на функциональную нагрузку нового обозначения, помимо того, номинативная объективация осуществляется под действием частных номинативных установок в определенных стратегиях и тактиках номинативных действий. Таково в общих чертах проблемное поле и основные посылки, которые предопределили направление настоящего исследования.

Базовым языковым материалом работы послужили топонимические и антропонимические единицы, обстоятельства создания которых позволяют квалифицировать их как искусственно созданные. Для сбора этого материала привлекались письменные источники: словари, справочники, каталоги, карты, исторические документы. Для обоснования и уточнения выводов о закономерностях искусственной и естественной номинации использована онимическая лексика разных разрядов, как правило, неоднородная в функциональном отношении, она почерпнута из многочисленных источников, в том числе из текстов публицистической и художественной литературы, из наблюдений над живой речью горожан.

Автор выражает глубокую признательность за подробный разбор рукописи и ценные советы и замечания, высказанные при ее обсуждении проф. А.К.Матвееву, проф. М.Э.Рут, доц. Е.Л.Березович и доц. А.А.Фомину.

Когнитивный подход к проработке темы искусственного онимического наречения выдвигает три блока задач, решение которых смыкается в поле исследования. Один из них связан с необходимостью уточнить критерии выделения естественной и искусственной номинации как частных разновидностей лексической номинации, другой обращен к выявлению специфики искусственной номинации в ономастике, третий — к методическим приемам когнитивного анализа именотворчества.

Сложная природа номинации, включенной в познавательную деятельность и процессы коммуникации, убеждает в целесообразности подвергнуть оппозицию естественной и искусственной номинации углубленному анализу с привлечением показателей ментального и прагматического характера. Это позволит, на наш взгляд, соотнести разновидности номинации с особенностями социального контекста и сфер коммуникации с теми культурно и социально обусловленными стереотипами речеповедения, которые исторически складываются в их пределах, наконец, со свойствами номинативных установок, производных от специфики различных видов духовно-практической деятельности.

Поскольку искусственная номинация рассматривается на материале онимической лексики, возникает необходимость уточнить семантический потенциал имени собственного, его функционально-лингвистические и общесемантические возможности. Структурирование знаний, вовлеченных в именотворчество, производится в работе с помощью базовой единицы — концепта онома, объяснительные возможности которого применяются для обоснования процессуальной, динамической стороны именования и динамики онимического наречения в целом. Концепт имени служит лингво-психологическим основанием для онимической номинации в разных исторических срезах, однако его номинативное воплощение неодинаково для разных культурных эпох, поэтому типологические, инвариантные свойства концепта планируется использовать для уяснения общего и меняющегося в историческом движении моделей именования и в эволюции искусственного наречения.

Ведущие методические принципы когнитивного анализа, сформулированные одним из теоретиков нового направления Я.Ньютсом, сводятся: а) к установлению структур знания, лежащего в основе языкового поведения; б) к установлению структур их реализации в процессе коммуникации, осуществляемой в свете определенной модальности, нацеленной на выражение содержания и достижение понимания (Ньютс 1994, с. 11—12). Принципы когнитивно-прагматической ономастиологии были уточнены Д.Хэйраартсом применительно к номинативной референции (Хэйраартс 1995), они предполагают пересечение ономастиологической и семантиологической интерпретаций и установление контекстной рамки номинативной деятельности (Там же, с. 130). В опо-

которым языковое поведение человека рассматривается совокупно с другими видами поведения, может найти плодотворное применение в решении проблемы искусственного наречения. Применение этого подхода к интерпретации ономастического материала, на наш взгляд, позволяет уяснить особенности того, что из воспринимаемого мира находит отражение в искусственно созданных именах собственных и каким закономерностям это выражение подчиняется. В настоящее время увеличение доли влияния искусственной номинации на формирование различных разрядов ономастической системы не вызывает сомнений. Характеристика явления в контексте русской языковой ментальности и культуры открывает возможности для наблюдений над развитием рационального имятворчества на русской почве и над спецификой его проявления в современном русском языке.

Деятельностный подход в рамках нашей работы конкретизируется как подход когнитивный, предполагающий взгляд на номинацию с позиций понимающего сознания (Жоль 1990, с. 108), он учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового знания, с прагматическими установками, возникающими в процессе языковой коммуникации. Согласно положениям когнитивной лингвистики в состав базы знаний, актуализируемых в языковой деятельности, входят следующие компоненты: 1) языковые знания: а) знание языка — грамматики с фонологией, дополненное знанием композиционной и лексической семантики, б) знания об употреблении языка, в) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) знания о контексте и ситуации, знания об адресате, б) общефоновые знания (то есть знания о мире): знания о событиях, состояниях, действиях и процессах (Герасимов 1988, с. 7).

Рассматриваемый в широком смысле когнитивный, или когнитивно-прагматический, подход не сводится к установлению лингво-логических конструктов, но учитывает также прагматическую ориентированность языковой деятельности и основывается на методологическом принципе исследования языка в его функциональной перспективе (Ньютс 1994). Поскольку искусственная номинация мотивирована творческой способностью человеческого сознания, в том числе и сознания языкового, позволяющего эксплицировать в речемыслительной деятельности внутренние структуры языкового знания и применять их наряду с общими знаниями о мире и социально обусловленными правилами речевого поведения, мы связываем с созидательным аспектом языкового сознания основной замысел данной работы. В рамках отдельной книги невозможно в равной степени детализации охватить все грани, в каких являет себя искусственная номинация, поэтому главная цель работы — построение целостной концепции искусственного онимического наречения и его изучение в центральных классах онимической системы — антропонимии и топонимии.

ботаны методические посылки, предусматривающие разграничение лексических единиц в зависимости от того, являются ли они результатом целенаправленного созидания или итогом стихийного формирования (Миськевич 1981; Скворцов 1981; Войлошников 1985), высказаны мнения о необходимости разделять народную и научную терминологию и номенклатуру (Даниленко 1976; Кудицкая 1981; Березникова 1975; Шкатова 1984; Ревеко 1984; Копчева 1985; Сологуб 1987; и др.), стихийно сложившиеся и намеренно изобретенные имена собственные (Суперанская 1973; Беленькая 1973; Горбаневский 1979; Кузнецова 1982; Першина 1983; Воробьева 1985; Никонов 1985; Гулиева 1984; Рамазанова 1986; ТМОИ; и др.); сформулированы научные гипотезы, на основании которых противопоставляются процессы естественного и искусственного названия (Суперанская 1979, 1973; Матвеев 1974; Голев 1974; Ульянова 1984; Копчева 1985).

Признавая плодотворность научных изысканий, их несомненное значение для обогащения теории и практики лексикологических исследований, нельзя не отметить также наличие открытых и дискуссионных вопросов по обсуждаемой теме. К их числу по-прежнему относится проблема таксономии естественной и искусственной номинации и вопрос о соотношении этих типов номинативной деятельности с процессами рационального и стихийного словотворчества. Открытым остается вопрос о свойствах искусственной номинации в онтогенезе и филогенезе. Наконец, требует своего уяснения универсальное и особенное при искусственном номинировании в разных сферах речевого взаимодействия и разных разрядах и группах лексики.

Несомненную значимость обнаруживает и другой аспект заявленной темы. Искусственная номинация есть целеполагающая выработка единиц лексического фонда языка, и потому она связана с творческим началом языковой личности, включенной в конкретный исторический и социальный континуум, приобщенной к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно заданное с субъективно значимым. И здесь тема искусственной номинации еще далеко себя не исчерпала, в этом убеждает актуальная для современной ономастологии связь теоретических построений, с одной стороны, с теориями коммуникации и прагматики, с другой — с семиотикой и культурой. Динамическая ориентация в изучении языка, получившая значительное развитие в последнее время, ставит несколько иные задачи, нежели структурная, или таксономическая, лингвистика, и потому приводит к результатам, имеющим более широкое значение, нежели собственно лингвистическое. В ней переплетаются социолингвистические, психологические, лингво-логические и другие аспекты (Колшанский 1984, с. 28). Представляется, что современный динамический подход к языковой деятельности, в соответствии с

уровень, влияние на который возможно лишь в очень ограниченных пределах, поскольку влечет за собой перестройку значительного участка языковой системы и вызывает затруднения в коммуникации; наиболее легко поддается целенаправленному воздействию влиянию лексический уровень языка (Ульянова 1984, с. 21). Именно в области лексики обнаруживает себя явление, обозначенное термином «искусственная номинация», — преднамеренное словотворчество, направленное на пополнение лексического языкового фонда.

Искусственная номинация имеет приоритетные зоны влияния, к ним относится создание научной терминологии и номенклатуры, производство новых имен собственных, словотворчество в области художественной литературы. Предмет нашего исследования — искусственная ономастическая, или онимическая, номинация, рассматриваемая в процессуальном и результативном аспектах.

Следует отметить, что определения «искусственная» и «естественная» номинация, «искусственные» и «естественные названия» стали вполне привычными для работ по ономазиологии, терминоведению и ономастике. В отечественном языкознании интерес к категории искусственного в языковой деятельности относится к недавнему прошлому — к 1970—1980 годам, когда в различных гуманитарных дисциплинах активно обсуждались вопросы, связанные с изучением роли *homo faber*, человека творящего. Почва для их осмысления в лингвистической науке была подготовлена обилием накопленного фактического материала, стремительным ростом ономазиологии и становлением теории номинации. Параллельное развитие разных ономазиологических направлений и внимание, с одной стороны, к рациональному словообразовательному акту, имеющему своего конкретного исполнителя (работы И.С.Торопцева, О.А.Габинской, М.С.Малеевой, В.В.Домогатской и др.), с другой стороны, к стихийно протекающим процессам «формальных и семантических трансформаций имеющегося языкового материала, скрытых от глаз непосредственных носителей языка и не осознаваемых ими» (Журавлев 1982, с. 46) (см. работы М.Докулила, Е.С.Кубряковой, Н.Д.Арутюновой, И.С.Улуханова, Г.С.Зенкова, А.А.Уфимцевой, А.П.Журавлева, Л.А.Шкатовой, В.М.Никитевича, Е.А.Земской и др.), составили идейно-тематический контекст для выдвижения проблемы соотношения различных факторов в номинативной деятельности: стихийных и сознательных, объективных и субъективных. В рамках обсуждения проблемы применительно к номинативно-деривативным процессам сложились дефиниции «искусственной» и «естественной» номинации, однако различие исследовательских позиций стало причиной их неоднозначного толкования.

В настоящее время в лексикологии накоплен значительный объем сведений о фактах рационального словотворчества, выра-

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике внимание к роли человеческого фактора в языке стало важнейшим методологическим принципом, организующим проблемную и идейно-тематическую направленность теоретических построений. Это свидетельствует о смене базисной парадигматики науки и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установками рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, с его сознанием, духовно-практической деятельностью» (Постовалова 1988, с. 8). Лингвистика, построенная на антропологических началах, включает два круга проблем, взаимосвязанных и взаимопересекающихся: определение того, как человек влияет на язык, и определение того, как язык влияет на человека. В русле методологической программы антропологической лингвистики оказываются вопросы рационального воздействия человека на процессы лингводинамики, развития и функционирования языка. Стихийному движению и саморегуляции в жизнедеятельности языка можно противопоставить активную деятельность человека, вторгающегося в языковую действительность, упорядочивающего, преобразующего либо выстраивающего ее заново в соответствии со специфическими задачами, решение которых необходимо для нужд познания и коммуникации.

Рациональное человеческое начало проявляет себя в разных видах лингвопродуктивной деятельности и преломляется в зависимости от целей и форм направленного человеческого влияния. С ним связано установление регулирующих принципов языковой политики, практика кодификации особых языковых подсистем (прежде всего, литературного языка и языков научного и специального профессионального общения), создание вспомогательных систем машинного и международного общения, наконец, намеренное изобретение новых обозначений в естественных языках. Известно, что разные уровни естественного языка обладают разной степенью проницаемости для императивного внешнего воздействия: менее всего подвержен ему грамматический

имени собственном «некий архетип научного мышления», варианты которого, представленные в исторической последовательности, сами по себе способны прояснить смену социокультурных типов мышления, увидеть мышление эпохи в аспекте эволюции культуры» (Руденко 1988, с. 63—64).

В рамках данной работы концепт онама рассматривается с позиций деятельностного, понимающего сознания. Выделяя составляющие концепта, попытаемся логически структурировать объем информации, знание о потенциале языкового знака, которое находит применение при ономастической номинации, понимаемой здесь не как употребление готового, а как создание нового лексического материала. Принципиально важным для данной трактовки будет утверждение прагматической заданности, или коммуникативной ориентации, номинативной деятельности, ибо рождение нового слова есть не только заключительный аккорд номинации, но одновременно и ход в разрешении задач коммуникации, следовательно, при номинации (в идеальном варианте) должно быть задействовано такое знание свойств, такое понимание закономерностей применения языкового знака, которое является общим для участников коммуникации. Вне сомнения, фактор, называемый «общее знание», — величина условная, обладающая подвижным содержанием и огромным множеством вероятных индивидуальных воплощений, благодаря чему языку сообщается его мобильность и гибкость. Вместе с тем способность к адекватному восприятию речевого (в том числе и номинативного) произведения убеждает в возможности и необходимости поиска обеспечивающих его информативных обоснований.

Концепт онама не тождествен лексико-грамматической категории имени собственного, хотя и вбирает в себя языковую семантику имени собственного в качестве основного информационного стержня. Однако этим не исчерпывается содержание концепта, специфика данной ментальной структуры заключается в том, что в ее организации языковая семантика смыкается с неязыковой информацией. Неязыковая, не связанная с языковым знанием интерпретация имени собственного складывается под воздействием общих и специальных знаний о мире, она может быть описана как представления о соотносительности имени с иными сущностями, лежащими вне прямой проекции к денотату. Здесь необходимо обратиться к тем конвенциям, которые предопределены социокультурой и знание которых обычно передают понятием фреймов, или сценариев. А.Вежбицка, например, называет их «культурно-обусловленными сценариями» (*cultural script*), подводя под это определение «некую подсознательную норму, которой носители языка, принадлежащие определенной культуре, обычно руководствуются» (Вежбицка 1990, с. 63). «Подобно тому, как люди владеют языковыми способностями,— пишет А.Вежбицка,— они владеют и неявными нормативами:

члены любого сообщества овладевают ими не по книгам, равно как и нормы языка они осваивают, не прибегая к учебникам грамматики» (Вежбицка 1990, с. 63).

Под концептуальностью имени собственного, таким образом, понимается совокупный объем представлений о возможностях его применения — языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием онимического знака, которые сложились у носителей данного языка. Принадлежность концепта онама языковому сознанию обуславливает логическую последовательность, в какой будет выполняться описание его структуры: от языкового содержания к содержанию фоновому, фреймовому.

Высшим уровнем языковой абстракции имени является его категориально-лексическая семантика, определяемая функциональной нагрузкой этого языкового знака¹. Имена собственные, как и апеллятивы, соотносятся с предметной сферой, но «в отличие от имен нарицательных, даваемых классам объектов... собственные имена даются индивидуальным объектам, имеющим, кроме того, общие, нарицательные имена (имена классов), и служат для выделения объектов из этих классов» (ОТИС, с. 98). Функция, определенная как «выделение объектов из класса», требует, на наш взгляд, особого объяснения, поскольку имена собственные нередко соотносят с единичными понятиями или понятиями о единичных предметах.

Выделение единичного из общего в речи может производиться с помощью синтаксических описаний или дейктических слов. (ср.: «Вот кот, который пугает и ловит синицу, которая часто ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек»). Соучастие разных номинативных единиц в выполнении общей функции идентификации предметов позволяет в рамках теории референции сближать имена собственные, местоимения и описательные синтаксические конструкции. Весьма примечательно, что Шарль Балли, разработавший подробную лингвистическую теорию референции, называл синтаксические описания «именами собственными речи» (Балли 1955, с. 91). Описательные конструкции, действительно, можно расценивать как базовый материал для дальнейшего производства *nomina propria*, но идентификация — выделение единичного объекта по принципу «именно этот, а не любой другой» — лишь одна из ступеней формирования имени собственного. Поэтому только с оговорками можно принять утверждение Г.В.Колшанского о тождестве имен собственных и нарицательных при обозначении единичных объектов: «Любая лексическая единица, включая собственные и на-

---

¹ Детерминированность языкового значения функцией подчеркивал родоначальник теории прагматлингвистики Л.Витгенштейн: «Как выявить, что они (слова) обозначают, если не по способу их употребления?» (Витгенштейн 1994, с. 84).

рицательные имена, может быть употреблена для именования любого объекта... Всякое слово, содержащее в качестве своих сем обобщенные признаки объекта, приложимо к единичному объекту, но единичность именования создается в пределах некоторого языкового контекста, например в рамках словосочетания. Так, слово «дом»... приобретает значение единичности, отдельного конкретного дома в соответствующем языковом окружении типа «многоэтажный дом», «дом в таком-то районе», «дом № 4 на улице такой-то», «блочный дом в таком-то квартале» и т.д. Изначально структура слова приспособлена для адекватного выражения сущности объекта благодаря совмещению в нем способности именования универсального и единичного явления одновременно. Именование словом любого объекта — единичного или общего (нарицательное имя, собственное имя и т.д.) — принципиально едино» (Колшанский 1975, с. 68—69).

Сущность реалии, подводимой под категорию предметности, одинаково передается с помощью собственных и нарицательных имен, а вот сущность репрезентации объекта в знаке для этих лексико-грамматических классов отнюдь не равнозначна. Как известно, имя собственное в русском языке не имеет грамматической категории числа и, следовательно, не участвует в противопоставлении «единичность — раздельная множественность». Вне зависимости от формы имени (гора Высокая — деревня Горки) имя собственное называет предмет, мыслимый в автономной позиции и потому представляемый как единичный. Однако признаки отдельного конкретного объекта, рассыпанные в синтаксическом описании, не суммируются в имени собственном, они выстраиваются определенным образом, подчиняясь главной идее онома — идее индивидуализации. В ее свете объект предстает как единственный в своем роде, не просто вычлененный из ряда, но осмысляемый по-особому в совокупности своих свойств¹. Отдельное вычленяется из общего и предстает как особенное, а символ его индивидуальной значимости — имя собственное — становится вербальным свидетельством двойного отчуждения.

---

¹ Добавим, что мысли о сложном соотношении «идеи имени» с «идеей числа» разрабатывались П.А.Флоренским и А.Ф.Лосевым. Подвергая специальному анализу эти концепции, Д.И.Руденко выделяет интересные, на наш взгляд, варианты осмысления связи «имя—число», которые можно представить как собственно когнитивный и когнитивно-прагматический: «Число», трактуемое как числовой момент логоса, у Лосева уже в исходных посылках соотносено с общей диалектикой имени, рассматриваясь «не как самостоятельный момент узрения, но лишь как метод и инструмент осмысления». Характерна в этой связи жесткость противопоставления числа и имени (как инвариантов объективности и субъективности) у Флоренского, сочетающаяся с их не менее жесткой через соотношение с «Я» сопряженностью: «Имя есть последняя выразимость в слове начала личного (как число — безличного)» (Руденко 1993, с.390).

Индивидуальность не предполагает фактического отсутствия однотипных предметов, ведь в онимической номинации аксиологическому осмыслению подвергается не «единственность» («единичность») предмета, а его уникальность с точки зрения воспринимающего субъекта. Имя собственное можно сравнить с меткой, при помощи которой язык маркирует, как правило, важные для индивидуального выделения предметы и явления действительности. Это знак-индивидуализатор, который не только на речевом, но и на языковом уровне свидетельствует о ценности вербального выделения отдельной реалии. Можно утверждать, что именно специфика означивания, абстракция способа применения сообщает имени существительному статус онома, «его главными функциями выступают функции индивидуализации и идентификации» (Белецкий 1972, с. 167).

Если признать справедливым предположение о том, что «в целом грамматические категории вполне адекватно фиксируют общую концептуальную картину мира, отражая ее наиболее базисные, инвариантные аспекты, узловые точки» (Руденко 1990, с. 18), то когнитивным соответствием имени собственному в концептосфере выступает идея имманентной самости. Немаловажно, что именно на концепции самости строится осмысление категории «индивидуальности» в современной философии сознания (Ю.Хабермас 1989; П.Рикер 1989): «Полный смысл индивидуальности может быть сохранен только в том случае, если мы оставим этот термин для перформативного употребления и будем использовать его во всех дескриптивных соединениях только в смысле единичности. Иначе говоря, результатом нашего рассмотрения... является рекомендация объяснять смысл термина «индивидуальность» через обращение к концепции самости субъекта, субъекта, который презентует и в конечном счете оправдывает себя vis-a-vis к другим сторонам в качестве несомненной и незаменимой личности» (Хабермас 1989, с. 38). Идеальный когнитивный конструкт объективируется в текстах, в том числе и текстах языковых, поэтому вполне закономерно, что идея самости, самооценности предмета, который обозначается с помощью имени собственного, может поддерживаться теми интерпретациями, какие сопровождают речевое употребление знака, напр.: «Вернеру Фроиду 64 года. Последнюю четверть века он предпочитает общество волков... Хозяин дает своим волкам имена. Те — не собаки и, понятное дело, на них не откликаются. Но для него каждый волк — личность, индивидуум. В разговоре с любым собеседником он не может назвать ставшие ему родными существа: номер такой-то из стаи такой-то» («КП». 15.08.1997).

Итак, **общая категориальная семантика имени собственного** вырастает из его противопоставленности апеллятиву. Онама выступает в роли языкового сигнала, способного через языковую

абстракцию передавать идею индивидуального обозначения отдельного объекта. Но противопоставленность «апеллятив—онома» обладает диалектической природой. Имя собственное противоположно апеллятиву, однако оно способно выполнить свою языковую функцию только в опоре на нарицательное обозначение, точнее, на номенклатурный термин (слово-классификатор, слово-индикатор), несущий общее понятие о предмете и определяющий родовую и видовую отнесенность объектов. В сочетании с географическим термином топоним как единичное имя вступает в отношения с тем общим, что необходимо для связи «человек—объект» (Селезнева 1980, с. 177). «Имя всегда сопровождает родовое понятие,— пишет Н.Н.Маршакова,— которое если не употребляется, то подразумевается» (Маршакова 1985, с. 83). К сходному выводу приходит А.В.Беспалова: «В сигнификативном значении имен одновременно присутствуют обобщенное и единичное понятия. Первое осуществляет связь данного единичного предмета с соответствующим классом предметов и включает родовые, категориальные и видовые признаки, которые, как правило, реализуются в термине при имени собственном» (Беспалова 1988, с. 5).

Функционально обусловленная зависимость от нарицательного термина детерминирует связанную семантическую валентность имени собственного: оно может реализовать свой языковой потенциал только в проекции на слово-конкретизатор, у которого «заимствует» часть понятийной семантики: кафе «Радуга» и радуга; гора Медведь и медведь: озеро Чаша и чаша; река Баская и баской. Совершенно очевидно, что одинаковые по звуковым оболочкам лексемы для носителей языка обладают различным смыслом благодаря присутствию в номинационных комплексах терминированного слова, задающего направление в осмыслении соседней лексемы.

Частная категориальная семантика различна у единиц разных онимических разрядов. Наиболее емкие семантические множители — «одушевленность» и «неодушевленность» — способствуют противопоставлению классов имен, которые называют существа (антропонимы, теонимы, зоонимы) и «вещи» (топонимы, эргонимы, анемонимы и пр.). Для русских антропонимов дополнительными семантическими компонентами будут значения «лица» и «пола», для зоонимов — значение «пола». Семантические множители демонстрируют наиболее общую часть «снятой» понятийной семантики классификаторов и очерчивают ядерную структуру семантического поля онома в русском языке. Эту структуру с помощью дизъюнктивной схемы¹ можно представить так:

---

¹ Аналогичная схема, более подробно развернутая к родовым, семейным, этническим именам, есть у А.А.Белецкого (Белецкий 1972, с. 168).

Частная категориальная семантика имени расширяется за счет родовых и видовых сем апеллатива. Притяжение родо-видовой семантики нарицательного термина позволяет имени собственному создавать собственные тематические группы и разряды: класс топонимов, например, включает группы оронимов, гидронимов, ойконимов и т.д.; гидронимы, в свою очередь, вбирают собственные имена океанов, морей, рек, озер, ручьев, каналов, болот, ключей и т.д. Наричательный термин вводит имя собственное в онимическую систему языка и помогает организовать отношения соположенности с единицами одного разряда:

Белая, пещера — включается в ряд спелеонимов Гостьковская, Лесная, Ледяная, Рысья, Старичная, Туфовая и т.д.;

Белая, река — в ряд гидронимов: Болотная, Каменка, Медвежья, Ольховая, Сухая, Талица и пр.;

Белая, гора — в ряд оронимов: Высокая, Горелая, Лысая, Попова и т.д.

Сформированные языком онимические классы, разряды и группы опосредованы трудовой и естественно-познавательной практикой человека, а также воздействием таких форм общественного сознания, как религия, мифология, наука и т.д., поэтому ономастическое пространство специфично для каждого языка. В.Н.Топоров в известной работе о палийской ономастике, описывая ее обширные пределы и подробное внутреннее членение, приходит к выводу: «топономастическое пространство пали (по крайней мере для определенной эпохи и для взгляда изнутри) было открытым не только относительно новых конкретных названий, но и относительно целых классов ономастизируемых предметов, если только они занимали соответствующее место в

системе ценностей буддийского мировоззрения» (Топоров 1969, с.34). Образованная разрядами собственных имен идеографическая сетка сама по себе может дать представление о схематизированной ономастической картине мира в конкретном языке (Подолянская 1988, с.14).

Ономастическое пространство динамично, и контуры его меняются вместе с появлением новых онимических групп. Одна из возможных причин подобного расширения — стихийное индуктивное обобщение внутриязыкового опыта. Это подчеркивал В.А.Никонов, анализируя в историческом аспекте названия улиц: «Старые названия возникали стихийно и не в качестве постоянных названий, а сначала употреблялись как нарицательные обозначения по какому-то признаку называемого объекта, — из нескольких или многих нарицательных одно употреблялось чаще, оно «прилипало» к улице, превращалось в ее название. Когда такие названия накопились, это стало нормой: улица должна иметь название» (Никонов 1969, с. 230).

Другая причина появления новых онимических разрядов связана с внешним влиянием, к нему, в частности, следует отнести воздействие иноязычных ономастических традиций. В настоящее время оно ощущается наиболее отчетливо, и тексты недавних публицистических сообщений содержат немало тому подтверждений: «Новый торпедный катер по западному образцу вместо инвентарного номера получил красочное название «Морской Дракон» или: «В авиакомпании «Аэрофлот-Российские международные линии» пополнение: четыре новых аэробуса А-310... Прилетевшие в Россию А-310 уже не первые. «Аэрофлотом» их приобретено в общей сложности десять... По пришедшей с запада традиции всем аэробусам присвоили фамилии великих русских композиторов — Римского-Корсакова, Даргомыжского, Бородина и Алябьева. Сегодня летают «Чайковский», «Мусоргский», «Скрябин» и «Рахманинов», еще два остаются безымянными. Этот «союз композиторов» будет обслуживать полглобуса» («КП». 17.08.96).

В целом, ономастическая система и соответствующее ей ономастическое пространство языка — неотъемлемая часть лингвокультурного опыта, и знание существующей сетки онимического обозначения в каждый конкретный исторический период направляет номинативную деятельность, регламентируя выбор зон денотации.

Частную характеризующую и индивидуализирующую семантику имени собственного составляют денотативная отнесенность и мотивировочное значение. Последнее «на момент» создания имени оказывается чрезвычайно важным для выполнения онома его различительной функции, поскольку несет указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, служащий для различения и опознавания реалии среди подобных.

В том, что отбирает человек из внешнего мира, чтобы закрепить в названии, сказываются его знания об окружающей действительности, ракурс, в соответствии с которым он смотрит на мир: «В имени всегда, независимо от воли называющих, отражается культура и социальная жизнь общества» (Суперанская 1979, с. 21). Ср., напр., у М.А.Тяботова: «Невозможно дать истолкование многочисленным «котловым» названиям типа Кевпутлор «озеро каменного котла», Петнорьюхан «речка котла с ручкой», если не известна вера ханты в доброго духа Мэх-ими (Мув-ими) — «земляная женщина», предупреждавшего болезни. В жертву этому духу приносили семь котлов, которые закапывали в землю. Пожертвованными котлами Мэх-ими закрывала отверстия на поверхности земли, чтобы закрыть путь болезням из подземного мира» (Тяботов 1991, с. 111—112).

М.Э.Рут пишет в отношении севернорусской топонимии: «...крестьянин оценивает топообъекты прежде всего с точки зрения их практического использования, которое, в свою очередь, зависит от их собственных свойств (богатство почв, наличие зверя, рыбы и т.п.) и свойств относительных (удаленность от населенного пункта, наличие или отсутствие дороги, воды, принадлежность и т.п.). Как правило, объект, не отвечающий хозяйственным требованиям, не используется и не номинируется, если же объект пригоден для обработки, то в основу названия кладется уже известный, важный для человека монопризнак: оз. Карасье, Щучье, поля Верхнее, Речное, Большое, Пал, покосы Дальняя речка, Осинов остров, Гора и т.п.» (Рут 1992, с. 75).

Когда связь «имя—объект» закрепляется, ослабевает яркость, с которой в мотивировочном значении проступает мотивировочный признак, и приглушается острота чувственного переживания соотносенного с ним образа. Для того чтобы различить озеро Круглое среди озер Косое, Виловое, Угловатое, Треугольное, Крестовое, Прямое, Долгое, Узкое, Широкое, говорящему не нужно мысленно сравнивать очертания, достаточно вспомнить, за каким из объектов закреплено название, но язык оставляет возможность для такой сравнительной процедуры, поскольку мотивировочное значение «поддерживает» и в известной степени облегчает актуализацию в памяти необходимых сведений. В процессе функционирования имени мотивировочное значение приобретает большую значимость для внутриязыковой логики. На эту особенность уже обращали внимание исследователи: «...содержательная мотивированность — это структурно-семантическая характеристика, эксплицирующая средствами языка рациональную лексико-семантическую связь между значением и внутренней формой данной единицы. Содержательная мотивированность представляется нам наиболее важным ее видом, ибо одно из условий языкового совершенства — это требование, чтобы

мотивированность по возможности была не внешней и условной, а внутренней и логической» (Кияк 1989, с. 98).

Обобщение особенностей мотивационных связей приводит к образованию мотивационных моделей (или мотивем)¹, которые входят в предварительное знание, влияющее на дальнейшую номинативную деятельность: «Будучи предметом осознания, мотивемы оказывают реальное воздействие на номинацию и узуализацию и, возможно, формируют «мотивационное видение» предмета в момент его называния. Понятно, что такое видение — важный компонент ономастиологической техники, вследствие которой говорящий стремится обнаружить в предмете признаки» (Голев 1989, с. 91).

Еще один из компонентов языковой семантики онома — **денотативное значение** — предполагает регистрируемую сознанием связь, идентифицирующую соотнесенность имени и объекта. Контекст, иллюстрирующий такое приложение, взят из газетного интервью с художником-модельером Жанной Ткаченко: «Платья я шью вручную и повторить уже не смогу. Более того, каждому платью я даю свое имя. Например, «Кокетка» или «Тюльпан»» («РВ». 13.10.96).

Завершая разговор о семантической специфике онома, следует охарактеризовать еще один блок информации, который, не обладая лингвистической природой, тем не менее, влияет на процессы использования и понимания имени. Речь пойдет о семиотическом «ореоле» именного знака, или о конвенциональных знаниях, связанных с его применением. Для описания этого блока используется понятие «фрейм». Фреймовой семантике уделяется серьезное внимание в работах по языковой прагматике (Ч.Филлмор, Т.А.Ван Дейк, В.Кинч, Р.Водак, и др.)². Применене-

---

¹ Понятие «мотивема» было введено М.М.Гинатуллиным: «Мотивема — явление языка, обозначающее признак объекта, выраженный в слове. Например, можно говорить о мотивемах «время активности», «голос», «окраска» и прочее в названиях птиц» (Гинатуллин 1971, с. 5).

² Понятие фрейма получило активное применение в когнитивной психологии, где его варианты обсуждались под названиями «скрипты», «схемы», «демоны». В психологии у понятия фрейма находятся также параллели и аналоги. К.К.Жоль в качестве психологического аналога фрейма указывает понятие установки у Д.Н.Узнадзе (Жоль 1990). Как возбуждение определенного фрейма означает актуализацию определенной системы запросов, так действие установки создает преднастроенность к определенному поведению человека, а значит, обеспечивает некоторую программу действий и поступков. Влияние социально типизированного, или принятого в данном обществе, на речевое поведение индивидуума подчеркивается также у Н.И.Жинкина: «Акт речи индивидуален, но нельзя игнорировать тот факт, что само преобразование языка в речь происходит в силу определенных установок, стереотипов, свойственных членам данного языкового коллектива» (Жинкин 1958, с. 365).

ние этой категории основывается на убеждении, что общее знание, предопределяющее процесс понимания, отнюдь не аморфно, но, напротив, организовано в концептуальные схемы: «Фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знания. Во-первых, они являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типическим» (Ван Дейк 1989, с. 16—17). Т.А.Ван Дейк отмечает зыбкость, размытость границ между самим концептом и фреймовой организацией концептуального знания¹, и это положение согласуется с идеями современной философии о континуальности смысла — смысловой «протяженности», где перетекают друг в друга языковая и неязыковая семантика (см.: Павленис 1983, с.109).

По классическому определению М.Минского, американского специалиста в области машинного интеллекта, автора и первого интерпретатора понятия, «фреймы — это структуры данных, предназначенные для репрезентации (представления) стереотипной ситуации» (Минский 1978, с. 246—250). Для описания естественного языка удобно определение, сделанное Ю.Н.Карауловым: «Фреймы — типовые когнитивные структуры, соответствующее распространенным и общепонятным, обычно не вербализируемым в деталях ситуациям в речевом коллективе, речевом обществе» (Караулов 1992, с.14). Во фрейме сцепляются, объединяются как собственно языковые, так и внеязыковые знания, точнее — внеязыковое знание причинно мотивирует речевое поведение. Фрейм можно представить как код, с помощью которого выражается отношение языковых знаков к обстоятельному контексту, но это особый, «сценарный» код, соответствующий неким стереотипам, сложившимся в обществе в силу определенных социальных установлений, привычек, обычаев, традиций. Фреймы как структуры социально-типического знания общего или частного характера играют важнейшую роль в построении речевых актов, а также в их интерпретации: «Общераспространенность и значимость использования фреймов столь велика, что часто в обыденных ситуациях, регулируемых каким-либо фреймом, мы выполняем коммуникативные акты на автоматическом или близком к нему уровне действия» (Шнейдер 1994, с. 20).

---

¹ Приведем следующее высказывание: «...различие между концептами как таковыми и организацией концептуального знания во фреймы является не вполне четким, теория допускает размытые границы между ними» (Ван Дейк 1989, с.17).

Фреймы разделяются на структуры знания, организующие речевое поведение (Ван Дейк 1989), и фреймы знаний (представлений) о некоторых реалиях действительности (Филлмор 1988). Фреймы, воздействующие на речеповедение, характерны прежде всего для ритуальных и ритуализированных действий, расцениваемых как поведенческий стереотип — «так принято», «так делают все», «это обычно». Например, в настоящее время фрейм наречения ребенка в русскоязычной среде предполагает не ситуацию изобретения имени, а ситуацию выбора его из существующего списка русских либо иноязычных имен¹.

К ритуальным фреймам относится смена имени при пострижении или принятии сана, обусловленная конфессиональными православными традициями. Под действием более широкого метафрейма конфессии происходило в XVIII—XIX веке присвоение фамильного имени ученикам духовных семинарий. Изначально это объяснялось социальным выравниванием: многие семинаристы происходили из семей, социальное положение которых не давало право на наследственную фамилию, но позднее конфессиональная фамилия стала постоянно заменять уже существующую. «Православное духовенство, — отмечает О.Б. Унбегаун, — было, кажется, единственной группой в России, систематически вводившей в употребление искусственные фамилии... это было характерно лишь для исконно русского, то есть великорусского, духовенства; украинские и белорусские священники, как правило, сохраняли собственные наследственные фамилии» (Унбегаун 1995, с. 169—170).

Наряду с фреймами, касающимися институционализированных или ритуализированных речевых актов, к каким, в частности, следует отнести крещение, принятие сана или пострига, выделяются метафреймы — знание общих условий совершения успешных либо адекватных действий. Так, метафрейм социальной мимикрии, какой можно достичь при помощи имени, сопровождал многочисленные акты смены фамилий после революции 1917 года. Среди тех, кто изменял фамилию, было много лиц духовного звания, поскольку «конфессиональная» фамилия «могла свидетельствовать о нежелательном социальном происхождении ее носителя» (Унбегаун 1995, с. 196).

В качестве еще одного примера метафрейма, связанного с переименованием, можно привести знание этнокультурной принад-

---

¹ Ср. фреймовую семантику, связанную со сменой имени у вьетнамцев: «У вьетнамцев до недавнего времени был распространен обычай смены имен. В раннем детстве мальчик мог носить «молочное имя», после достижения совершеннолетия он получал официальное имя, которое сопровождало его до конца жизни... После смерти человек обычно получает другое имя, ибо у вьетнамцев считается за большой грех упоминать настоящее, прижизненное имя умершего» (СЛИНМ, с. 100).

лежности антропонимов. В эмигрантской среде установка на этническую адаптацию находит проявление в изменении имени на иностранный манер или в полной замене антропонима¹.

На уровне обыденного бытового поведения фреймы направляют именование в русле сложившихся обычаев, социальных привычек: например, в городской среде принято давать имена живущим в доме животным и птицам; в деревенской, крестьянской среде подобное именование избирательно и зависит от иных стереотипов восприятия и языкового поведения.

Фреймы знаний о мире «собирают» информацию о предметах и явлениях действительности и тем самым облегчают понимание речевых произведений, которое отнюдь не тождественно полному декодированию, или членению «без остатка» на все составляющие языковые значения. Как недостаточное знание иностранного языка компенсируется знанием реалий и отношений между ними, что позволяет, эвристически достраивая, постигать устный или письменный текст, так фреймы помогают понимать языковую информацию, не прибегая к исследованию самих «вещей». Такого рода знание можно сравнить с «дальнейшим значением слова» в учении А.А.Потебни.

Фреймовая информация способна прояснить номинативные установки и выбор мотивировочных признаков при именной номинации. Приведем в качестве примера названия студенческих строительных отрядов — молодежных объединений, рожденных в СССР комсомольским движением 70-х. С образом ССО соотносились представления не только об интенсивной трудовой деятельности, но также о романтике, дружбе, товариществе, взаимопомощи. Адекватными этому комплексу представлений были многочисленные названия, выполненные в героико-романтическом ключе: «Атлант», «Антей», «Прометей», «Витязь», «Гренада», «Данко», и лирико-романтические: «Ярославна», «Ассоль». Иная иллюстрация — названия отечественных рок-ансамблей, приблизительно в тот же период заявивших о себе в культуре

---

¹ «У прибывших из России в Америку в 60—70-х годах наблюдается та же картина, которая характерна для эмигрантов всех национальностей в начале процесса их приспособления к жизни в чужой стране. Прежде всего они меняют свое русское имя на американское: Саша на Алекс, Дмитрий на Девид, Катя на Кейти или Кетрин и т.д.» (Кторова с. 236). Впрочем, это свойственно не только русским: «В конце прошлого и начале нынешнего веков национальная фамилия и имя представителей разных народов, эмигрирующих в США, подвергались американизации в эмиграционном управлении, лишь только новые эмигранты сходили на берег. Михаил и Анна Степановы из России записывались как Майкл и Энн Степ, Самуил и Рахиль Матковские, супруги еврейского происхождения с Украины, начали официально именоваться Сэм и Рэчел Мэт, словены Божидар и Мария Пиплак стали Биллом и Мэри Пайп и т.п.» (Кторова 1988, с. 234—235).

андеграунда. Убежденное и последовательное неприятие «идеологии», которую пропагандировала официальная культура, творчества популярных эстрадных исполнителей и вокально-инструментальных ансамблей находило закономерное выражение в номинации от противного — в отказе от «говорящих» и условно-позитивных названий, в предпочтении, отдаваемом именам отвлеченным, близким к этикеткам, а иногда несущим пейоративные коннотации. Ср.: названия ВИА: «Верные друзья», «Надежда», «Поющие сердца», «Поющие гитары», «Самоцветы», «Голубые гитары», «Веселые ребята» и т.п. — и названия рок-групп: «Адо», «Урфин Джюс», «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи», «Кино», «ДДТ», «Крематорий».

Итак, концептуальность имени собственного складывается из ряда семантических структур, совокупность которых формирует семиотическую специфику знака. Эти структуры различны и по характеру абстрагируемого содержания, и по степени участия в них языкового и неязыкового знания.

1. **Фреймы** — несобственно языковые знания — отражают существующие у языкового коллектива фоновые знания о специфике применения онома и знания о свойствах денотата.

2. **Частная характеризующая и индивидуализирующая семантика**, отличающая имена друг от друга, строится на тесном взаимодействии экстралингвистической и языковой информации: мотивировочный признак (элемент мотивации, экстралингвистическая категория) противопоставлен мотивированности (компоненту лексического значения). Заметим, что на образование мотивировочных моделей существенное влияние может оказывать фреймовая семантика; таким образом неязыковой уровень сливается с первым языковым уровнем формирования смысла.

Содержательные мотивировочные модели складываются в ходе взаимодействия языкового и неязыкового опыта, их стихийное формирование опирается не только на типические представления говорящих об объективных свойствах называемых реалий, но также на специфику контекста языковой деятельности, специфику функциональных сфер речевого взаимодействия, внешне организующих процессы мотивации и номинации. Эту особенность нередко отмечают исследователи, обращающиеся к сопоставительному аспекту ономазиологических штудий (см.: Голев 1989; Сологуб 1987). Н.Д.Голев подчеркивает: «Несмотря на очевидность влияния объективных свойств предметов на мотивировку их названий, данный фактор не абсолютен в своем действии; он функционирует в сложном переплетении с другими факторами, при этом далеко не всегда доминирует... Особенно существенны здесь различия в функциональных сферах: в народной и научной номенклатуре, официальных и неофициальных типах названий, устойчивых и окказиональных типах, детских и взрослых новообразованиях, нейтральных и прагматически ориентированных (на-

пример, реклама) наименованиях... Причина этого заключается в том, что оппозиция функциональных сфер прямо связана с различием целевых установок, организующих процесс номинации и мотивировки» (Голев 1989, с. 88). Поддерживая справедливость этого заключения, добавим: оппозиция функциональных сфер одновременно подразумевает определенную спецификацию знаний о сценариях коммуникативных ситуаций, в том числе и семантику фреймов.

3. Частная категориальная семантика, базирующаяся на связи онома—нарицательный термин, создает возможность для противопоставления разных разрядов собственных имен в онимической системе языка. В этой плоскости абстракции внеязыковое знание также проявляет свою активность, поскольку прежде чем получить собственное имя, объект должен быть подведен под общее понятие и обозначен нарицательным словом. Иначе, прежде чем давать имя, говорящий должен узнать, что за объект он именует. Здесь знание свойств реалии служит основанием для других мыслительных операций: сопоставления, классификации, обобщения «вещей» одного порядка и подведения денотата под определенный род или вид объектов.

4. Общая категориальная семантика опирается на контрастную проекцию онома—апеллятив, благодаря которой «высвечивается» специфика способа означивания. Свертывание частно-категориальной семантики дает условия для противопоставления класса собственных имен классу апеллятивов и выводит информацию на уровень чисто языковой абстракции.

Очевидной для этой многослойной структуры является уровневая организация, а также связь и зависимость всех плоскостей обобщения. Языковое и неязыковое знание образуют непрерывный континуум, важный для смыслового адекватности номинативной деятельности и восприятия ее результатов. Таким образом, онимическую номинацию можно представить как воплощение семантической модели онома в реальной речевой коммуникации.

Представленная схема обосновывает результат и общий принцип действия модели онимической номинации в языке, но исключает из поля зрения называющего субъекта и внутреннюю динамику номинации. Модель можно развернуть в этой проекции, и тогда в виде своеобразной «замедленной съемки» будут представлены этапы номинативной деятельности и выделено участие в них различных по природе факторов. Поскольку в реальности номинация осуществляется в речевом акте как посылка информации отправителем (*номинатором*) получателю (*адресату*), которые вступают в *контакт* посредством *языкового кода* по поводу *референта*, считаем возможным выделить три группы взаимодействующих факторов, влияющих на номинативную деятельность:

— **обстоятельственные:** условия коммуникации и номинативной ситуации, адресатная направленность, денотат;

— **психологические:** деятельность сознания по переработке внешней и собственно языковой информации, а также выдвижение номинативной установки, формирование номинативного замысла, контроль за осуществлением номинации;

— **лингвистические:** языковые знания и умения (языковая компетенция участников речевого акта).

Как видно из перечня, факторное пространство многомерно, и зоной, объединяющей реакции на разные стимулы, будет сознание называющего субъекта. Последовательность мыслительных операций выстраивается следующим образом:

1) заданное внешним импульсом осознание необходимости в вербальном выделении единичного объекта как индивидуально значимого соотносится со знанием категориальной специфики онама и выдвигается коммуникативно ориентированная номинативная установка (мотивация деятельности);

2) знания об объекте и его отличительных признаках соотносятся со знанием номинативных содержательных и технических моделей, следствием чего выступает номинативный замысел, нацеленный на реализацию личного, субъективного смысла в адекватной для его воплощения форме (мотивация номинативного решения);

3) объективация идеального содержания и перевод полученной единицы во внешнеречевую деятельность (номинация).

Если совместить обе модели — статическую и динамическую, то оказывается, что главным итогом номинации станет высвечивание индивидуализирующей семантики и фиксация ее в звуковой оболочке производного слова (или лексикализированного словосочетания), которое одновременно вступает в закреплённую связь с нарицательным обозначением и тем самым обретает свойство идеоматичности. Семантическое сцепление индивидуализирующего и классифицирующего компонентов особенно значимо для собственных имен, называющих «вещи» (см. схему 1). Тесную зависимость компонентов подчеркивают и результаты номинативной деятельности: номенклатурный термин нередко входит в состав производного имени, утрачивая при этом индикативную функцию (Пушкинские Горы) или образует с именем синтаксически неразложимое сочетание (ул. Metallургов, залив Амундсена); на тесную связь с нарицательным термином может указывать морфема в составе топонима (города Новгород, Белгород, Братск, Ангарск)¹. Что же касается антропонимов, то имп-

---

¹ Наричательный термин может обращаться в собственное имя, если будет осознаваться как индивидуальная вербальная метка единичного объекта: курья — Курья.

лицитно присущие им семы «одушевленность», «лицо», «пол» позволяют автоматически опускать обобщающее нарицательное слово, но при использовании имени в речи эту семантику эксплицирует ситуативный или речевой контекст¹.

Результат онимической номинации — имя собственное — обладает внутренней напряженностью, заданной диалектикой связи и противопоставления имени нарицательному. Но есть внутренняя напряженность и в самой модели номинации, если рассматривать ее в более широком, прагматическом аспекте. Речь пойдет о противопоставлении естественного и искусственного именования, актуальность различения которых подчеркивает сам языковой материал, а также наблюдения специалистов. «Подавляющая часть русских фамилий сформировалась в результате естественного исторического процесса, в котором личные имена индивидуумов постепенно трансформировались в наследственные фамилии, — заключает О.Б. Унбегаун. — Существуют, однако, русские фамилии, которые сложились вне этого процесса. Они возникли особым путем, как бы из ничего, и поэтому могут быть определены как «искусственные фамилии» (Унбегаун 1995, с. 169). Сходны в этом отношении размышления Т.П. Егоровой о формировании скандинавских и английских урбанонимов: «Следует отметить, что в отличие от названий улиц названия кварталов не были стихийным творчеством многих поколений жителей, они, как правило, представляли собой плоды творчества людей просвещенных, это были архитекторы, члены городских муниципалитетов, городская аристократия» (Егорова 1988, с. 115).

---

¹ В русском языке антропонимическая семантика обычно поддерживается грамматической семантикой, хотя для прозвищных имен это скорее тенденция, но не правило: «Равновесия между полом именуемого и грамматическим родом апеллатива — основы в прозвищах-существительных не наблюдается» (Никулина 1991, с. 113). А в азербайджанском языке, которому не свойственна грамматическая категория рода, мужские и женские имена различаются чисто семантически. Этому способствует разветвленная система обращений-уточнений, употребляемых в речи рядом с именем в вокативе. «Фамильярное отношение придается присоединением к основному имени слова *киши* «мужчина» при обращении к мужчине и слова *арвад* «женщина» при обращении к женщине... При вежливом, почтительном обращении к женщине используется слово *ханым* «уважаемая», «почтенная», в наши дни утратившее свое основное значение... Принятой вежливой формой обращения младших к старшим, а также к незнакомым людям служит употребление терминов родства, даже если старший не является родственником говорящего: *хала* «тетя», *халакызы* «двоюродная сестра», *биби* «тетя», *баджикизы* «племянница», *баджиоглы* «племянник», *нэнэ* «бабушка», *эми* «дядя» и т.д.» (СЛИНМ, с. 17—18).

Естественная и искусственная номинация

Определение «искусственная» в словосочетании «искусственная номинация» можно поставить в один ряд с атрибутами в терминах «искусственный интеллект» или «искусственные языки». В терминовом значении *искусственное* не означает *неестественное* или *сверхъестественное*. Согласно установлениям научной методологии, рассматривающей «искусственное» как деятельностную категорию, оно соотносится с естественным как «сознательно (технически) приготовленное человеком из естественного в своих интересах применительно к своим потребностям» (Кедров 1958, с. 31).

Употребление понятия «искусственный» в метаязыке лингвистики позволяет рассматривать искусственное как универсальную категорию, охватывающую разные виды осознанного, преднамеренного и целеполагающего воздействия человека на язык и языковую (речевую) деятельность. Рационализированное, исходящее от языкового субъекта влияние обнаруживает себя в языкотворчестве, а также языковом планировании, нормировании, кодификации. В этой деятельности язык выступает в качестве самостоятельного и главного объекта рационального осмысления, необходимого для сознательного формирования нового в средствах обозначения либо в правилах использования языка. Взятое в самых общих параметрах искусственное предполагает сознательное достижение некоторой цели, которая выдвигается на основе анализа знаний о структуре, признаках, свойствах объекта. Целедостижение разворачивается в многоступенчатый процесс: информационно-познавательная деятельность — идеально-конструктивная деятельность (планирование, создание идеальной модели будущего результата) — реально-конструктивная деятельность (непосредственное практическое воплощение модели или плана). При этом искусственное, понимаемое как широкая гносеологическая категория, служит для различения стихийного и направляемого человеком в языке и языковой деятельности, где «направляемое» в значительной мере опирается на ментальные возможности дедукции. Противопоставление естественного и искусственного как фундаментальных гносеологических категорий оправдано для построения лингвометодологии и едва ли нуждается в специальных разъяснениях. Однако применительно к процессу номинации использование термина «искусственная» требует критического рассмотрения, поскольку существуют некоторые типологические подходы к раскрытию содержания данного явления, в известной степени противостоящие друг другу.

Во-первых, под искусственную номинацию подводится название, намеренно творимое с сознательным нарушением стандарта (см.: Беленькая 1969; Воробьева 1966; Журавлев 1982). У та-

кого подхода есть свое реальное основание. Среди искусственно созданных имен собственных, например, в первую очередь обращают на себя внимание те, которые явно отличаются от названий сложившихся в народной практике в ходе длительного исторического развития. В ономастике по отношению к искусственным наименованиям употреблялись разные характеристики: отмечалась их «произвольность» (Мурзаев 1979, с. 180), ярко выраженная социально-идеологическая направленность (Беленькая 1969, с. 89), манерность, вычурность (Смолицкая, Горбаневский 1982, с. 43—45), асистемность (Воробьева 1985, с. 12). В русле данной трактовки искусственная номинация предстает сознательным отступлением от правил, а естественная — следованием привычным, регулярно используемым семантическим либо словообразовательным моделям. Однако сведение искусственной номинации к сознательному нарушению некоторых деривационных стереотипов отнюдь не проясняет ее отношений с номинацией естественной, ведь смещение нормы и смена продуктивности у тех или иных словообразовательных моделей, как известно, явление вполне закономерное для процесса стихийной языковой динамики.

Во-вторых, к искусственной номинации относят факты намеренного словопроизводства. Искусственное название противопоставляется естественному как намеренное название стихийному обозначению (Суперанская 1973; Голев 1974; Матвеев 1974; Ульянова 1984; Копчева 1985). Для разведения описываемых явлений обычно используется сумма показателей, в зависимости от их содержания в рамках общего подхода можно наметить частные исследовательские позиции.

Согласно одной из них опорным критерием различения служит специфика сочетания в номинативной деятельности объективных и субъективных факторов (Голев 1974; Копчева 1985). Наиболее развернутое объяснение эта точка зрения получила в работе В.В.Копчевой, где для разграничения естественной и искусственной номинации предлагается учитывать «различный характер протекания номинативной деятельности, наличие или отсутствие у называющих субъектов ясно осознаваемой цели номинации, различное соотношение объективных и субъективных факторов при номинации» (Копчева 1985, с. 40). Для естественной номинации соотношение объективных и субъективных факторов «склоняется в целом в сторону объективно существующих и действующих закономерностей», в искусственной номинации «в целом увеличивается роль субъективных факторов» (Там же). Естественная номинация и искусственная предстают как максимально пространные ономаσιологические категории, слабо противопоставленные в отношении к языковому и речевому словотворчеству, поскольку признак «наличие/отсутствие ясной целеустановки у называющего субъекта» позволяет объединять коллективную стихийную выработку языкового знака и акты

спонтанного, произвольного названия¹ в противоположность «называнию с той или иной целью» (Там же, с. 38).

Согласно другой точке зрения процессы естественной и искусственной номинации тесно связаны с процессами апробации речевых новообразований (Матвеев 1974; Ульянова 1984). Противопоставляя естественную и искусственную номинацию, Н.П. Ульянова приходит к следующему выводу: «Естественная номинация предполагает отсутствие осознанного плана действий при назывании объекта, стихийность выбора мотивировочного признака, интуитивность подбора словообразовательной модели, неизвестность авторства, незначительную степень новизны, неконтролируемость, отсутствие осознания конечного результата и его оценки и нерегулярность апробации. Искусственная номинация... характеризуется наличием ясной целевой установки, планомерностью в осуществлении действий, направленным выбором мотивировочного признака и способа его выражения, известностью авторства, контролируемостью, осознанием новизны лексической единицы и оценкой конечного результата, а также управляемостью апробации» (Ульянова 1984, с. 50).

Признавая справедливость многих из приведенных характеристик для выработки общих представлений о стихийной и преднамеренной номинативной деятельности, мы тем не менее вынуждены констатировать, что суммирование признаков в некоторой блок-схеме не задает четких параметров для ономастических категорий. Масштабность гносеологических категорий стихийного и сознательного, объективного и субъективного, многомерность подвластного им факторного пространства, наконец, диалектическая способность ко взаимопроникновению, перетеканию — способность, реализуемая в деятельности², обусловили

---

¹ Ср.: «Естественную номинацию мы определяем как процесс непреднамеренной, произвольной номинативной деятельности, когда называющий субъект не осознает ясно, не формулирует в сознании целей номинации» (Копчева 1985, с.37).

² В отношении категорий объективного и субъективного, в частности, существуют разные научно-методологические концепции, базирующиеся на философской традиции, восходящей к Декарту, а глубже — к Платону и Аристотелю. В соответствии с рационалистическим пониманием существуют две особые сферы действительности — объективный мир физической реальности, состоящий из объектов, обладающих свойствами, не зависящими от интерпретации человека, и субъективный мир мысли, чувств, желаний индивида. Утривание зоны объективного или субъективного начал, отрицание какой-либо из этих сфер прорабатывалось в разных философских школах. Иной принцип — принцип герменевтического круга — провозглашается в работах М.Хайдеггера и Х.Гадамера. Так, Хайдеггер доказывает, что в процессе познания интерпретируемое и интерпретатор не существуют независимо друг от друга: существование и есть интерпретация, а интерпретация — существование (Язык и интеллект. М., 1996. С. 190).

некоторую расплывчатость терминируемых ономаσιологических понятий и, как следствие, возможность для разнотолкования конкретных номинативных фактов. Попробуем показать это на банальных примерах, взятых из обычных жизненных ситуаций, дающих, тем не менее, повод для дальнейшего размышления над искусственным и естественным названием.

Приведем частный случай изобретения «домашнего» названия: хозяйка придумывает имя для фирменного блюда (авторство, целеустановка, осознание новизны налицо), она старается создать нечто словесно необычное, оригинальное (выбор мотивировочного признака направлен, конечный результат оценивается), отныне так и только так будет называться блюдо в кругу семьи (апробация направляется). Возникает вопрос: можно ли относить такого рода факты к искусственной номинации? От ответа пока воздержимся и обратимся к другому примеру. Хорошо известны названия магазинов типа «Детская одежда», «Стройматериалы», «Товары для дома» и т.п. Необходимость в наречении объектов подобного статуса задана практикой социального взаимодействия, и не личная воля номинаторов, а нужды социума и давление сложившейся культурной традиции стимулируют извне номинативную деятельность. Мотивировочные признаки в выбранных наименованиях соответствуют реальным свойствам объектов, деривационные модели достаточно заурядны для данной сферы именования, а значит, отражают сложившиеся в ней закономерности. Но возможен ли при таком преобладании «объективного» вывод о том, что перед нами факты естественной номинации?

Если трактовать приведенные примеры в предложенных ранее критериях, то границы между естественным и искусственным названием растворяются, невольно вызывая сомнение — «а был ли мальчик?». Существуют ли на самом деле явления искусственной и естественной номинации или это научная фикция, умозрительный конструкт, построенный лингвистами исключительно в целях «удобного описания»? Сомнение тем более небезосновательное, что критическое отношение к целесообразности разделения «преднамеренного» и «непреднамеренного» названия уже высказывалось: «Разграничивать непреднамеренно образованные лексические единицы от преднамеренно образованных, вообще говоря, нет настоятельной необходимости. Образованные разными путями, эти единицы не отличаются друг от друга» (Торопцев 1970, с. 5—6).

Ограниченность суммарного, «композиционного» подхода к критериям различения естественной и искусственной номинации вызвана, на наш взгляд, недостаточным вниманием к функциональному аспекту номинации и стремлением автономизировать номинативную деятельность, рассматривать ее изолированно. Описание сосредоточивается главным образом на триаде *объект*—

субъект—номинативная единица, при этом принимается презумпция безразличия номинаторов к адресатной направленности номинации, к условиям коммуникации, к конвенциям, предопределяющим восприятие и понимание. В результате складывается сложная и противоречивая ситуация, когда принадлежащие разным функциональным сферам и различающиеся по функционально-коммуникативному заданию номинативные единицы рассматриваются в едином, магистральном русле познавательной активности вне приуроченности к конкретному контексту деятельности и фоновым знаниям участников речевого взаимодействия. Но обозначение как результат познания осуществляется именно в целях, определенных коммуникацией: «Обозначение остается средством, а не целью речевого высказывания» (Кубрякова 1986, с. 39).

Прежде чем обратиться к оппозиции естественной и искусственной номинации, сделаем некоторые предварительные замечания, проясняющие видение проблемы. Первое, что требует уточнения, это вопрос о процессуальных пределах обсуждаемых разновидностей номинации: завершается ли номинация на моменте произнесения, в речевом дебюте номинативной единицы или предполагает, помимо того, определенную лингвоментальную активность по запоминанию, усвоению и воспроизведению речевого новообразования.

В выстраиваемой версии угол зрения на объект задан методологическими положениями, согласно которым с категориями естественного и искусственного соотносятся «естественно сложившееся» и «искусственно созданное» (см.: Абдылдаев, Бакаев 1983, с.195). Достоверность итога — «сложившееся» и «созданное» — входит, таким образом, в пропозицию к характеристике любых естественных и искусственных процессов. Результат как заведомое знание сохраняет свою фокусирующую позицию и при рассмотрении языковой деятельности, поэтому за логическую точку отсчета, общую для рассматриваемых разновидностей, принимается факт узуализации или узуальный статус номинативного новообразования. Истоки такого подхода были намечены А.К.Матвеевым в работе «Топономастика и современность», где среди характеризующих черт естественной номинации названы «обязательная апробация народным опытом» и «коллективность номинации с точки зрения сегодняшнего дня» (Матвеев 1974, с. 11). Поскольку явления, лежащие в одной плоскости сопоставления, необходимо сравнивать по общему основанию, для разведения естественной и искусственной номинации представляются недостаточными рамки изолированного номинативного акта, а квалификация отдельно взятой речевой инновации выглядит нецелесообразной. Думается, что оба процесса предполагают обобществление речевого новообразования, но естественная номинация связана со стихийной

узуализацией, а искусственная — с намеренным введением названия в общественный лексикон¹.

Следующее уточнение касается показателей «преднамеренность/спонтанность» обозначения и «осознаваемость/неосознаваемость» его новизны соответственно для естественной и искусственной номинации. Создание нового словесного обозначения — процесс сложный в своей внутренней динамике, предопределенной сочетанием и взаимодействием многих факторов: здесь находит отражение бытийный опыт языкового коллектива и опыт интеракции в частных сферах деятельности, знание существующих языковых моделей и эвристическое речевое моделирование, законы функционирования языковых единиц и специфические закономерности создания, характерные пресуппозиции и конкретные номинативные интенции, представления о коммуникативно-функциональном диапазоне новообразования и осознание условий его адекватного восприятия. Рождение нового наименования и его обобществление требуют мобилизации творческих сил и активной работы языкового сознания, в равной степени важной как для продуцирования нового, так и для его понимания и усвоения. Можно лишь говорить, очевидно, о разной степени напряженности и сосредоточенности речемыслительной деятельности, не исключающей вероятных случаев минимизации, когда движение от известного к новому происходит как стихийно-спонтанный сдвиг, реализующий скрытые возможности языка.

Оттолкнувшись от положения о «множественности моделей номинативной деятельности» (см.: Голев 1989, с. 60), по-видимому, правильно будет предположить наличие процессуальных разновидностей в механизме естественной номинации. Один из них — стихийное движение вариантов обозначения от синтаксических дескрипций к лексикализированным конструкциям. Номинация оказывается погруженной в многоплановую, разножанровую и разносубъектную речевую деятельность, и номинативные варианты могут существовать параллельно друг другу. В итоге выработка устойчивого лексического знака протекает незаметно для членов языкового коллектива. Так чаще всего на постепенном преобразовании описательных синтаксических формул складываются естественные имена географических объектов, а на

---

¹ Случаи окказионального словотворчества в художественной литературе едва ли следует выделять в отдельную проблему, поскольку литературные окказионализмы являются неотъемлемой принадлежностью художественного текста и, как следствие, закреплены за обозначаемым в особом пространстве художественной реальности. Это означает, что те, кто воспринимает художественный текст, воспринимают его как данность и не могут вносить поправки, варьировать или менять обозначения, не нарушая при этом смысловой целостности произведения.

закреплении компонентов речевых высказываний могут спонтанно создаваться прозвищные имена.

Но естественная номинация не исключает возможности другого пути. Если называющий достаточно ясно представляет себе категориальные контуры будущего обозначения, он может «одномоментно» закрепить идеальное содержание с помощью подходящей словообразовательной модели в релевантной для его выражения лексической форме. Установка на словотворчество и сознательный поиск новой словесной оболочки вполне уместны при стремлении к экспрессивности называния и при выражении экспрессивно-оценочного отношения к называемому. Назвать по-новому, по-другому с тем, чтобы преодолеть невыразительность, стертость имеющегося наименования, — стимул, который нередко направляет окказиональное словопроизводство. Эта особенность уже отмечалась в литературе (см., напр.: Журавлев 1978, 1982). А.П.Журавлев с установкой на экспрессию связывает сознательное применение в окказиональной деривации нерегулярных типов словообразования (Журавлев 1982, с. 48). Специфика окказионального *именотворчества* заключается в том, что намеренное нарушение стандарта обозначения влечет за собой не столько применение необычных деривационных моделей, сколько намеренную замену имеющегося стандартного, установленного и неэкспрессивного имени на вторичное, характеризующее, прозвищное. Знакомство говорящих со свойствами называемого, общее знание каких-либо жизненных ситуаций позволяют свернуть этап описания или объяснения, во всяком случае во внешнеязыковой деятельности. Приведем примеры: «Как вы получили это прозвище — Папа Карло? — Это благодаря заместителю Громова — генералу Шеенкову... Так вот, когда Шеенков узнал, что к нему пришел отряд под кодовым названием «Буратино», первым делом спросил: «А где же Папа Карло?» Так мы познакомились. А прозвище потом прочно ко мне прилипло. Ну я и не обижался» (из интервью с военным конструктором, автором и разработчиком огневой установки «Буратино» («КП» 3.09.97).

Или: «Я первый назвал его Бабаем, потом все за глаза его только так стали называть»; «После того как фильм прошел «Авария — дочь мента», парня из нашей группы — у него мать в милиции работает — Аварией окрестили»; «Курс у нас такой был — «Подготовка воды», так преподавателя Водяным прозвали».

Первоназывание — своеобразный номинативный эскиз, вариант, который (если он не отвергнут) может закрепиться в своих исходных очертаниях, может подвергнуться некоторым модификациям, не меняющим в целом его категориально-лексического статуса, но вполне очевидно, что именно точное либо выразительное, яркое наименование имеет больше шансов на ус-

пех при закреплении его в языковой практике. Намеренность в акте первоименования при естественной номинации отражает сознательные установки называющего, хотя и подчиненные, как правило, коммуникативным задачам текущей речевой ситуации. Отсюда неизбежен вопрос о радиусе действия естественного и искусственного именования, что дает повод для третьего уточнения.

Оценивая общие параметры естественной и искусственной номинации, нелегко отказаться от весьма притягательной мысли представить эти явления как максимально объемные по диапазону типы номинативной активности, ведь это, в свою очередь, открыло бы перспективу для разделения лексической номинации в целом на естественную и искусственную. Однако подобный подход чреват схематизмом, поскольку возникает опасность возвести в абсолют некоторые показатели рационального и стихийного, которые на самом деле способны эксплицироваться во многих и разных формах. Конструктивное решение может исходить из анализа обстоятельств номинативной деятельности, так как действительно существуют коммуникативные ситуации, в которых естественное и искусственное именование обнаруживают себя наиболее отчетливо и, стало быть, могут противопоставляться друг другу. Вместе с тем следует признать существование позиций нейтрализации, в контексте которых различительные признаки обеих разновидностей теряют свою яркость, а следовательно, и дифференцирующие свойства. С утратой дифференциальных показателей утрачивается целесообразность самого разведения естественного сложившегося и искусственно созданного. Поэтому если связывать решение проблемы не с абстрактными признаками, а с показателями, извлеченными из контрастных обстоятельственных контекстов, то принцип единого основания для сравнения требует прежде всего ограничить искусственную номинацию изобретением только тех наименований, которые рассчитаны на широкую узуализацию. Отсюда необходимость сузить терминируемые понятия и отказаться от признания за ними предельно широких классифицирующих возможностей. Продолжая размышлять в этом направлении, предлагаем не отождествлять естественную и искусственную номинацию с понятиями рационального и стихийного словотворчества, или, говоря иначе, не все, что сознательно придумано, относить к искусственному, а все, что спонтанно преобразовано, к естественному именванию. В разграничении, очевидно, должен учитываться характер узуализации при сходстве функционального диапазона созданных номинативных единиц. Поэтому, в частности, факты изобретения лексических новшеств, предназначенных для хождения в узком кругу коммуникантов, едва ли целесообразно квалифицировать в отношении естественного или искусственного номинирования. К таким именам принадлежат те, что создаются в домашнем,

интимном, дружеском общении¹, а также новообразования, складывающиеся в микроколлективах, ограниченных в социальном отношении.

Использование терминов «естественная» и «искусственная номинация» в объяснении номинативных процессов приемлемо, на наш взгляд, в тех случаях, когда речь идет об особом сочетании факторов, о характерных параметрах контекста коммуникации. На их выявление и нацелено дальнейшее изложение. Интерпретационная модель, которая будет использована для прописки контуров естественного и искусственного называния, строится на привлечении когнитивных и прагматических показателей, что позволяет увеличить объяснительную глубину исследовательской версии. Деятельностные свойства модели служат условием выполнения общего структурирования, а погружение модели в речевую активность — необходимым фоном для выявления специфики разновидностей номинации.

Известные определения номинативной ситуации в той или иной степени вносят в ее характеристику сведения об обстоятельстве в контексте. В.Г.Гак объясняет ситуацию как «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в момент сказывания и обуславливающих в определенной мере отбор языковых средств при формировании самого высказывания» (Гак 1973, с. 358). Согласно определению Г.В.Колшанского, ситуация включает в себя совокупность материальных и идеальных условий — имеются в виду собственно физические обстоятельства совершения коммуникации и обеспечение их всем фоном знаний коммуникантов (Колшанский 1984, с. 175). По-видимому, будет правомерно привлечь к рассмотрению номинативной ситуации, в которой производятся искусственная и естественная номинации, контекст деятельности.

Контекст деятельности, или прагматический контекст, по Т.А. Ван Дейку, «является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» (Ван Дейк 1989, с. 20). В прагматическом контексте общие знания о мире, какими располагают участники интеракции, аспектируются или тематизируются применительно к речевой ситуации. Из фонового знания в прагматическом контексте говоря-

---

¹ См. контекст подобного именного изобретения в рассказе В.Распутина: «— Слушаю, — сердито сказал он в трубку. — Рудик, Рудик... Он рассвирепел: — Ио, ведь это же черт знает что такое... — Рудик, — перебили его, — послушай, не сердись, ты еще не знаешь, что случилось... Рудик, ты уже больше не Рудик, ты Рудольфио, — торжественно объявили ему. — Рудольфио! Здорово, правда? Это я только что выдумала. Рудольф и Ио — вместе получается Рудольфио, как у итальянцев... Теперь у нас с тобой одно имя — мы нерасторжимо. Как Ромео и Джульетта. Ты Рудольфио, и я Рудольфио» (В.Распутин «Рудольфио»).

щим актуализируются сведения, мнения, оценки относительно главных компонентов речевой ситуации: где? с кем? о чем? по какому поводу? — производится речевое взаимодействие. Поскольку речевое общение является составной частью социального взаимодействия, прагматический контекст может быть структурирован прежде всего как контекст социальный в терминах социального взаимодействия. Т.А. Ван Дейк, в частности, предлагает использовать для исходного структурирования категории «личное/общественное», «институциональное/неформальное» (Ван Дейк 1989, с. 23).

1. Номинативная ситуация может быть охарактеризована с точки зрения того, в какую сферу социальной активности она погружена — деятельность общественную в институтированных сферах (административной, юридической, финансово-экономической, промышленной, торговой, научной, профессиональной творческой и т.д.), общественное взаимодействие в слабо формализованных сферах народной и городской культуры, общение личное в частных институтах (семейное), личное неформальное общение (общение с друзьями, знакомыми, коллегами в неформальной обстановке) и т.д. Социальные характеристики прагматического контекста неизбежно накладывают отпечаток на разные стороны номинативной деятельности: от них зависит ономазиологическая выделенность объекта, или представления об уместности/неуместности самой денотации¹; здесь устанавливается ракурс восприятия объекта под углом зрения специального, профессионального знания, сведений энциклопедического характера, житейского обыденного опыта², нередко — частной информации о ситуациях предшествующего общения. В социальном контексте происходит также выбор языкового «кода» взаимодействия, проявляющий себя в ориентации на конкретную разновидность языка: фонд общеупотребительной литературной лексики, фонд специальной научной или профес-

---

¹ С точки зрения исследователей-спелеологов, например, вновь открытая пещера должна получить индивидуальное обозначение, но для местных жителей, давно знакомых с объектом, индивидуальное название не столь актуально — при необходимости можно идентифицировать реалию с помощью описания: «Пещера Сухоатинская названа спелеологами Свердловска, впервые исследовавшими ее в августе 1963 г. Среди местных жителей известна как безымянная пещера в Сухой Ате».

² Сравним названия одного и того же спелеообъекта, созданные в результате искусственного и естественного номинирования: «Пещера Новоурадымовская была обнаружена недалеко от села Мурадымово. Свод и стены покрыты копотью от факелов многочисленных посетителей, поэтому среди местных жителей она известна под названием Копченая». Если для спелеологов актуальны признаки месторасположения и новизны обнаружения объекта, то для местного населения — визуальные приметы.

сиональной лексики, общеразговорный язык городского населения, просторечие, жаргон, диалект¹.

В целом на прагматической версии социального контекста формируется пресуппозиция — предшествующее номинации стяжение гетерогенной информации, создающее своего рода предуготовленность к дальнейшему речевому/номинативному действию. Для искусственной номинации общие характеристики социального контекста могут быть определены как взаимодействие общественно ориентированное в институированных сферах деятельности. Естественная номинация характерна для общественной коммуникации, частично формализованной устной традицией, обычаями, неинституированной религиозной верой и т.п., а также для неформализованного коллективного и межличностного общения².

В выборе языкового кода искусственная номинация сориентирована на литературный язык и его специальные терминологические подсистемы, тогда как естественная номинация — на фонд общеупотребительных средств и на нелитературные разновидности национального языка.

2. Далее прагматический контекст может быть структурирован в отношении **социальных статусов называющих субъектов**³. При искусственной номинации номинатор осознает свое право либо свою обязанность нарекать, давать имена, поскольку существующие социальные конвенции предоставляют ему такие полномочия. Право на наречение может давать, в частности, роль первооткрывателя, изобретателя, производителя, автора, владельца, родителя и т.п. Для естественной номинации в социально-ролевой позиции номинатора на первый план выступают иные показатели: личный авторитет в социальной группе, бытийный опыт, возраст, пол, иногда специальные знания и пр. Эти показатели особенно значимы для традиционной народной культуры, где устная норма, как и возможные ее продвижения, связаны прежде всего с авторитетными носителями. Хотя не исключено, что оценка личности говорящего может отступать на второй план, если смысловая и функциональная ценность самой номинативной единицы получит стихийное общественное признание.

---

¹ Влияние социальных параметров, коммуникативной ситуации на выбор той или иной разновидности языка и «типа речи» неоднократно отмечалось в работах по коммуникативной лингвистике (см.: Земская 1988; Китайгородская 1993; и др.).

² Допуская возможность первичного называния в ходе межличностной интеракции, подразумеваем, что в дальнейшем осуществляется стихийный дрейф новообразования в общую речевую/языковую практику.

³ Социальной роли говорящего уделяется серьезное внимание в исследованиях социолингвистической и психолингвистической ориентации (см.: Крысин 1976; Тарасов 1974; Дридзе 1970; Батюкова 1992; и др.).

3. Типизированные ситуации, в которых осуществляется искусственная номинация, — фреймы социального контекста — могут быть представлены следующим перечнем:

- наречение новорожденного (в том случае, если имя не выбирается из антропонимического списка, а изобретается заново);

- официальное переименование (при создании нового имени);

- официальное присвоение имени искусственно созданному ландшафтному объекту (населенному пункту, линейным внутригородским объектам, строительным сооружениям и т.п.);

- присвоение имени природному ландшафтному либо космическому объекту при занесении его на карты, в каталоги, списки и т.д.;

- официальное наречение институтов общественной деятельности, в том числе объектов промышленных, торговых, военных, финансово-экономических, научно-исследовательских, просветительских, культурных, массово-идеологических, досуговых и т.п.;

- присвоение имен творческим коллективам;

- присвоение имен транспортным средствам, уникальным техническим сооружениям;

- присвоение имен орденам и медалям, а также уникальным самородкам и драгоценным камням;

- озаглавливание крупных проектов, программ, кампаний, озаглавливание законодательных, научных, публицистических, художественных текстов, именование произведений искусства, выставок, коллекций.

Список не претендует на исчерпывающую полноту, но тем не менее дает представление о номинативных акциях, которые «одномоментно» закрепляют название за объектом и расцениваются как общественно принятые.

Для естественной номинации сущностно важна последовательность речевых актов, какие могут быть в разной степени тематизированы относительно называемого предмета. Поэтому назовем лишь некоторые возможные ситуации, в рамках которых возникает первичное обозначение:

- прозывание;

- устная характеристика, выражение в текущем разговоре частного мнения, суждения, оценки человека или некоторого сообщества;

- объяснение в устном общении, как найти какой-либо объект, как он выглядит, чем отличается, кому принадлежит, кем используется и для каких целей;

- воспоминание о каких-то событиях, связанных с объектом или лицом.

4. В рамках прагматического контекста складываются в позиции **целеустановки** и **установки** к номинативной деятельности. Для естественной номинации они отличаются большим разнообразием: называющий может стремиться к тому, чтобы

удовлетворить потребность в вербальном воплощении информации в пределах текущей речевой ситуации, либо выразить с помощью нового наименования субъективное видение — экспрессивное или оценочное восприятие денотата, либо создать второе наименование, которое наряду с уже существующим будет служить дополнительному различению и т.д. Ср.: «Как только не называли этот дом: «Ловушка для большевиков», «Остров сокровищ», «Бабы слезы», «Улыбка Сталина», «Общежитие Кремля», «Каземат на Берсеневке», «Райский остров», «Кремлевское кладбище», «Дом-гроб», «Домовина»... Житель 137-й квартиры этого дома писатель Юрий Трифонов назвал его наиболее точно — Дом на набережной. Это название вместило в себя смысл вышеперечисленных и вошло в обиход» («КП». 12.11.96).

Искусственная номинация обычно нацелена на создание наименований, которые будут обязательными при официальном употреблении. Частные номинативные установки зависят от особенностей фрейма и характера пропозиции. Рассмотрим пример их взаимодействия в ситуации изобретения названий фирменных ресторанных блюд.

1. Социальный контекст: деятельность публичная, институированная.

2. Институтция: досуговое заведение государственного или частного владения.

3. Социальная позиция номинатора: лицо, наделенное профессиональными полномочиями.

4. Пресуппозиция: знание, представления: а) об уровне обслуживания; б) о ранге заведения; в) о его общем имидже; г) о социальном профиле клиентуры; д) об эстетических запросах посетителей и др.

5. Частные номинативные установки в пропозиции: а) ориентация на эстетические вкусы потребителей; б) привлечение внимания; в) рекламирование.

Покажем вариант конкретной реализации на примере названий фирменных блюд ресторана «ТРАМ» (Театральный Ресторан Артистов Москвы) при театре Ленинского комсомола. Это частное предприятие, которым владеет группа деятелей театра и кино. Автор фирменных названий — драматург Дмитрий Липскеров. Названия рассчитаны на творческую интеллигенцию, поэтому в номинации прослеживается стремление к утонченной эстетизации — игра со словом, номинативные аллюзии, восходящие к литературным, сценическим, кинематографическим текстам, намеки на реалии театральной жизни: «Старик и море» — стейк из норвежского лосося, «На дне» — морской коктейль, «Трофей Мюнхаузена» — веер из утиной грудки, «Травести» — ягодный десерт («КП». 29.08.97).

5. Режим осуществления номинации может быть описан с помощью типологии речевых актов и признаков, которые обсуж-

дались в работах Дж.Остина и Дж.Серля (Остин 1986; Серль 1987). Речевой акт, в границах которого осуществляется искусственная номинация, соответствует акту-установлению декларативного типа, он обладает предписательной силой и преследует «изменение положения дел в мире». Создавая названия, номинатор вменяет в обязанность их употребление в коллективной речевой практике. Напр.: Сына называли Кимом. Звезду под номером 2374 называли Владвысоцкий. Малой планете присвоили имя «Рамзай». Имя «Юрий Никулин» присвоено ювелирному алмазу весом 62,79 карата, добытому в Западной Якутии.

Само высказывание нередко строится как перформатив, то есть сообщение, эквивалентное поступку: «я (мы) называю(-ем) объект...», оно информирует о факте присвоения имени как о состоявшемся событии. М.Я.Гловинская, исследовавшая семантику глаголов речи в аспекте теории речевых актов, обращает внимание на разные установки говорящих в актах называния, наименования (Гловинская 1993, с.201—202). Взяв за основу сделанные ею наблюдения, для актов официального именования можно представить следующую прагматическую схему:

1) X (номинатор) имеет право давать имена объектам типа Y; 2) X выбирает для Y имя; 3) X говорит, что имя для Y — Z; 4) X говорит это потому, что хочет, чтобы Y имел имя.

Опорой для процесса естественной номинации служит последовательность речевых актов — дискурс или метадискурс, в котором не меняются социальные характеристики прагматического контекста. На интерпретации номинативной единицы в речевых актах вырабатываются свойства ее воспроизводимости и происходит обобществление знаковой семантики. Поскольку в акте первоименования не происходит жесткого закрепления наименования за предметом, процесс апробации обычно сопровождается выработкой вариативных обозначений, а также их конкуренцией.

6. Каналом для естественной узуализации служит речевая практика, она «обтачивает» содержание и форму имени. Возникающее таким образом свойство общественной воспроизводимости предполагает использование индивидуально созданной номинативной единицы в текстах тех жанров, которые в ходу у данного языкового коллектива, а также передачу, запоминание, усвоение и подтверждение ее в речи разными коммуникантами. Естественное обобществление номинативной единицы, впитывание ее общеязыковым опытом — процесс ненаправленный и нерегулируемый. Он осуществляется стихийно за счет предпочтения одних образцов называния другим: «Выдвижение того или иного имени на первый план зависит от многих факторов: авторитета автора, простоты формы, остроумия и неожиданности мотивировки. Поэтому предугадать вхождение или невхождение новообразования в узус, основываясь только на представлении о языковой правильности, довольно трудно» (Голев 1980, с.72).

При искусственной номинации происходит ускоренная выработка у номинативной единицы свойства узуализированной: этап речевой обкатки заведомо сводится к минимуму, совмещается или максимально приближается к акту номинации, и собственно номинативная активность соединяется с императивной узуализацией, закрепляющей название за объектом наречения. В случае дистанцированной коммуникации, что часто имеет место при официальном наречении, императивная узуализация производится через каналы и средства массовой информации. Предписательный характер может также придавать названию письменная фиксация в документах, в нормативных или справочных текстах, обычно связанных с деловой сферой общения. Добавим, что искусственные имена в художественной речи обладают тем же качеством обязательного приложения к названным реалиям: созданные волей и воображением автора, они не меняются по прихоти воспринимающего текст коммуниканта.

Подведем итоги сопоставления: естественная номинация есть производное от дискурса в институированных сферах взаимодействия. Это процесс закрепления категориальной семантики и формы обозначения в ходе стихийной апробации и узуализации нового наименования языковым коллективом. Другими словами, при естественной номинации языковой коллектив в устной речевой деятельности постигает, по отношению к чему и как может использоваться новое наименование, узнает, апробирует и принимает его конкретные варианты.

Искусственная номинация — номинативный акт, который принадлежит сфере институированной коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию.

Расставляя акценты в объяснении искусственной номинации, нужно особо подчеркнуть предписательную силу связанных с ней речевых действий, а также их адресатную направленность широкой аудитории. Последний показатель весьма значим для проведения логической оси, полярные точки которой занимают явления естественной и искусственной номинации, такой осью служит лексический фонд языкового коллектива. Именно в тех случаях, когда название адресовано *языковому социуму*, наиболее четко, наиболее контрастно предстают «очертания» противопоставляемых явлений и подтверждается целесообразность самого противопоставления. Не случайно с искусственным названием в первую очередь связывают изобретение терминов и официальное присвоение имен — эта деятельность осуществляется в смысловой модальности общественной пользы и направлена на пополнение общего лексикона. Чем уже языковой коллектив, чем необязательнее употребление нового обозначения, тем расплывчатее становится граница между естественным и искусственным наречением. И наконец, существуют области коммуникации, где

основания для противопоставления стираются, а сама оппозиция нейтрализуется.

При естественной номинации сливаются в совместных усилиях коллективное языковое сознание и языковое сознание отдельной языковой личности. Нивелировка вариантов речевого обозначения и обобществление фактов речевой номинации завершается тем, что можно назвать «языковой кристаллизацией» — закреплением объективируемого содержания в цельнооформленной единице. Искусственная номинация обнаруживает большую зависимость от работы индивидуального языкового сознания: автору(-ам) номинативного решения принадлежат оценка необходимости словоновшества, прогнозирование категориальных свойств обозначения, представления о целесообразности вменить в обязанность его употребление.

Естественную и искусственную номинацию можно представить как пути, по которым идет пополнение лексического фонда языка за счет его собственных ресурсов, и одновременно как разные формы узуализации: «снизу» — путем апробации номинативной единицы в речевых актах, сопровождающейся конкуренцией вариантов и стихийным закреплением оптимального, и «сверху» — путем намеренного введения авторски созданной единицы в языковой обиход.

В какой-то мере для смыслового различения естественной и искусственной номинации подходит сравнение с фольклором и литературой, диалектами и литературным языком, где одно первично и постоянно, другое — вторично и рождается в опоре на опыт исходного, но переплавляет его в закономерности собственного развития. Хронологически естественная номинация предшествует искусственной и создает определенные предпосылки для ее возникновения, но модели естественного наречения не отвергаются искусственным, а, напротив, сохраняются и включаются в ее активный инвентарь, хотя и соседствуют с новыми традициями в приемах и принципах обозначения (см.: Голомидова 1991, с. 9).

Оппозиция естественного и искусственного наречения в проекции на ономастический материал позволяет уточнить действие фактора номинативной целесообразности, который проявляет себя в целесообразности самого онимического означивания и в затратах речемыслительных усилий по концентрации онимического содержания у производной единицы. Отношения, которые позволяют установить этот фактор между естественной и искусственной номинацией, построены не по принципу взаимоисключения, но как отношения распределения, показывающие предпочтительное при том и другом типе именования.

Естественная онимическая номинация опосредована текущими запросами духовной и практической деятельности социума,

и коллективный характер именотворчества служит залогом его необходимости. Искусственная номинация обнаруживает тенденцию к максимальному удовлетворению нужд практики и формированию искусственной же целесообразности. Искусственная целесообразность проявляет себя в том, что наречение может напрямую не соотноситься с насущными потребностями сегодняшнего дня и даже в некоторых случаях не подразумевает активное внедрение новообразования в речевую практику — собственное имя создается на случай возможного востребования: «Если местное население дает топонимические названия выборочно, то при геологических, географических и прочих исследованиях названия получают все обнаруженные объекты в количестве, зависящем от степени подробности исследования» (Кусков 1972, с. 82).

Протекающая при стихийной речевой «обкатке» естественная генерация имени собственного предполагает отбор мотивировочных признаков, информативные возможности которых позволяют идентифицировать объект называния. Чаще всего это реальные свойства самого предмета либо его связи с другими предметами, событиями природного мира или социальной жизни. Обстоятельным контекстом для отыскания мотивировочного признака служит конситуация — «элементы актуальной экстралингвистической ситуации, окружающей участников коммуникации» (Богданов 1985, с. 3). Когда номинативная единица прочно утверждается в категориальном статусе онама, превалирование категориальной семантики способно приглушать информативно-различительную силу внутренней формы.

Искусственная номинация в отличие от естественной активнее использует условные мотивировочные признаки, соотносённые не с подлинными квалификативными либо релятивными свойствами предмета, но с козмпирией — «суммой общего опыта и общих энциклопедических знаний о мире, которыми располагают участники коммуникации» (Богданов 1985, с. 3). Если абстрактная выделительная семантика имени сочетается в номинации с условной различительной, то возникает знак, имеющий бóльшую степень произвольности. Тем самым при искусственном наречении сокращается процесс выработки абстрактного языкового символа, связь которого с предметом поддерживает только нарицательный классификатор. Здесь просматривается любопытный симбиоз объективного и субъективного: кажущийся номинативным производом субъективный выбор условного мотивировочного признака совпадает с одной из тенденций самого языка, который в силу внутренней «логики» стремится обратить имя собственное в условный индивидуализирующий знак.

Историческое развитие искусственной ономической номинации. Зоны ее активности в русском языке

Степень рационального, того, что опосредовано знанием и направляется волей называющего субъекта, в искусственной номинации предельно высока. Описанные в предыдущей части параметры позволяют говорить о такой номинации-узуализации как об особом типе речевого поведения, который устанавливается в качестве самостоятельной разновидности только тогда, когда в общественном сознании складываются представления о типичности, «нормальности» подобной интеракции. Очевидно, этому предшествует формирование устойчивых ассоциаций, связанных со стереотипными ситуациями и осуществляемому в них речевому поведению; далее единоличная и одновременная номинация-узуализация начинает квалифицироваться как *норма* с соответствующими градуальными оценками: «необходимое», «обычное», «разрешенное», «допустимое». Норма поддерживает предсказуемость поведения, обеспечивает его общепонятность и стандартность. Внедряемая как в менталитет группы, так и в поведение индивида, норма диктует ожидаемое поведение, его стереотип (Ерасов, II, с. 113).

Закрепление стереотипа речевого поведения в статусе нормы подготавливается внешними, социальными условиями и внутренней настройкой языкового сознания. Внутреннее основание для называющего субъекта означает лингвopsихологическую предуготовленность к выполнению волевого номинативного акта и включает по крайней мере две составляющие: во-первых, определенный уровень языковой компетенции, или опосредованную знанием способность к номинативной деятельности. Для ономической номинации важны знания о концепте «онома» научного или обыденного свойства. Этот объем лингвистического опыта можно назвать содержательно-информативной предуготовленностью.

Второе слагаемое — энергетически-волевая предуготовленность, то есть осознание субъектом своего права на осуществление волевого номинативного акта и последующей узуализации. Оба вида предуготовленности относятся к связке «человек — язык», но первый подразумевает владение языком, а второй — способность сознательно воздействовать на него. Вполне очевидно, что такая «готовность» возникает только в определенных социальных и культурных условиях.

Синкретичность знания и коллективный характер созидательной деятельности — приметы ранних периодов развития человеческого общества. «В древнейшие времена, когда человеческий язык еще только развивался, он создавался всеми, и у тогдаш-

них людей не могло даже возникнуть представление о том, что кто-то определенный из членов рода, племени, народа является «автором» какого-либо слова» (Берков 1963, с. 4). Славянская древность в этом отношении не составляет исключения. Так, реконструируя архаизмы славянского мышления, О.Н.Трубачев приходит к выводу о примате коллективного, связанного с изначальной идеологией рода у славян (Трубачев 1991, с. 172): «Отмечаемая до сих пор такая черта славянского *svojь, русск. *свой* как отсутствие противопоставления коллективности и индивидуальности... представляет собой выдающийся и еще в полной мере не оцененный индоевропейский архаизм славянского языка и культуры, знаменующий собой живую традицию первоначальной этимологии и.-е. *su- и изначальной идеологии рода... Таким образом, и.-е. *suo-s «свой» «лежит вне категории лица», как верно отметил Бенвенист... больше того, оно может быть правильно понято лишь при признании примата коллективности» (Трубачев 1991, с. 166).

Мировидение древнерусского человека наследует этот же принцип в осмыслении отношений человека и языка: «Представления о человеке, имевшем некую личностную доминанту, нечто единственное и неповторимое в своем характере и судьбе, что выделяло бы его из множества других, такое представление Древней Руси еще не известно. Понятие о лице и тем более о личности еще не сложилось. Человек... понимался как неотторжимая часть рода людского» (Колесов 1996, с. 106). Творческая способность в эту эпоху принадлежит соборному народному сознанию, неразрывно слитому с устной речевой и художественной традицией. Реликты подобного растворения личного в общественном сохраняются и сегодня в языковом сознании и самосознании человека в традиционной народной культуре: «Глубокую зависимость личности от социума создавали, сохраняли и укрепляли коллективные представления и коллективные тексты, их выражающие. На языковом уровне это проявляется в специфическом взаимодействии в языковом сознании и языковом поведении двух стилей, или языков — диалекта и языка фольклора... Перетекание фольклорной речи в бытовую и обратно — естественное явление» (Никитина 1993, с. 36).

Не индивидуальная воля отдельного члена языкового коллектива, а подчинение идущей от предков традиции определяет мировоззрение и речевое поведение древних славян и русичей. Традиции с их разрешающими, ограничительными и запрещающими нормами регламентируют языковое поведение и выступают доминантой языкового сознания. Как наследуемый пласт культуры традиция вбирает в свое семантическое пространство жизненный уклад, системы ценностей, воспитание, обучение, трудовые навыки и т.д., в том числе и языковые знания. Инновации, вызванные к жизни потребностями производственной,

интеллектуальной, художественно-эстетической деятельности, укореняются в языке постепенно, лишь пройдя через фильтр общей речевой практики.

Не создает авторской номинации и средневековый период. Показательны в этом отношении сходные мнения литературоведов, историков русской культуры и языка относительно формирования понятия автора и авторского стиля: «Средневековые не знали авторского права и очень мало считалось с авторским текстом» (Лихачев 1954, с. 426). Следование канону и анонимность остаются характерными приметами средневекового искусства по крайней мере до XVII века (Виноградов 1961, с. 56—57). Формирование концепта авторства в парадигме стиля мышления можно проследить на примере отношения к письменным текстам. Для нас это тем более важно, что искусственная номинация тесно связана с письменными формами речи.

Стиль мышления, при котором коллективное, общее ставится несравненно выше частного, индивидуального, находит свое отражение и в том, что тексты письменные, подобно фольклорным, подвергаются множественной компиляции: «Эти компиляции составлялись обычно по какой-нибудь одной крупной теме и подчинялись определенной концепции. В многочисленных компиляциях по русской истории — летописных сводах дошло до нас огромное большинство тех памятников, которые мы сейчас изучаем отдельно. Произведения, включенные в состав этих сводов, изменялись в процессе переписи вместе со всем их содержанием» (Лихачев 1989, с. 199—200).

Освобождение человеческой личности от средневековой корпоративности — процесс долговременный, и его аутоцентричность по-разному высвечивается в разных явлениях, а динамика развития не совпадает в разных культурах. В западноевропейской культуре утверждение ценности отдельного человеческого микрокосма связывают с эпохой Ренессанса. В русской письменной культуре зачатки индивидуально-авторской позиции просматриваются в публицистике XVI века, развивавшей возрожденческие идеи — веру в разум, в силу убеждения, в силу слова, в преобразование общества на разумных началах.

В книжной, письменной культуре XVII века не только усиливается интерес к внутреннему миру человека и начинают складываться первые представления о человеческом характере, но также формируется профессиональный подход к литературной деятельности: «Роль личности в литературе возрастает настолько, что в XVII веке появляются уже писатели-профессионалы, хотя отдельные черты профессионализма были свойственны писателям и более раннего времени» (Лихачев 1989, с. 170). Однако только в контексте культуры Нового времени идея авторства находит свое наиболее явное воплощение: «Сравнительно поздняя эмансипация человеческой личности и поздняя секуляризация литературы не дали в

достаточной мере развиться и расцвести в ней, вплоть до середины XVIII века, личностному началу» (Лихачев 1989, с. 171—172).

В эпоху Просвещения укрепляется новый стиль мышления, во многом поддерживаемый рационалистической философией. Для этого стиля мышления свойствен «эгоцентрический, личностный оттенок» (Руденко 1993, с. 156). В частности, в картине мира Нового времени наиболее убедительно начинает представляться образ мира как механизма, устройство которого доступно контролю мысли (Косарева 1989, с. 153). В свою очередь, такая ценностная ориентация тесно связана с протежированием самосознающего типа личности (Там же, с. 22). Неотъемлемой частью новой парадигмы общественного сознания было вычленение субъектно-личностного начала и формирование понятия личности как самоценного социально активного субъекта, носителя уникальных человеческих качеств. Формирование концепта авторства в литературной деятельности может служить косвенным подтверждением тому, что в общественном сознании, связанном с городской культурой, укрепляется идея ценности отдельной человеческой личности, за которой признается право на самостоятельную созидательную позицию.

Язык развивается в согласии с другими аспектами культуры, и вполне очевидно, что выделенную в особый тип искусственную номинацию следует связывать не только с внутренней предуготовленностью языковой личности, но и с факторами внешней регуляции — социальными установлениями, реалиями общественно-исторического развития, которые способны стимулировать выработку типов и правил языкового поведения. Стереотипизации искусственного именования способствовало развитие социальной структуры общества, усложнение и расслоение создаваемой материальной и духовной культуры: дифференциация и отраслевая специализация видов познания и практики потребовала от языка ускоренной выработки новых лексических единиц — терминов, номенклатурных обозначений, собственных имен.

Становление национального государства, интеграция разных сторон его жизнедеятельности, расширение территории и утверждение имперской политики вызвали насущную необходимость в контроле над численностью народонаселения. Для этого государству нужна была единая и достаточно информативная антропимическая формула, обязательным компонентом которой стало фамильное имя¹. Кампании по переписи населения, которые проводи-

---

¹ «Процесс образования фамилий, начавшийся в XVI в., заканчивается во второй половине XIX в., при этом распространению фамилий, несомненно, способствовали культурные процессы XVI—XVIII вв.— ориентация на Польшу, а затем на Западную Европу. Будучи связан с бюрократическими потребностями Российской Империи, процесс этот имел до некоторой степени искусственный характер» (Успенский, II, с. 181).

лись в административном порядке, сопровождалась массовым производством фамилий. Социальный смысл фамильного имени отражал новые отношения человека и государства: принадлежность не роду, не хозяйственной или профессиональной общине, а семье, ячейке общества, несущей ответственность перед государством при выплате налогов и поставке рекрутов. Не случайно распространение фамилий касалось прежде всего свободных подданных (в том числе и государственных крестьян) и долгое время не затрагивало крепостных, находившихся в частном владении.

Развертывание специального научного и технического знания и связанное с ним формирование профессий также интенсифицировали создание новой онимической лексики. Географическое обследование малоосвоенных и недавно приобретенных территорий, разведывание и разработка полезных ископаемых способствовали производству искусственной топонимии. Например, на Дальнем Востоке обычаем придумывать названия географическим объектам появился лишь в середине XVIII века, во время Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга; ранее названия, в том числе и русские, возникали самопроизвольно (Полевой 1974, с. 40). Экспедиции на Камчатку 1809-го и 1815-го годов оставили свой след в названиях отдельных мысов, бухт и прочих береговых объектов, а более поздние исследования, проводившиеся в 1827—1828 годах командой под руководством Ф.П.Литке, в 1885 и 1890 годах шкипером Ф.Ф.К.Геком, дали обширный массив искусственных наименований (Кусков 1972, с. 89—95).

Идущий параллельно процесс образования новых городов, сел, деревень активизировал искусственное наречение в ойконимии. Фактор сознательности становится главной чертой начавшегося в середине XVIII века очередного этапа в ойконимической номинации (Мозговой 1991, с. 131).

Фактором *направляющего влияния* в Петровскую эпоху стала идеологема «общественной пользы», которой руководствовался в своих делах сам царь, просветители и общественные деятели того времени: «за годы активного правления Петра (1700—1724) на головы подданных обрушился колоссальный поток указов, инструкций, наставлений и т.п., в количественном отношении превосходивший 25-летие, как этим годам предшествующее, так и последовавшее за ними. В оценке регламентов, указов и наставлений Петр оказался весьма последовательным: вооружив ими чиновников разного ранга, он не оставил в покое и подданных, снабдив их массой нормативных и распорядительных актов, властно вторгавшихся в их семейную, хозяйственную и духовную жизнь» (Павленко 1990, с. 488).

Установка на регламентацию тесно связана с еще одним, важным для развития искусственного именования фактором — *выработкой текстов, способствующих априорной узуализации искусственных названий*. Переписные книги, регистрационные

списки, метрики, паспорта стали текстовыми формами не только юридической силы, но также нормативной семантики. В XVIII веке нормативная функция спонтанно сливается с главной функциональной нагрузкой деловых, научных, технических и даже художественных и публицистических текстов, а предписательный характер объединяет письменные тексты с производными прочих знаковых систем: «Письменность Нового времени характеризуется гораздо более глубокой связью с другими семиотическими системами, чем письменность средневековья... при изучении письменных нормативов Нового времени возникает необходимость обращаться к общим принципам научного знания, сформулированным в этот период» (Волков 1982, с. 31).

В Петровскую эпоху начинаются регулярные работы по картографированию России (Поспелов 1977, с. 107). С развитием картографии и эволюцией карты повысилось внимание к ее языковому, топонимическому материалу. Научная карта начинает совмещать свойства знаковой системы, облегчающей человеку пространственную ориентацию, и текста, предписывающего одностороннюю восприятия значения и формы топонима. Карты, атласы, списки становятся удобным средством для императивной узуализации вновь созданных имен.

Деловой текст в силу заложенных в нем семиотических свойств сам по себе программирует поиск и включение нужного языкового материала, и, если его недостает, создателям текста приходится восполнять пробел. Незаселенные и малозаселенные территории в языковом отношении *tabula rasa* для тех, кто по долгу службы занимается их освоением, поэтому при топографической съемке местности, составлении чертежей, планов, карт производство новых географических имен идет «потокотом». Закрепление названий на картах не всегда соответствует реальным потребностям общества в означивании географических объектов, но учитывает возможные потребности.

Фетишизация документа может привести к лишенному подлинных оснований, бумажному имитаторству, и в этом отношении тыняновский подпоручик Кижэ и гоголевская Елизавет Воробей¹ вполне понятные примеры вымысла в деловом тексте, с той разницей, что первое — это фатальное порождение бюрократической фантазии, а второе — умышленный именной подлог.

В настоящее время искусственная номинация проявляет себя во всех разрядах онимической лексики: с ее помощью образуются топонимы, антропонимы, космонимы, зоонимы, эргонимы и т.д., но можно выделить денотативные зоны ее безусловного приоритета. В топонимии это объекты, созданные руками человека,

---

¹ Измененное женское имя, которое Собакевич включил в список мертвых мужичьих душ.

и те природные реалии, название которых исключает или сводит к минимуму участие языковых коллективов: например, участки незаселенных и малозаселенных территорий (районы Крайнего Севера, Арктики, Антарктики), подводный рельеф акватории Мирового океана, объекты, которые относительно недавно стали предметом пристального научного интереса (подземные карстовые полости, ледники, гейзеры). В космонимии искусственному наречению подлежат малые и большие космические тела, а также участки на поверхности планет Луны, Марса, Венеры. Перечень объектов достаточно четко высвечивает общий вектор внешней стимуляции: искусственное топонимическое наречение тесно связано с нуждами научной и централизованной производственно-технической деятельности.

В антропонимии диаграмма искусственного наречения дает дискретное изображение: к искусственным образованиям следует отнести часть русских фамилий (фамилии православного духовенства — Ангелов, Богородицкий, Любомудров, Туберозов, Песнопевцев, Яхонтов и т.п.; фамилии незаконнорожденных — Пнин от Репнин, Агин от Елагин, Ранцов от Воронцов, Герцен от нем. «Herz» — «сердце»; фамилии, умышленно измененные, — Алов от Алтаев, Безуглов от Безумов, Гнедин от Гнидин, Соколов от Блохин)¹, а также личные имена-неологизмы, созданные в 20—30-е годы нашего столетия как дань моде и стремлению внести в социальный быт новую идеологию с характерными для нее ориентирами: Октябрь и Октябрина, Ким и Кима (от «Коммунистический Интернационал»), Рем и Рема (от «революция мировая»), Рикс (из сочетания «рабочих и крестьян союз»), Атеист, Агитпроп, Борец, Бунтарь, Вождь, Гений, Гения, Воля, Заря, Звезда, Свобода, Идея, Искра, Эра и т.д.²

Рассматривая искусственную номинацию в ретроспективе движения общественного сознания, подчеркнем, что принципиальными для теоретического построения являются представления о «человеке называющем», не просто обладателе абстрактного языкового опыта и неких универсальных принципов его применения, но об активном интерпретаторе языковой действительности, о носителе некоторых концептуальных систем, на основе которых выстраивается отношение к языку и происходит использование языковых средств в познании и коммуникации. Именно с искусственной номинацией связана особая норма речевого поведения, согласно которой именуемый субъект оценивает самого себя как правомочного создателя новых имен.

---

¹ Об искусственных фамилиях см.: Унбегаун 1995, с. 169—198; Суперанская, Сулова 1981, с. 48—49.

² Личные имена-неологизмы рассматриваются у многих авторов, см.: Деллерт 1924; Селищев 1968; Данилина 1972; Щетинин 1972; Ткачук 1973; Никонов 1974; Сулова, Суперанская 1978; Бондалетов 1983; и др.

Субъектно-объектные отношения, представленные в общей динамике искусственного наречения, демонстрируют его привязку к свободным зонам онимического означивания, освоение которых было стимулировано интенсивным развитием и распространением специального (в том числе технического и научного) знания. Главным денотативным ареалом, попадающим под действие искусственной номинации, соответствуют разряды собственных имен, различных по частной категориальной семантике, но однотипных по коммуникативному диапазону: они предназначены для общественной интеракции, ориентированы на общезыковую узус и воспринимаются (либо должны восприниматься) как обязательные и единые для всех. Такая ориентация позволяет пока совмещать в едином перечне факты первичного присвоения имени и факты переименования, при которых новый знак в силу императивного решения вытесняет прежний. Например, фамильное имя, измененное в соответствии с юридическими процедурами, осознается как главный языковой различитель личности и в паре «исходное имя — новое имя» обретает права основного знака.

Запросы социальной практики выступают объективным основанием для упрочения и развития искусственной номинации. Чем обширнее становится человеческая общность, причастная к постижению жизненного пространства, где обнаруживаются денотаты для онимического маркирования, тем более регламентируются акты искусственного наречения. Примером этому служит особая формализованность в именовании объектов совместных международных исследований — здесь номинацию подтверждают комиссии, наделенные правом декларации, и направляют стандартизирующие правила, изложенные в специальных кодексах.

Функциональные разряды онимической лексики и функциональные разновидности искусственных имен

Система онимической лексики в своем функционировании подвергается внутренней дифференциации в соответствии с тем, в каких коммуникативных сферах и в каких целях используются ее единицы. Ономастика вырабатывает самостоятельные функциональные разряды имен, отличных по коммуникативному диапазону и специфике применения. Наиболее масштабное противопоставление разводит имена общеупотребительные и те, чье употребление закреплено за отдельными сферами речевого общения.

Для описания функциональных разрядов собственных имен используются в дальнейшем следующие показатели: зона коммуникации и ширина коммуникативного диапазона в эксплуатации

имени, характер адресации номинативной деятельности, обязательность/необязательность употребления именного новообразования, отнесенность денотации к реальному или воображаемому, вымышленному миру. Общая характеристика функциональных разрядов, в образовании которых повышена доля рационального именотворчества, позволит в дальнейшем выделить конкретные функциональные разновидности искусственных имен.

С искусственной номинацией, рассчитанной на появление онимических единиц широкого коммуникативного диапазона, связано производство так называемых официальных названий. Официальные имена несут информацию, потенциально предназначенную для всех членов языкового коллектива. Они обычно фиксируются текстами предписательного характера и в первую очередь используются при институцированном общении. Связь, устанавливаемая между языковым знаком и объектом наречения, обладает свойствами императивной нормы — это условие адекватного восприятия при актуализации имени в любых текстах коммуникации, но прежде всего при деловом общении. Указанные особенности не препятствуют официальным названиям расширять границы функционирования и свободно употребляться за пределами доминантной коммуникативной зоны, однако социальный контекст неформального общения часто способствует эллиптированию отдельных громоздких либо неудобных для воспроизведения в устной речи именных конструкций. Направленность номинативного результата массовой аудитории обуславливает предпочтительный отбор производящей лексики из литературного языка и привлечение наиболее продуктивных моделей именного словообразования, что способствует активной выработке именных клише.

Официальным именам, запрограммированным на широкий «радиус действия», противопоставлены онимические единицы, чье появление и функционирование соотнесено с особыми обстоятельствами коммуникации, это имена условные и вымышленные. Добавим, что названные функциональные разряды вбирают единицы ядерных семантических классов — топонимы и антропонимы — и потому должны получить объяснение как с точки зрения их роли в онимической системе языка, так и с точки зрения их причастности к искусственному наречению. Полагаем, что в сфере условных и вымышленных имен искусственная номинация действует избирательно.

Условные имена обычно относятся к узкоспециализированной деятельности и связанному с ней профессиональному либо неформальному общению. Называя объекты реального мира, они тем не менее адресованы только тем лицам, которые знакомы с правилами типовых сценариев речеповедения и могут принимать участие в диалоге. Употребление знака в отношении денотата носит характер диспозитивной нормы и, как правило, желательно в силу конкретных причин, но отнюдь не обязательно.

Таковы условные топонимы — единицы топонимических систем, которые создаются ограниченным контингентом лиц в целях исключительно внутригруппового общения и выделяют ориентиры, значимые для называющих. Подобные системы нередко образуются «пришлыми» людьми, чье сколько-нибудь длительное пребывание на местности вызывает необходимость в ее маркировании, выделении наиболее важных объектов и составлении утилитарной схемы: «На десятки верст леса и болота нами исхожены, избеганы с гончими, и всем островам, низинам, хохолкам дано наше имя: есть у нас «Ясная поляна» с тремя высокими елями... есть сухое местечко между двумя болотами — «Передышка», есть «Золотая луговина», а верст на восемь от нее, среди временами почти непроходимых болот высится боровое местечко, далеко видное, местные люди зовут его просто Вихарек, а мы окрестили «Алаунская возвышенность» (Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М., 1982. Т. 3. С. 170).

Условная топонимия возникает параллельно или «поверх» существующей сетки географических названий, обычно не совпадая с ней в точках обозначения. А.К.Матвеев, описывая условную систему, созданную группой охотников-любителей в Шалинском районе Свердловской области, отмечает: «Курьезно выглядели наши попытки найти соответствие между местной и созданной нами топонимическими системами, которые имели место при встрече с местными охотниками, тщетно пытавшимися объяснить нам, как найти одно урочище, особенно богатое тетеревами» (Матвеев 1974, с. 13). В отличие от народных топонимов-профессионализмов, передаваемых в традиции от поколения поколению, условные топонимы недолговечны: срок их жизнедеятельности определен использованием в речи ограниченной группы людей применительно к ситуациям совместной деятельности. Однако особенности функционирования не нарушают связи условных географических имен с закономерностями топонимического наречения. Условная топонимия дополняет топонимический материал официальных карт, способствует более точной ориентировке на местности и может попутно удовлетворять интеллектуальные запросы коммуникантов, втягивая их в языковую игру. Установившиеся топонимические обозначения «подталкивают» своих создателей к продолжению называния (феномен, подобный эффекту саморазвития транспортных сетей), к более дробной номинативной фрагментации территории, к расширению и систематизации семиотического материала; а рациональная «игра со словом» приводит к рождению именных комплексов для взаимно соотносенных объектов — именных цепочек, связанных ассоциативными проекциями семантики производящих основ. Сошлемся на свидетельство участника такого именотворчества: «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР. Эта территория долгое время была неизвестна, троп туда мы не знали. Когда ее «открыли», оказалось, что здесь очень разнообразные по рельефу и ландшафту богатые

дичью места. Тут и вспомнили о научно-фантастическом романе А.Конан-Дойля «Затерянный Мир». — ПОТУСТОРОННИЙ МИР. Участок леса, находящийся за Затерянным Миром. Первоначально смысл названия увязывался с буквально понимаемым выражением «по ту сторону» (имеется в виду — Затерянного Мира), затем не без доли юмора название приобрело «религиозную окрасченность» и стало первым в ряду таких названий. — РАЙ. Очень красивое и удобное для ходьбы место в Потустороннем Мире, богатое дичью. — РАЙСКОЕ КОЛЬЦО. Круговая дорожка в Раю. — ЗАГРОВНЫЙ МИР. Местность, находящаяся за Потусторонним Миром» (Матвеев 1991, с. 19—22).

Формирование условных топонимических систем сопровождается сложным переплетением стихийного и намеренного: «Нарочитость особенно показательна в образных названиях, естественность — в метонимических» (Матвеев 1991, с. 25). Диффузность обстоятельственного фона и узкий круг воспринимающих лиц, а также относительная кратковременность в освоении местности убеждают в нецелесообразности поисков здесь явных фактов искусственной номинации. Создание вспомогательных, или дополнительных, топонимических систем следует относить к области коммуникации, где искусственная и естественная номинации теряют контрастные признаки противопоставления, но в целом условная топонимия дает любопытный материал для наблюдения над процессами языковой динамики и сложным участием в ней намеренного творчества человека и влияния самой языковой системы.

Условные антропонимы также, как правило, закреплены за ограниченными сферами общения и своим появлением обязаны решению задач такой коммуникативной стратегии, когда использование реального имени по каким-либо причинам невозможно или нежелательно. Подобные имена могут создаваться в обстоятельствах, при которых характер деятельности заставляет сохранять в тайне подлинное имя. Таков, например, обстоятельный контекст «сочинения» агентурных кличек у работников служб разведки и безопасности или конспиративных имен у членов тайных организаций, см.: «Все мы читали в школе книги о Ленине, написанные Зоей Воскресенской, но мало кто знает, что популярная детская писательница прежде, чем взяться за перо, четверть века проработала во внешней разведке, где ее знали как Ирину и как Зою Рыбкину» («КП». 6.02.97).

У агентов безопасности США, в чьи обязанности входит охрана главных должностных лиц государства, с послевоенного времени бытует традиция награждать хозяев Белого дома «служебными именами». «Это не только облегчает выполнение оперативных заданий, — пишет корреспондент немецкой газеты «Вельт», — но также, думается, дает возможность проявить фантазию и выразить шефу посредством клички свое уважение, не

лишенное, однако, легкого юмора или даже иронии». Гарри Трумен первым получил кличку Надзирателя («Supervisor»), его супруга Бэсс именовалась как Солнечная сторона («Sunnyside»), Дуайт Эйзенхауэр — Провидение («Providence»), его жена — Весна («Springtime»), Джон Кеннеди — Улан («Lancer»), а Линдон Джонсон — Доброволец («Volunteer»), Рональд Рейган — Сыромятная плеть («Rawhide»), Нэнси Рейган — Радуга («Rainbow»); слывший искусным дипломатом госсекретарь Генри Киссинджер получил двусмысленную кличку Лесоруб («Woodcutter»), Джимми Картер величался Дьяконом («Diakon»), Джордж Буш (вдохновитель военной кампании «Буря в пустыне») — Лесной Волк («Timberwolf»), а Билл Клинтон — Орел («Eagle») («РВ». 14.08.96).

В профессиональном общении работников служб безопасности условные имена нередко изобретаются для субъектов, чья личность временно не идентифицирована: «Поскольку первыми жертвами террориста были сотрудники университетов и авиакомпаний, ФБР дало преступнику прозвище Унабомбер — «университеты—авиакомпаний—бомбист» (ИТАР-ТАСС. 05.11.95).

Условные антропонимы, привязанные к профессиональной (или деловой) коммуникации, — это своеобразный «материал для служебного пользования», который понятен контингенту посвященных лиц и не употребляется без специальных разъяснений (а часто и разрешений) за его пределами. Сколько бы ни были здесь заметны творческие усилия называющих, узость функционального диапазона служебных антропонимов не позволяет квалифицировать этот материал как естественно или искусственно созданный.

Иную по своим свойствам группу условных антропонимов представляют творческие имена — псевдонимы. Причины, вызывающие их появление, разнообразны. Одни из авторов «вынуждены были держать свое имя в тайне из-за боязни преследований; другие отказывались от своей фамилии из-за ее неблагозвучия; общественное положение третьих не позволяло им открыто выступать на литературном поприще. И начинающие, и знаменитые авторы прятались под псевдонимами, чтобы отвлечь от себя огонь критики. Иные придумывали себе псевдонимы потому, что это было модно, иные — из-за наличия однофамильцев, а некоторые — из желания мистифицировать читателей и заставить их ломать себе голову в догадках, кто скрывается под псевдонимом. Встречаются авторы, которые из скромности или равнодушия к славе не желали выставлять свое имя напоказ» (Дмитриев 1977, с. 3). Но вне зависимости от конкретных обстоятельств появления какого-либо творческого имени оно было предназначено для массовой аудитории. Для любого воспринимающего текст псевдоним служил главным обозначением автора и заслонял собой его внелитературное имя, а некоторые из псевдонимов, при-

меняемых регулярно, настолько прочно «прирастали» к своему носителю, что вытесняли первичный антропоним.

Псевдонимы, долговременно используемые в авторской речи, и те, что изобретены для однократного маркирования текста, обладают общим свойством широкой адресатной направленности. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать псевдонимы как результат искусственного наречения. Значительный объем и однородность этого именного блока делают его удобной базой для исследования искусственной антропонимической номинации.

Степень условности возрастает при создании вымышленных имен, денотативное содержание которых есть плод авторской фантазии. Рожденные воображением называющих денотаты относятся к таким идеальным конструктам, которые переносят в виртуальное измерение свойства, отвлеченные от каких-либо реальных «прототипов», либо построены противоположно тому, что существует в действительности.

Вымышленная ономастика может возникать при игровом поведении, если правила игры вызывают необходимость в ее появлении. Известно, что игры, моделирующие известные или «типовые» сценарии, одновременно подвергая их переосмыслению и новой сюжетной обработке, нередко вовлекают в речевой оборот дополнительный антропонимический материал. Но это не обязательно связано с имитаторством: имитируя условный образ другого, игрок может заимствовать вместе с ним и собственное имя. Об этом напомним некогда популярные детские игры «в Чапаева» или «в Гагарина» либо дань недавней моде — игры вполне взрослых любителей фантастики Дж. Р.Толкиена.

Однако моделирующие возможности игры способны довольно значительно отдалять ее от той «объективной реальности», которая задана содержанием прецедентного сценария или текста, и склонять участников к самостоятельному изобретению игрового сюжета и новых имен. Автору довелось познакомиться с материалом такой игры, зафиксированным в жанре «летописи», или коллективного дневника, и по счастливой случайности сохранившимся. Игра, которая два года увлекала старшеклассников одной из свердловских школ, начиналась отчасти в подражание Швамбрании из популярной повести Л.Кассиля, но быстро обрела свое собственное лицо. Ее персонажи — Шерезя, Питон, Шепи, Пузя, Рето и др. — существа необыкновенные и фантастические по внешнему облику, имели вполне земные прототипы. А жизнь штатов Велико-Шерезии, Гранд-Питонии и Соединенной Республики Тоша-Пиша была полна неожиданных и разнообразных коллизий, подоплекой которых нередко служили подлинные события в жизни ребят. Ономастика Соединенных Штатов Шерезии-Питонии также проецирует это взаимодействие фантастического и реального. Названия придуманных городов Добрыдень и Гошино основаны на реальных антропонимах, Бузанск, Пищанск,

Тошанск, Тишанск — на вымышленных, в названиях рек братьев Кеннеди — Джона и Роберта Кеннеди — сказались симпатии к демократическим лидерам США, а имена Пролив Открытия и Пролив Великого Завоевания отражают игровые перипетии в истории Штатов.

Показательно, что оформление игровых топонимов согласовано с языковыми традициями: использовались продуктивные суффиксальные модели (города Тараканск, Крысянск, Крокодилянск; деревни Шеповалово, Щетинкино-Горьево), конструкции с формой родительного падежа (пик Шепы, долина Славной Битвы), а есть и название, пародирующее эту форму, весьма распространенную при официальном наречении — хребет Мужа Сестры Мужа Сестры. В топонимии Штатов даже нашли свое отражение процессы, свойственные реальным топонимическим системам: в ней складывались варианты (Шеповалово/Шеповальское); производилось переименование (город Крысянск 8 октября переименован в город Самого Первого Крысенка).

Нарочитость, выдуманность игровой ономастики не вызывает сомнений, но обстоятельство контекста и узкий круг коммуникантов препятствуют разграничению естественной и искусственной номинации.

Моделирующая функция, создающая иную реальность, пронизывает другую сферу коммуникации — литературное творчество, и основной корпус вымышленных имен содержат художественные тексты. Здесь искусственная номинация заявляет о себе в полной мере, однако имена в хронотопе художественной реальности не только имитируют функции обычных языковых знаков, но обретают специфическую нагрузку, участвуя в решении общих художественных задач. Особенности их семантики, оформления и предназначения определяются идейно-тематическим замыслом, эстетической концепцией, стилевым и жанровым своеобразием произведения: «Именно потому, что всякий художественный текст есть стилистически и функционально замкнутая структура, имя собственное обрастает здесь множеством связей, которые входят в его денотативное, коннотативное и структурное значение. Многомерные связи имени собственного с семантической композицией и сюжетом художественного текста реализуют его эстетическую функцию, которая участвует в создании общей смысловой многоплановости художественной речи» (Фонякова 1982, с. 84—85). Указанные свойства вынуждают отнести художественную ономастику к области самостоятельного научного исследования.

Органично сочетаются с ономастикой художественного текста литературные маски — имена, называющие вымышленных авторов: пасичник Рудый Панько якобы ведет повествование у Н.В. Гоголя, Козьма Прутков у А.К. Толстого, А.М. и В.М. Жемчужниковых. Маска — своеобразный прием литературной игры с читателем и нередко один из ключей к интерпретации текста, поскольку

может подсказать, в какой идейной и эстетической тональности должен восприниматься художественный материал. Например, Д.Д. Минаев выпустил книжку стихов «Здравия желаю!», указав автором майора Бурбонова. В предисловии «автор» поучает читателя, что самое главное это «вытягивать носок» и «равняться по ранжиру», и свою симпатию к Бомарше объясняет тем, что по-французски *beau marcher* — «хорошо маршировать» (Дмитриев 1977, с. 148—152). Литературные маски обнаруживают частичное сходство с псевдонимами, но виртуальный характер денотата приближает их к художественной ономастике. Группа занимает промежуточное положение, заключая в себе факты, тяготеющие то к одному, то к другому из названных разрядов.

Функциональные разновидности собственных имен неоднородны также в отношении языковых и неязыковых правил применения. Использование имен, потенциально предназначенных для вхождения в общеязыковой фонд, регламентируется общеязыковой нормой и не создает препятствий для понимания. Условные и вымышленные имена, сосуществующие рядом с обычными, создают эффект «полиглоссии» у тех, кто ими владеет, ведь смена ситуации общения будет означать перестройку на другую систему именного кодирования. Имена, установившиеся в игровой активности, не работают за пределами игровых сюжетов. Переход с «картированных» географических названий на условные адекватно будет пониматься только лицами, приобщенными к данной системе лингвокоординат. В таком «переходе» можно усмотреть присутствие рационального начала, поскольку говорящий осознанно осуществляет выбор тех или иных обозначений, но здесь мы вступаем в иную сферу реализации намерений говорящего, связанную уже не с созданием нового, а с использованием готового, известного ономастического материала.

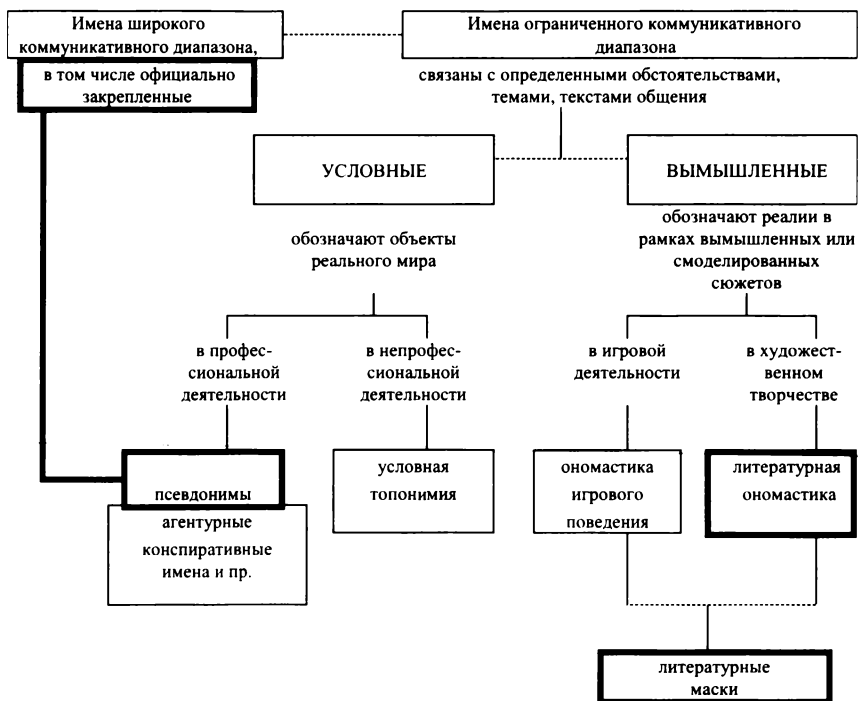
Условные и вымышленные имена закреплены за ограниченными сферами и темами общения, но это не лишает их способности к зеркальному отражению особенностей общеязыковой ономастики. Как бы ни были сильны стремления номинаторов к оригинальности или экстравагантности именования, языковая система неизбежно будет оказывать свое сдерживающее влияние, а представления о закономерностях создания и правилах возможного применения будут корректировать номинативные решения. Однако творческое начало способно являть себя и в частных номинативных проекциях, поэтому для выделенных разрядов можно указать более сложные внутренние соотношения: например, вымышленная игровая ономастика часто строится в подражание именам прецедентных художественных текстов, а игровой принцип нередко доминирует при изобретении псевдонимов, литературных масок и условных топонимов.

В силу особенностей частной функциональной семантики условные и вымышленные имена обычно не меняют диапазон при-

менения, исключения возможны лишь для псевдонимов. Многократное употребление и широкая известность последних может способствовать их переходу в разряд официальных, а некоторые псевдонимы, вытеснившие реальные фамилии, стали наследуемыми семейными знаками. Обобщением сказанного послужит схема, которая учитывает соотношение между разными функциональными разрядами и возможности взаимного влияния и переходов (схема 2).

Искусственная номинация в разн. степени интенсивности проявляет свою активность в создании отдельных функциональных ономических групп, помимо официальной топонимии, к зоне ее преимущественного действия следует отнести условные антропонимы (псевдонимы) и вымышленную литературную ономастику. С двумя первыми из названных разрядов будет связан основной массив языкового материала исследования.

Схема 2

Примечание. Пунктирными стрелками обозначены направления влияния, сплошной — возможность функционального перехода. Контрастными линиями выделены функциональные разряды искусственно созданных имен.

Раздел II.

ИСКУССТВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ В АНТРОПОНИМИИ

Антропонимические единицы в концептосфере культуры относятся к семантическому полю *человека* и представляют собой знаки, которые социум вырабатывает для индивидуализации и различения отдельных своих членов. Особенности формирования русской антропонимической системы, а также традиции, сложившиеся в ходе ее исторического развития, не могут не оказывать влияния на искусственное именование. Цель данного раздела — прояснить отношение искусственного именования к исторически сложившейся языковой норме и показать его своеобразие, во-первых, через отражение особенностей сферы коммуникации, связанных с ней текстов и, шире, знаний и представлений; во-вторых, через специфику номинативных ситуаций и номинативных интенций. Принцип от общего к частному обусловил композиционное построение раздела.

Категория антропонима в ментальных и лингвистических параметрах

В имени и именем Я ставит впервые
себя объективно перед самим собою,
а следовательно — это своей тончай-
шей плотью делается доступным ок-
ружающим.

П.А.Флоренский

Антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку. Противоречивость, внутренняя энергия и гуманистический смысл этого знака вполне согласованы с природой человеческого сознания и человеческого разума, по-

знающих, постигающих действительность¹. Диалектическая природа имени заключена в единстве и противоположности сопряженных с ним социоцентрических и эгоцентрических начал.

Имя, будучи знаком индивидуальности, одновременно социально, поскольку вводит своего носителя в социальный континуум, вписывает в культурное пространство, включает в правовые, религиозные, нравственные и прочие отношения: «Без имени обществу нет средств включить в себя и соотносить с собою своих членов» (Флоренский 1992, с. 264). Именем общество отмечает факт принятия в свои пределы нового члена², и это действие у многих народов далеко не всегда совпадает с событиями биофизиологического свойства — с рождением ребенка и первыми днями его жизни. Акт наречения, несущий в себе семантику приобщения, может быть отдален по времени в соответствии с регламентом культурной традиции³. Еще не окрепший ребенок, жизнь которого, согласно древним повериям, в большей степени зависит от жестоких, подчас карающих сил природы, пока не член сообщества, это скорее человеческий материал, за сохранность которого, помимо близких, ответственно также и слово — иногда не настоящее имя, а его заменитель: прозвище, либо местоимение, либо нарицательный биотический индекса́тор (мальчик, девочка)⁴.

---

¹ Примечательно, что в истории русской мысли пристальный интерес к феномену имени и появление трудов С.Н.Булгакова, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева приходится на серебряный век, период, называемый «русским Ренессансом», именно в это время слитность, взаимопереплетение различных элементов духовной культуры сопровождается утверждением антропологической философии, поставившей в центр своего внимания человека.

² См., например, фрагмент текста в церемонии наречения у игбо (народность Нигерии): «Братья, новый ребенок родился. Пока он был в матке, он принадлежал женщине. Благополучно родившись, он стал общим ребенком, членом семьи Игбо, нигерийцем. Он вырастет под присмотром родителей; повзрослев, будет о них заботиться. Он станет прислушиваться к добрым советам родителей и избегать дурного. Нам нужен не просто какой-нибудь, а по-настоящему хороший ребенок. Он вырастет трудолюбивым, будет помогать отцу, матери и другим родственникам. Пусть он не будет злым! Пусть ему, а не вору, сопутствует удача. Имя ребенка — Чинень» (Всемирное писание. М., 1995, с. 132).

³ Так, у суахили и многих народов банту именование производится на 7 день после рождения ребенка, у сенегалов — спустя год; в древнегреческой семье наречение ребенка именем происходило на 10 день после рождения (СЛИНМ, с. 288, 275, 369).

⁴ До получения имени новорожденное существо окружающие могут даже не причислять к роду людей. В языковой трактовке это некое живое существо или просто «нечто». У фульбе (Западная Африка) «ребенок, не имеющий имени, воспринимается как нечто неодушевленное, и, говоря о нем, употребляют местоимение, не относящееся к категории людей. В языке фула существует даже специальное слово для ребенка, еще «не ставшего человеком», — кун-Санфа. Это слово, имеющее уничижительный оттенок, можно описательно перевести как «нечто маленькое, принадлежащее Санфе» (Санфа — собственное имя нефульбского происхождения)» (СЛИНМ, с. 321).

Мена имени при переходе человека в другую возрастную категорию, модификация первичного антропонима или переименование при изменении социального статуса косвенно свидетельствуют о приобретении иной социальной роли, прав и обязанностей, ответственности и возможностей.

Языковая функция различения индивидов развивается в смысловом контуре социальных потребностей и, отвечая нуждам практики, стимулирует появление новых типов антропонимов. С увеличением численности языковых коллективов и усложнением социальной организации расширяется состав антропонимической формулы: второе имя, прозвищное имя, отчество, фамилия и т.п. — все они в разное время рационализируются общественно-речевой практикой и становятся нормативными компонентами антропонимического комплекса.

С другой стороны, имя эгоцентрично: оно дается человеку как его личный знак, языковая метка его личности и служит для него средством аутентичности, сознания своего Я. Имя служит той необходимой точкой отсчета, опираясь на которую, человек осваивает отношения «я—другой, другие, другое». Ни личное местоимение, ни нарицательное слово не могут в полной мере выполнить эту функцию. Ценность имени заключена в его свойстве помогать построению личности. Разумеется, имя само по себе не продуцирует духовные и душевные характеристики человека, не создает и не объясняет параметры его внутреннего мира. Такое участие возможно лишь в тех случаях, когда носитель имени сознательно «примеривает» на себя именной знак, истолковывает историко-культурную информацию о его прежних владельцах и соотносит ее с собой. Однако имя выступает той знаковой формой, с которой человек привыкает соотносить целостность самоощущения, репрезентировать собственную имманентную самость, ибо «наиболее рациональное в построении самости — отделить себя от мира других, предотвратить погружение в трясину общего, в которой не работает никакая инициатива, невозможны никакие решения и никакие индивидуальные эмоции и мысли» (Перинбаньям 1990, с. 77).

Имя выступает семиотической формой, закрепляющей комплекс ощущений, переживаний и мыслительных действий, образующих уникальную сущность субъекта. Постигая и утверждая свое Я, человек выстраивает собственную индивидуальность и стремится к обособленности, однако такое самоутверждение невозможно без идентификации и неидентификации с другими, без соотнесения и несоотнесения с кем-либо или чем-либо. «Самость как объект,— писал Дж.Мид,— зависит от присутствия других объектов, с которым индивид может отождествлять себя» (Mead 1938, с. 428). Формирование личности,

предполагающее выработку сложной совокупности внутренних установлений и свойств, относящихся к психической и интеллектуальной деятельности, к эмоциональным реакциям и волеизъявлениям, невозможно без участия социума; личность вырастает в человеческой среде, и потому личное имя обретает свойство одного из инструментов, пробуждающих человеческое сознание и создающих условия для гомеостаза: «Без слова и имени — человек — вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, неспособен и, следовательно, также и неиндивидуален, не сущий, он — чисто животный организм» (Лосев 1990, с. 49).

Две тенденции управляют механизмом функционирования антропонимической системы и обуславливают ее эволюцию: во-первых, стремление к индивидуализации, максимальной дифференциации обозначений и, во-вторых, стремление к стандартизации и стабильности. Подобное единство противоположностей, взаимовлияние полярных категорий неотъемлемо присуще самому человеческому сознанию, субъектному способу существования и освоения мира посредством знаковых систем: «Какими бы категориальными... гранями ни выступало в сознании отношение всеобщего и особенного, субъектность всегда состоит в установке на ассимиляцию отдельных фрагментов действительности как подчиненных, внутренних моментов всеобщего... Эта субъектная установка является определяющей для содержания сознания» (Мархинин 1990, с.134). Языковое сознание неизбежно переносит в качестве основного принципа субъектности соотношение особенного и всеобщего в сферу языковой действительности и языкового видения. Таким образом, оппозиция значимостей, существенных для измерения мира человеком, — эгоцентрическое/социальное — образует центральную ось противоречий, при разрешении которых складываются онтологические свойства антропонима.

На протяжении длительной истории антропоимен их собственно языковая функция (индивидуальный знак личности) оставалась относительно стабильной. Можно предполагать лишь различную степень семантической устойчивости и формальной общообленности применительно к ранним этапам развития категории. Очертить же контуры прототипического имени с достаточной четкостью едва ли возможно. Синкретичность древнего мировидения и полифункциональность языковых единиц, позволяющая отождествлять, частично совмещать или сближать образы различных реалий, препятствует такой реконструкции. Именники народов, сохранивших реликты первобытной формации, а также именные модели в языковой архаике этносов современных цивилизаций свидетельствуют об «открытости» словообразовательных связей, о свободном характере древнего имятворче-

ства, когда строительным материалом служат любые единицы языкового фонда¹.

Однако не стоит забывать о том, что апелляция к этим фактам всегда содержит известную долю допущения (первобытные народы, имеющие многовековой опыт сложившейся речи, безусловно, нельзя приравнивать к этносам эры человеческого младенчества), и косвенные языковые «улики» не уводят нас дальше предположения о нежесткости, с которой древние языки вычленяют личность человека из окружающего мира природной стихии, и общего убеждения, что рождение категории шло параллельно с процессами выработки поведенческих штампов и стереотипов речевой активности, которые подвергались культурному наследованию.

Для непротиворечивого и сущностно-ориентированного рассмотрения категории первичными именниками нужно признать такие системные образования, сильными элементами которых уже выступают дискретные и регулярные единицы — собственно антропонимы, знаки, наделенные специфическими языковыми полномочиями и обеспечивающие определенную лингвоментальную деятельность.

Возвращаясь к онимической семантике, напомним, что она интегрирует семантические абстракции разных уровней противопоставления и ее структурную организацию можно описать через разложение на ряд информативных блоков. Используя уже описанную модель онома (см. раздел I), уточним ее содержание применительно к антропонимам.

— **Общая категориальная семантика антропонима** — предмет, мыслимый в его индивидуальной сущности.

— **Частная категориальная семантика** — одушевленность, причастность к роду людей, принадлежность к мужскому или женскому полу².

---

¹ Например, у нганасанов — малочисленной народности, населяющей северную часть п-ва Таймыр, — количество собственных имен практически не ограничено. Для нганасанского именника характерно большое разнообразие, отмечаются лишь отдельные повторяющиеся имена. Никаких ограничений в выборе имени у нганасанов не существует. Отсутствуют какие-либо наборы имен, присущие отдельным семьям или родам.

² В русском языке логика родо-видовых связей, подробно разработанная при описании человека апеллативной лексикой, в *nomina propria* не получает энергичного развития и воплощается лишь на уровне биотических характеристик: лицо мужского пола/ женского пола (впрочем, значимых для объяснения сохранности и воспроизводства человека как вида среди живых систем). Такие типы антропонимов, как индивидуальное имя, отчество, фамилия, не выстраивают иерархии, поскольку служат маркерами разных сторон социальной причастности.

— **Частная характеризующая семантика** — мотивировочное значение, связанное с внутренней формой, различительным признаком, значимым для восприятия названного окружающими¹.

— **Частная индивидуализирующая семантика** — денотативная отнесенность — отражение образа конкретного индивида, включенного в социальную среду.

Любая мыслимая модель, с одной стороны, умозрительна, с другой стороны, отражает реальную действительность и в силу этого занимает некоторое промежуточное положение: языковая категория как часть языкового сознания располагается между нашим общим сознанием и своим объектом. Вполне очевидно, что лексическое значение антропонима (как и значение любой значимой единицы) содержит снятую эмпирическую информацию, параметры отбора которой в данном случае заданы фокусом осмысления, при этом план отражения того, что «дано в ощущениях», соотносится с планом обобщения, с подведением к общему, коллективному знанию. Попробуем в этом ракурсе прокомментировать приведенную схему, следуя в обратном направлении — от предметной отнесенности к языковой абстракции.

1. Денотация предполагает чувственно переживаемый образ в восприятии окружающих.

2. В мотивировочном значении содержатся различительные приметы, выделяющие носителя имени, приметы, которые избираются в соответствии с социокультурным опытом и закрепляются в номинативных моделях.

3. Общие биофизиологические характеристики (лицо в противоположность неллицу, мужской пол/женский пол) — несомненная часть рационального знания, и целесообразность языковой верификации предопределена их прагматической ценностью в роли примарных и вполне устойчивых биотических ориентиров.

4. Наконец, воплощение в языковом знаке идеи личности отражает сущностные для общественного сознания отношения «мы — я», «я — другой».

Таким образом, знак фиксирует свернутую информацию о разных планах обобщения, и развертывание структуры проясняет общую логику языка в разрешении оппозиции эго- и социоцентрических начал. Концептуальная модель обычно не анализируется специально носителями языка и существует в языковом сознании как коммуникативный универсум, который обнаруживает себя в совокупной речевой деятельности. Поэтому необходимо иметь в виду, что реальная коммуникация, «очеловечивающая» концептуальную схему, осуществляется между культур-

---

¹ Этот компонент семантики актуален только на момент рождения и закрепления имени, далее он отступает на второй план, а с утратой внутренней формы исчезает.

ными субъектами и только включенность их в единый культурный контекст обеспечивает объективную возможность адекватного понимания, создает объективные предпосылки для «интерсубъектной распространенности принципиальных оснований коммуникации в силу открытости для культурного субъекта базиса несомненности культуры» (Шнайдер 1994, с. 27—28).

Контекст культуры можно считать макроконтекстом, он обеспечивает функционирование антропонима в целом, но основанием декодирования его семантики в макроконтексте выступает интерпретационный контекст — существующие в данном этнопространстве и рамках данного времени представления о человеке именованном. Интерпретационный контекст антропонима связан с системой миропонимания и мироотношения, бытующей в общем социальном сознании, его можно представить в виде множества текстов, объединенных тематикой человека и имени. Тема предстает здесь как проблематическая напряженность сознания в его стремлении понять и разъяснить переживаемый фрагмент реальности, при этом тексты разной функциональной, жанровой, аспектуальной направленности, использующие в своей ткани личное имя, объединяются здесь в решении только одной проблемы — проблемы отношения человека к имени.

Интерпретационный контекст именного знака исторически изменчив, и потому для описания его семиотических возможностей следует обратиться к тем элементам концепта онома, которые помогают сфокусировать интерпретационный контекст, установить угол зрения, значимый для решения проблемы. Надо полагать, что наиболее высокой степенью реагентности на контекст будут обладать мобильные, изменчивые компоненты — мотивированность и фреймовая информация; они оказываются, таким образом, в центре обсуждения проблемы, постановка которой осуществляется применительно к разным историческим этапам в жизнедеятельной ориентации человеческих коллективов¹.

Древнее сознание погружает жизнь человека в колыбель бытия природы и осмысляет их гармоническое единство в мифологических текстах, где сливаются фантастическое и реальное, где воображение дополняет чувственно пережитое и причудливо ассоциированные образы, вступая во взаимодействие, выстраива-

---

¹ Выделяя этапы исторического изменения сущности жизнедеятельности, мы опираемся на работу С.М.Хонина, который дает для них следующие характеристики: I. Основой групповой жизнедеятельности выступает магически-традиционная система жизнедеятельности. II. Основой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности выступает религиозно-политическая система жизнедеятельности. III. Основу общественной жизнедеятельности составляет научно-творческая система жизнедеятельности (Хонин 1990, с. 88). Не вдаваясь в подробности обсуждения частных формулировок, считаем возможным принять за основу содержание и логику этого деления.

ют систему первичной социокультурной ориентации. В мифе происходит наивное очеловечивание всей природы, всеобщая персонификация, «метафорическое» сопоставление природных, социальных, культурных объектов. На природные объекты переносятся человеческие свойства, им приписываются одушевленность, разумность, человеческие чувства, часто и внешняя антропоморфность, и, наоборот, мифологическим предкам могут быть присвоены черты природных объектов, особенно животных. В мифе идеальное, мыслимое совмещено с материальным, вещным, а все вещественное способно подчиняться идеальному. Здесь форма тождественна содержанию, и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, начала и принципа, то есть происхождения и сущности (Мелетинский 1990, с. 634).

Человек родового общества верил, что имя — это неотъемлемая часть самого носителя, от которой зависит его физическое здоровье и благополучие, и отношение к имени носит тот же отпечаток сакральности, что и отношение к ногтям и волосам, сохраняющим связь с бывшим владельцем. Североамериканский индеец «относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-нибудь телесному органу» (Фрезер 1984, с. 235). Но имя осмысливается не только как знак физиологической цельности, но и как знак целостности внутреннего, духовного мира. Знаком быта североамериканских индейцев К.Кольден, долгое время живший среди них, писал: «В первое время моего пребывания у Могавков мне сделал любезность один из Сахемов, дав мне свое имя... Он был известный воин и сказал мне, что теперь я имею право присвоить себе все подвиги, им совершенные, и что теперь мое имя будет раздаваться во всех пяти народах» (Тэрнер 1983, с. 165). Таким образом, первичные имена демонстрируют прямую аналогичную связь со своими носителями, идея имени синхронизирована с идеей человека и его жизнедеятельности.

Мотивировочной базой единиц первичных именников, насколько позволяет это увидеть архаичный материал в языках разных народов, становится пространственный текст жизнеописания. В мотивировке имен находят отражение особенности внешности, характера ребенка, место его появления на свет, приметы ситуации, которая сопровождала или предшествовала рождению, отношение близких (явное или ложно ориентирующее), пожелания и охранительные образы. К последним относят не только тотемных покровителей, а позднее — персонифицированные язычес-

кие божества, но и метонимически связанный с ними круг языковых и неязыковых символов.

При мифологизированном восприятии мира одним из важнейших способов практического воздействия на него становится магия. Магия в обратной проекции разворачивает связь символов (слова, вещи, движений, звуковых модуляций) с означаемым, знак (точнее, символическое действо с целым ансамблем знаков) в идеале должен способствовать натурализации целоположенного события. Магический ритуал — закономерное следствие представлений о физическом детерминизме, связывающем энергию человеческого желания, эмоций, напряженной психики через посредничество знаков с порождающей энергией и волей природы. Древние имена, как и персонажи древней «истории», оказываются втянутыми в круг мифологических представлений, в согласии с которыми души умерших соприкасаются с душами живущих, а культ мертвых пронизывает жизнь потомков. Возвращение имени покойного или запрет на использование некронома есть две стороны одного отношения к знаку: признание за звучащим словом реально действующей энергии¹. Имя человека, как и названия сакрализованных предметов, растений, животных, приобретает магическую, аффектирующую силу, и потому использование антропонимов сопровождают табу и разного рода запретительно-разрешительные правила: «Воззрения младенческой первобытной философии, приписывающей личную жизнь всей природе вообще, и ранняя тирания слова над человеческим умом оказываются двумя великими, если не величайшими двигателями мифологического развития» (Тайлор 1968, с. 141). Таким образом, магический «ореол» именного знака правомерно связывать с фреймами архаичных ритуалов.

Однако было бы наивным полагать за древним именем исключительно аффектирующие свойства. Отношение человека к отдельным лексическим единицам и собственная работа языка, его «трудовая деятельность» не амбивалентны. Как примитивные орудия при возможных рефлексх сакрального отношения

---

¹ В.Тэрнер объясняет, например, что в африканских ритуалах исцеления (излечения людей, которых тени, души предков поразили болезнями или невезением в охоте) имя остается одним из главных орудийных средств: «Исцеления можно достичь разными способами. Один из них состоит в упоминании имени тени в молитве или заклинании. По верованиям, дух гневается, если его забывают — не только сама жертва, но и многие из других его родственников. Дух поражает своего живущего родственника... если же, однако, предка упоминают, и, стало быть, о нем вспоминают много людей, он перестает навлекать бедствия и будет благоволить к своей жертве, которая становится живым памятником ему» (Тэрнер 1983, с. 50). У тасманцев и австралийцев, напротив, считается, что дух мертвеца приходит в ярость, когда произносят его имя, и вползает в тело говорящего, чтобы пожрать его изнутри (Тайлор 1968, с. 322).

к ним не теряют утилитарного назначения, так язык и его средства, удовлетворяя потребности многоаспектной коммуникации, утверждают собственную рациональность. Имя человека, как бы парадоксально это ни звучало, стремится к тому, чтобы оторваться от своего носителя. Привычка осмысливать определенную языковую форму/формулу в функции индивидуального знака личности переводит восприятие на другой уровень абстракции, имя же, утрачивая или ослабляя исходную мотивировочную семантику, обретает большую условность.

Знаковый потенциал антропонима укрепляется отчасти за счет упрочения его изначальной социоориентирующей функции, отчасти за счет внутренних процессов обобщения в самом языке. В подтверждение первого можно сделать отсылку к Леви-Стросу, который на примере индейских именных традиций показывает участие имени собственного в отражении клановой принадлежности и отношений, значимых для регуляции коллективной жизнедеятельности (Леви-Строс 1994). Самостоятельную ценность антропонимов как результатов коллективного языкового опыта, на наш взгляд, подчеркивает их способность к долговременной консервации. Так, наличие общей композитной модели и сходных мотивировочных признаков в антропонимии древних индоевропейских языков убеждает в существовании первичного антропонимического фонда — набора антропонимических праформ, или прапринципов именования, которые были сохранены не только из-за наследования верований, обычаев, обрядов и ритуалов, но и в силу относительно автономной значимости *nomina propria* в качестве орудийных средств языка. Можно полагать, что культурные контакты, сопровождающие процессы этногенеза, способствовали распространению и обогащению именного материала, а следовательно, и укреплению категориальных свойств антропонима.

Новый период в жизни социумов связан с появлением религиозно-политических систем, которые становятся основой индивидуальных и коллективных форм жизнедеятельности. Этот этап в истории культуры соотнесен с формированием и упрочением мировых религий. Для описания исторических обстоятельств их возникновения немецкий философ Карл Ясперс ввел понятие «осевое время» (приблизительно с VII—VI веков до новой эры по VII век новой эры), именно тогда в ряде ведущих цивилизаций произошел «духовный прорыв», духовная революция, положившая начало формированию новых принципов социокультурной организации.

В мировых религиях нравственная проблематика выступает на передний план, и новая идеологическая программа расширяет, переосмысляет и нередко отменяет принятые прежде нормы поведения. Имя человека и сам акт наречения приобретают качественно иную окраску, соединенную с этическими, правовыми и даже эстетическими представлениями новой мировоззренческой системы.

Наречение осознается как приобщение к вере, объединение не с родственным кланом, не с членами общины или государства, но с духовным сообществом, устремленным к высшему, идеальному порядку. Традиционное для восприятия человеческой среды противопоставление «свой—чужие» расширяет смысловое наполнение: чужие — приверженцы другой религиозной ориентации, что подразумевает также неправильный и несправедливый образ жизни; свои — братья по вере. Новые религиозные имена, право присвоения которых уже отводится священнослужителю, служат первой вехой на пути к возможному спасению. «В христианстве, — пишет о.Александр Мумриков, — считается, что освящение имени человека — особой молитвой о нем в Духе Святом — освобождает человека от влияния природных, более грубых энергий и дает возможность выйти на новый уровень духовного развития. С этого момента его имя несет связь с иными, исходящими от Бога, а не от человека, энергиями, что изменяет весь настрой личности» (Мумриков 1994, с.38). Имя через культовый обряд освящается верой и становится символом включения человека в систему норм, ценностей, ориентаций, сакрализованных религией (что, впрочем, не мешает ему и в дальнейшем выполнять работу обычного социоразличительного знака).

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о тех именах, которые появляются в именных системах вместе с распространением новых религиозных учений и религиозных культов. Однако новое вероисповедание даже при действии жестких социальных предписаний, вменяющих его в обязанность, не способно зачеркнуть ни мировоззренческих позиций прошлого, ни сложившихся культурных, в том числе и языковых, традиций. Народный языковой опыт стремится сохранить антропонимические модели, и древние исконные и заимствованные имена сосуществуют наряду с теми, которые предписаны конфессией. История русской антропонимии, в частности, знает длительное (с X по XVII век) параллельное функционирование крестильных и нецерковных имен, последние, постепенно утрачивая явные ассоциации с языческими верованиями, использовались уже в силу инерционного действия традиций народной неинститутированной культуры¹.

Возвращаясь к разговору о семиотической значимости религиозных имен, отметим, что конфессиональный смысл в боль-

---

¹ У персов наряду с кораническими именами используются антропонимы, дошедшие до наших дней из древнеперсидского языка, из доисламской эпохи, когда был распространен зороастризм (СЛИНМ, с. 252—253). В Китае приверженность конфуцианству и даосизму находила отражение в псевдонимах (монашеских и мирских) и не нарушала основных принципов именования, ведущих свой отсчет от древних космогонических образов, превратившихся в операторы социальной ориентации (СЛИНМ, с. 166).

шей степени приписывается антропониmu «книжными» религиями. Главным источником имен здесь нередко выступают сакральные тексты, наделенные авторитетом хранилища непреложной истины. В христианской церковной традиции жанрово-специфицированные тексты — месяцеслов и святыцы — определяли номинативный выбор при ритуале крещения¹.

В целом фреймовая семантика религиозного имени, или правила именования, принятые в пределах конкретной конфессии и направляющие номинативную деятельность, складываются при непосредственном соучастии норм культового поведения и содержательных установок вероучения. Что же касается особенностей функционирования новых имен, то конфессиональная маркированность придает им больший социальный авторитет по сравнению с именами, не освященными церковным обрядом, не случайно религиозные имена распространяются в первую очередь у правящих слоев общества и священнослужителей.

Использование новых религиозных имен не окружено теми подробными запретами, какие накладывает на древние имена прямая витальная трактовка связи «человек—имя», особенности их употребления обуславливаются главным образом дифференциацией общественно-речевой практики, а также отдалением письменных текстов от остающейся во власти прежних обычаев обиходно-разговорной речи. Например, в бытовой речи крестильные христианские имена в их уже адаптированном языке фонетическом и грамматическом облике нередко подвергаются дальнейшим изменениям либо заменяются нецерковными именами и прозвищами.

Следующий виток в историческом движении имени связан с активной интеграцией культур, и в первую очередь — культур западной ориентации. Этот процесс начинается в эпоху Нового времени и продолжается поныне. В мировоззрении Нового вре-

---

¹ В индуизме и исламе не только идеи и образы, но даже сами буквы текстов считаются священными. Мусульманство, напротив, не регламентирует именование канонизированным списком, поэтому производящая база коранических имен по сравнению с христианскими более пространна: антропонимы воспроизводят имена пророка Мухаммада, его родственников, сподвижников, библейские имена, несущие определенную нагрузку в силу усвоения их исламом. К последним нужно добавить теофорные антропонимы, имена-эпитеты Аллаха, имена, так или иначе связанные с Кораном или выражающие идеи ислама. Буддийская культовая практика также не вырабатывает жестких правил в отношении антропонимических моделей, и мотивировочная семантика, несущая идею посвящения, связана с достаточно обширным кругом производящей лексики. Возникшие под влиянием буддизма антропонимы соотнесены не только с именами богов, реальных и мифических проповедников веры, но и с названиями произведений буддийской литературы, терминами философии, наименованиями ритуальных предметов, планет и т.д.

мени традиционная религия постепенно утрачивает роль силы, ведущей прогрессивное развитие. Ценностные установки начинают относиться к прогрессу техники, в том числе техники интеллектуальной и творческой. Центр тяжести в распространении и внедрении гуманистических ценностей перемещается в сторону светской культуры, допускающей значительно большую степень их дифференциации и более гибкую систему средств реализации (Ерасов 1994, с. 67).

Секуляризация различных сторон общественной жизни способствовала размыванию у антропонимов религиозных коннотаций. Имя утрачивает актуальный конфессиональный смысл и осознается как семиотическая единица, принадлежащая национальной языковой культуре. В русской традиции (так же, как и в немецкой, французской, английской) принцип именования, предполагающий не свободное конструирование имени, а выбор его из «списка», сохраняется, при этом списком становится уже сам активный антропонимический фонд, утвердившийся в языке. Этнокультурное взаимодействие не отменяет и не нарушает нормативного характера этого правила, прочно вписанного в духовный опыт наций, и заимствованию подвергаются готовые антропонимические формы, имена, принадлежащие иноязычному антропонимическому тезаурусу, но не этимологические модели именного словопроизводства¹.

Именованье в православном обряде крещения со временем перестает зависеть от церковных предписаний (которые, впрочем, никогда не носили жесткого характера), следование им становится прерогативой индивидуального отношения к обряду, и выбор имени подчиняется желаниям, вкусам и пристрастиям имядателей. В целом же русский именник обмирщается, отчасти пополняется новыми единицами и претерпевает функциональное уплотнение: в нем выделяются активно используемое ядро и периферия. В XIX веке антропонимический тезаурус подвергается унификации и некоторому сокращению (Суслова, Суперанская 1978, с. 24), а в XX столетии усиливается приток заимствований и уменьшается набор личных имен, актуализируемых в практике наречения. Возникшая в 20—30-е годы мода на именотворчество не оказала существенного воздействия на отлаженный во многовековом использовании механизм именования и осталась исторической приметой характерного для того времени «культурного строительства».

Русская антропонимическая модель складывается в XVII веке и стабилизируется на протяжении XVIII—XIX веков, ее смысло-

---

¹ Это правило в современной Германии закреплено законодательно: слова, «по своей природе не являющиеся именами», не могут быть официально зарегистрированы (СЛИНМ, с. 29).

вую нагрузку определяет принадлежность к этнокультурной традиции, которая проявляет себя в устойчиво действующих правилах именования, как то: выбор индивидуального имени из антропонимического тезауруса, отражение в специальном предикатном имени связи с правами отцовства, а также индексация фамильной принадлежности в имени, которое передается при патрилинейном наследовании.

Предпринятый экскурс в историю именных смыслов не претендует на исчерпывающий характер, ибо реальная совокупность мотивов и нормативных установлений антропонимического именования специфична для каждой культуры и специфична для разных временных срезов¹. Однако вершинные точки в возможном решении проблемы «человек—имя» позволяют выявить варианты актуальной семантики знака в контексте общей культурной ориентации. Опираясь на «крайние» варианты, можно наметить общие особенности отражения имени в социальном сознании.

1. Имя оценивается как знак принадлежности человека определенному сообществу (родовой, родо-племенной общности, народности, народу, нации) и способно участвовать в передаче информации, значимой для социальной дифференциации, прямо или косвенно указывая на социальный статус носителя.

2. Имя воспринимается как частица коллективного духовного опыта, и субстратом к правилам создания, выбора, употребления имен служит ценностно-ориентирующая программа мировидения (коллективная «идеология») — будь то религиозная вера или убежденность человека в силе собственного знания, человеческого *ratio*.

3. Имя — языковая форма для выражения идеи индивидуума — рождается как иконический, изобразительный знак, однако чем больше концентрируется, кристаллизуется в духовном

---

¹ Нередко уникальность обычаев именования поддерживается замкнутостью этнокультурного контура. Известная инертность современных примитивных культур обуславливается ориентацией на сохранение изначальных способов связи с природой, намеренным отказом от приобщения к чужому духовному опыту, отношение к которому носит не столь высокую оценку, нежели отношение к собственному. Пестрота антропонимического материала, сопровождаемая сложными, даже иррациональными правилами применения, неустойчивость антропонимической модели, размытость границ между собственными и нарицательными именами в языках первобытных этносов свидетельствуют о консервации определенного состояния языкового сознания. Этнокультурные контакты ведут к обогащению именников, а процесс переработки, освоения языком заимствованных форм и моделей, наряду с внутренней лингводинамикой, способствует упрочению антропонимической категории и созданию «энергетического» потенциала у самой антропонимической системы, что сказывается со временем в ее воздействии на формирование других классов и разрядов собственных имен — топонимов, зоонимов, космонимов, эргонимов.

опыте сама идея имени, тем более стремится языковая форма к тому, чтобы обратиться в символ собственно языковой абстракции. Это проявляется и в тенденциях к утрате внутренней формы и к формальному обособлению антропонимов от апеллятивов.

Антропонимическая система складывается, функционирует и развивается при соучастии единиц разного свойства: статuarных (устойчивых, относительно стабильных) и лиминарных (неустойчивых, подвижных). Их главное отличие производится по прагматическим показателям: обязательность/факультативность, престижность/неавторитетность, закреплённость за социально типизированными правилами наречения/связь со стихийно протекающими речевыми процессами. Оппозиции помогают развести и сопоставить два широких антропонимических класса — имена и прозвища. При этом первые части бинарных противопоставлений будут относиться к характеристике имен, вторые — к описанию прозвищ¹.

Исторические имена и прозвище сосуществуют как функционально дополняющие друг друга знаки: прозвище выступает на первый план в тех ситуациях, когда использование имени по каким-либо причинам невозможно или нежелательно. Для славянской древности это коммуникативные акты, сопровождаемые табуистическими нормами: «Эпоха молчаливого, благоговейного почитания высоких существ должна породить чувство высокой ответственности слова, называющего вещь, а тем более — имени и самого акта наречения, который формулировался как «возлагание имени», насколько это явствует из этимологии слов. *Ъмѣ в его отношении к и.-е. *ep-men-/*(a)no-men- (см. ЭССЯ, вып. 8, с. 227—228)» (Трубачев 1990, с. 187). Прозвище — заместитель имени, но для древнерусского периода граница между ними оказывается весьма подвижной (см.: Чичагов 1959, с.8—9). Во внутрисемейном употреблении детские имена обрастали вариантами — сокращенными, уменьшительными, ласкательными (Суперанская 1990, с. 55); взрослый, самостоятельный человек мог получить новое имя или новое прозвище а стихийно закрепившееся прозвище способно было вытеснить из употребления имя, присвоенное в семье (Суслова 1978, с.27). Но главное различие между именами и прозвищами все-таки следует связывать в это время не с частотой ис-

---

¹ Противопоставление имени и прозвища, или основного и неосновного имени, имеет глубокие исторические корни и известно у многих народов. Древние римляне различали *ргаенопен* (индивидуальное имя) и *согнопен* (прозвище). У корейцев в феодальную эпоху детское прозвище (*пёльмён* — другое имя) давалось дополнительно к детскому имени (*амён*) или первому имени (*чолмён*). У фульбе существует большое имя (*inde*), предмет многочисленных запретов, и прозвище (*somooge*) для повседневного употребления.

пользования и не с очередностью появления, а с распределением смысловой нагрузки: имя обладает авторитетом сакрализованного знака и потому менее мобильно, прозвище же утилитарно и свободно, его применение не ограничено запретами. Кроме того, прозвище в большей степени включено в живые процессы именной деривации, поскольку появляется не только как обиходный заменитель имени, но и как результат стихийного преобразования апеллятивного материала в онома. Следовательно, прозвища в первую очередь обеспечивали гибкость древнерусской антропонимической системы, они же способствовали динамике имени, участвуя далее в разработке антропонимической модели. Более поздняя нагрузка прозвища связана с его функционированием в роли дополнительного различителя при основном имени, в этом случае к основному следует отнести и крестильные, и нецерковные имена¹.

Прозвища оказывают сопутствующее влияние на укрепление и стабилизацию отчеств. Отчество — именной знак, соотносимый с правами отцовства, правилами брака и филиации, — образуется из патронимических указателей уже в древнерусский период² и развивается достаточно самостоятельно. Прозвища и прозвания по другим членам семьи (ребенка по матери или деду, жены по мужу) скорее создают конкурентный фон, на котором отчества упрочивают свой авторитет и превращаются в нормативный компонент антропонимической модели.

Самый поздний по времени появления член антропонимической модели — фамилия — предполагает наследственное имя, которое традиционно переносится в новую семью по мужской линии. Стихийно формирующиеся фамилии опирались на существующую антропонимическую базу: производящими основами фамилий становились имя или прозвище отца либо деда, проименование (родовое или наследуемое имя) семьи или семейное прозвище. Таким образом, прозвища в качестве строительного материала участвуют в создании последнего компонента нормативной антропонимической формулы. Прозвищная модель способствовала преобразованию в фамилии «паспортных» описаний: указаний на место рождения или проживания, профессию, этническую принадлежность, род занятий отца, матери (для духовных особ — на наименование церкви), титул самого носителя

---

¹ Утверждение В.К.Чиганова, что в XV веке дохристианские имена превратились в прозвища, выглядит излишне категоричным. В XV-XVI веках, судя по письменным памятникам, имело место равновесие древнерусских и византийских имен (Суперанская 1990, с. 58). Только при Петре I правительству удалось запретить нецерковные имена.

² В древнерусских списках послов 945 г. некоторые имена уже сопровождаются отчествами (Суперанская 1990, с.83).

или его отца, служебную либо личную принадлежность индивидуума другому лицу, напр.: Якушка Мордвин Тимофеев сын Пятин, Пашка Гридин сын Мельников, Гридка Колен садовника Гридина сын, князь Васильев сын Приимков Ростоцкий, князь Дмитрий князь Петров сын Лопата Пожарский, Козел Гридин сын Чудинов человек Окинфова, князь Борисовы Васильевича дети боярские Дмитрий Рожной и его братья Крюк и Остафей¹. «Строгой границы между «паспортными данными» и прозвищами, по-видимому, не было, и первые могли легко преобразовываться во вторые» (Архипов 1995, с. 324).

В Петровскую эпоху русская антропонимическая модель кодифицируется государственными указами в соответствии с сословными правами². В XVIII—XIX веках фамильный знак оценивается как авторитетная норма для литературного языка и особенно его письменно-деловой разновидности, это способствует постепенному выравниванию сословных вариантов и распространению фамилий (подчас искусственному) у разных слоев населения.

Прозвище (индивидуальное, групповое, семейное) остается за пределами официальной нормы и потому выступает заместителем имени или знаком дополнительного различия лишь в речевой практике ограниченных сообществ. Заложенная в нем способность к выражению актуально значимой характеризующей семантики и экспрессии, а также способность быть знаком приобщения к некоторому корпоративному кругу объясняют причины распространения прозвищ у людей, владеющих литературным языком и обладающих личными именами, отчествами и фамилиями³.

Таким образом, при существовании относительно кодифицированной антропонимической модели (окончательная кодификация будет произведена правительственными декретами после 1917 года), при наличии ее вариантов: *имя + отчество*; *имя + отчество + фамилия* — архетип прозвищного названия человека (реноминация человека именованного) сохраняет свою жизненную способность. Наряду с функциональными разновидностями антропонимической модели и вариативными формами личных

---

¹ Антропонимический материал паспортизован у А.А.Архипова (см.: Архипов 1995).

² Предусматривалась официальная обязательность церковного имени и трехчленность формулы именованного для привилегированных слоев общества.

³ См., например, прозвища друзей и знакомых поэта Евгения Боратынского: Американец (Ф.И.Толстой), Большой Рыжик и Маленький Рыжик (П.А. и А.А.Мухановы), Мессалина, Магдалина, Альсина (Аграфена Федоровна Закревская, урожд. Толстая), Герцог, Генерал (А.А.Закревский), Мефистофелес (А.Армфельд), Светлана (А.А.Воейкова, урожд. Протасова) (Песков А.М. Боратынский. М., 1990. с. 369—381).

имен (полные, сокращенные, деминутивы, гиперкориститики) прозвища сообщают антропонимической системе функциональную мобильность.

В XVIII—XIX веках русская антропонимическая система пополняется еще одной именной разновидностью — псевдонимами. В этом знаке продолжает свое естественное и закономерное развитие социальная функция антропонима, поскольку псевдоним призван маркировать некоторую социально типизированную роль, для обозначения которой по тем или иным причинам не может быть задействовано обычное имя. Производство псевдонимов (или псевдоименование)¹ как деятельность вырастает из известного опыта модификации имени при переходе в иную сословную группу, смене имени при принятии духовного сана или постриге, специальном придумывании прозвищ в некоторых социальных объединениях. Для того чтобы воплотить приращенную функцию, язык использует наработанный арсенал техники антропонимического означивания, уже сложившиеся модели и принципы именования, поэтому к созданию псевдонимов в равной мере привлекаются и антропонимическая модель с соответствующими функциональными вариантами, и модель прозвищного называния. Но в отличие от прочих антропонимов, которые в практике именования человека традиционно даются или создаются окружающими, псевдоним изобретает и присваивает себе сам автор. Следует объяснить эту категоричную на первый взгляд формулировку: псевдоним может быть избран с чьей-то подсказки, при обсуждении в приватном кругу, может повторять некогда сложившееся прозвище; важно, что решение субъекта об избрании некоторой формы в качестве псевдонима — это истина в последней инстанции для тех, кому адресовано имя автора. Придумывание псевдонимов не вызывается той общественной необходимостью, какой обусловлено появление и функционирование обычных имен, решение называющего субъекта всецело проистекает из его желаний и волеизъявления, и вне зависимости от частных причин (конспирация, создание вербального имиджа, следование моде и т.д.) это решение преследует выполнение задач, связанных с личным прагматическим целеполаганием. Семантические особенности псевдонима, его место в антропонимической системе языка будут предметом анализа в следующей части.

---

¹ Здесь и далее термины «псевдоименование», «псевдоназывание» будут использоваться для обозначения процесса создания псевдонимов.

Искусственная антропонимия: категория псевдонима

В антропонимике, особенно в той ее части, которая обращена к сравнительному, сопоставительному и типологическому языкознанию, достаточно спорных, проблемных и нерешенных вопросов. «Антропонимика пока не располагает сводом компонентов, образующих систему, — констатировал В.А.Никонов. — Нужны основные антропонимические категории. Не выяснив их, невозможно рассматривать и сопоставлять системы имен... Важнейшие антропонимические категории еще не имеют научного определения. По-видимому, предполагается, что они всем понятны. Действительно, каждый повторяет, не задумываясь, слова: имя, прозвище, фамилия. Но стоит подойти к анализу их, как тотчас оказывается, что их ясность мнимая» (Никонов 1989, с. 6—7). Среди антропонимических категорий категория псевдонима, пожалуй, наиболее таинственная, нечеткая, диффузная, хотя интерес к этому языковому материалу неизменен, о чем свидетельствуют работы русских и зарубежных исследователей (Масанов 1956—1960; Масанов 1963; Виноградов 1961; Реформатский 1963; Унбегаун 1995; Дмитриев 1977; Суслова 1978; Morris 1934; Mocher and Tajlor 1951). Вследствие неоднозначности трактовки понятие псевдонима «пульсирует», то расширяясь, то сужаясь в объеме. Нельзя не признать, что разноречивость определений оправдана феноменологическими свойствами самого явления, которое в каждой языковой культуре вырастает на уникальном сплаве национальной духовности, которое в стихии своего языка вступает в сложные отношения с другими антропообозначениями, которое, наконец, будучи языковым инструментом человеческой деятельности, обретает специфическое информативное наполнение, значимое для социального взаимодействия.

В отечественной науке внимание к псевдонимам оказывается на пересечении различных отраслей знания. Псевдонимам традиционно посвящаются труды библиографов, наиболее фундаментальный из которых «Словарь русских псевдонимов» И.Ф.Масанова. Явление оценивается в литературоведении и истории литературного языка (см.: Берков 1963; Масанов 1963; Сухомлинов 1908; Виноградов 1961). Те или иные характеристики псевдонимов учитывают общие работы по ономастике и антропонимии (см.: Суслова, Суперанская 1978; Унбегаун 1995; ТМОИ), а наиболее полное и подробное лингвоописание выполнено В.Д.Дмитриевым, в работах которого, построенных на обширном языковом и фактическом материале, содержатся классификации псевдонимов по семантическим, структурным и словообразовательным особенностям (Дмитриев 1977, 1986).

Тем не менее за обилием описанного фактического материала категория псевдонима продолжает «ускользать», расплываться в объеме, открывая для наблюдения то одну, то другую грань своего содержания и «обличья». Отчасти это связано со становлением самого термина: перейдя из речи литераторов, издателей и читающей публики в библиографические, а затем филологические работы, слово «псевдоним» расширенно применялось ко всем случаям письменного использования чужого имени. Академик М.И. Сухомлинов, объясняя анонимность древнерусской литературы особым отношением к тексту, при котором мысль, раскрытая в произведении, ценилась несравненно выше личности автора, относил к древнерусским псевдонимам имена деятелей православной церкви — Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла Философа, поставленные неизвестными сочинителями под оригинальными русскими произведениями для повышения их авторитетности (Сухомлинов 1908, с. 490). Однако факты приписывания текста другому автору с углублением литературоведческой разработки проблемы авторства получили специальное обозначение «литературная контрфакция». Немаловажно, что в современном литературоведении и исторической лингвостилистике при проработке вопросов, связанных с пониманием авторской позиции, литературного почерка, индивидуально-авторских стилей, литературной собственности был выдвинут принцип исторического подхода к явлениям анонима и псевдонима (Берков 1963; Виноградов 1961), в связи с чем подчеркивалось, что на русской почве интенсивное производство псевдонимов началось в XVIII веке, в период русского просветительства, когда массовый характер приобрело книгопечатание, активно протекала переводческая деятельность и бурно развивалась журналистика (Масанов 1963).

Другой повод для неоправданного расширения понятия псевдонима дает функциональное пересечение в одной коммуникативной зоне разных антропонимических единиц: творческих имен, творческих прозвищ, литературных масок и т.д. Например, у В.Г. Дмитриева встречается недифференцированное толкование псевдонимов и литературных масок (Дмитриев 1977, с. 148—149), исследователь вводит понятие «полемиические псевдонимы» — «вымышленные имена, под которыми выводились реальные люди» (Дмитриев 1986, с. 30) и подкрепляет примерами, которые в сущности являются либо прозвищами, либо фактами литературной ономастики: «Журналист А. Краевский, переметнувшийся из демократического лагеря в реакционный, именовался в «Искре» Хамелеонским»; «Под пародией А. Архангельского на Корнея Чуковского стояло Корнеплодий Чубуковский» (Там же, с. 30—31).

В связи с проблемой обсуждения категориальных свойств псевдонима обратимся к уже существующим определениям этого понятия. Интерпретация знака, применяемая в приложении к лите-

ратурным произведениям, сводит его своеобразие к вымышленной подписи автора под текстом (см.: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 310). Суженный характер трактовки и ориентация на специальную область деятельности и знаний здесь вполне очевидны. Особого комментария, на наш взгляд, требуют два использованных в дефиниции компонента — «текст» и «подпись автора». Текстуальная привязка псевдонимов действительно заметна и значительна, если подразумевать под текстом любое произведение как результат работы творческого сознания, воплощающего средствами знаковых систем индивидуальный замысел и принципы его разработки, то есть текст музыкальный, графический, живописный, пластический, литературный и т.д. Вполне очевидно, что список русских псевдонимов будет неполным без имен, которыми пользовались художники, графики, скульпторы, музыканты: *В.Дени* — В.Н.Денисов, *Волк* — А.М.Волков, *Вилевальде* — Н.В.Иевлев, *МОА* — Марк и Олег Абрамовы, *И.Шадр* — И.Ионов и т.д.

Однако, помимо псевдонимов, указывающих на автора законченного произведения, выделяется значительная группа имен, связанных не с законченным текстом, а с избранной сферой деятельности и вербальной прорисовкой необходимого имиджа. К ним относятся театральные, цирковые, эстрадные, кинематографические имена, чья функциональная нагрузка состоит в том, чтобы маркировать причастность субъекта к определенному поприщу и создавать образ, целесообразность которого оценивает сам называющий. В обоих случаях, при статическом тексте и при пролонгированной социоролевой активности, псевдоименование служит средством самоподачи. Следует подчеркнуть, что онтологически псевдоним оправдан социальной многоликостью человека и его способностью к ролевому поведению, без которого любое общение, или диалогическая деятельность (по М.М.Бахтину), оказывается несостоятельной. Осуществляя ролевую координацию, то есть определяя свою позицию и прогнозируя позицию другого, номинатор устанавливает ракурс, в котором объективирует свои интенции и направляет их коммуниканту, а получатель информации интерпретирует ее и продуцирует отклик. Когда говорящий, представляясь, называет себя собеседнику и выбирает подходящую, с его точки зрения, формулу, форму или разновидность имени, он тем самым намечает ролевой статус в диалоге в соответствии с принятыми социальными и речевыми нормами и в их режиме вправе ожидать ответной реакции. Создание и использование псевдонимов также соотносено с устойчивыми представлениями о социальной роли носителя, или о «нормативно одобренном образе поведения, ожидаемом от каждого для осуществления определенной деятельности» (Батюкова 1992, с. 62).

Здесь уместно представить социокультурную информацию, которая относится к псевдонимам и сопровождает ситуации их

употребления, фреймовую семантику знака, бытующую в данном лингвокультурном пространстве. Вероятно, оптимальным средством для этого будет сравнение. Известно, что в некоторых языках Юго-Восточной Азии — китайском, корейском, вьетнамском, японском, бирманском — псевдонимы образуют обширный слой антропонимической лексики, будучи активными, весьма распространенными компонентами именных систем. Традиция псевдоименования, рожденная в среде буддийских монахов, затем укоренилась у людей творческих профессий, государственных и общественных деятелей, наконец иррадиировала в массовую практику и превратилась в один из именных обычаев. Любый человек, достигший совершеннолетия, может принять псевдоним, это дополнительное имя будет своеобразным знаком духовной и социальной зрелости, символом обретения права на самостоятельную жизнеосмысляющую позицию. В европейских, в том числе и русской, антропосистемах псевдонимы функционально привязаны к области духовного созидания, имеют хождение у людей искусства, а также критиков, переводчиков, публицистов, реже встречаются у политических и общественных деятелей. В этом контексте псевдоним расценивается как знак отстранения, перенесения фокуса восприятия с плана утилитарного на план интеллектуального и эстетически значимого.

Применительно к русской лингвокультурной традиции ситуацию изобретения псевдонима можно охарактеризовать в аспекте целевого назначения знака: номинатору важно либо маркировать фигуру субъекта, стоящего за текстом, либо означить приобщенность к пролонгированной роли, предполагающей творческую активность. Оба варианта позволяют наметить зону денотации имени — это созидательное начало, творческое Я личности, предлагающей аудитории свое мироотношение и методы его «прочтения». Социальный образ, скрытый за псевдонимом, есть образ автора (художника, мыслителя, ученого, идеолога, критика), и не случайно псевдонимы занимают нишу в русской антропосистеме вместе с утверждением в общественном сознании самого понятия автора, творческого субъекта, выражающего личное мировидение и обладающего этическими правами на продукт созидательной деятельности.

Еще одна проблема, обсуждение которой было уже намечено при выделении слова «подпись» в исходном определении псевдонима, — проблема материальной стороны знака. Дело в том, что знаки авторства, сопровождающие письменные тексты, представляют собой разнородный материал.

Это антрополексемы и замещающие их синтаксические конструкции: *Вильгельм* — В.В.Кюхельбекер, *Василич* — А.В.Смирнов, *Лев Алпатов* — Л.М.Пришвин, *К.А.Альбинский* — К.А.Рихтер, *Барон А.* — барон Англезе, *художник А.Б.* — А.Н.Бенуа, *Хуторянин* — М.Ф.Комаров, *Простодушный читатель* —

В.Г.Короленко, *Доброжелатель доброжелателя Российской литературы* — М.Н.Баккаревич;

— буквенные комплексы, пунктирно очерчивающие возможный силуэт слова: А—*вз*, Ак—*вз* — С.А. Аксаков; К.Т- *ин*, К.Т.-н — «К. Тулин» — В.И. Ленин; Р — *а Г.* — Р.К. Грот; А.Рбк — А.Ф. Рубинчик; В. Жкск. — В. Жуковский; Кнз. Птр. Шлкв. — князь П. Шаликов; И-а-о — В.С. Лихачев;

— начальные буквы имени, компонентов реальной или вымышленной антропонимической формулы: В. — В.Вяземский, В.Жуковский, В.Брюсов, В.Маяковский; К. — К.В.Арсеньев, К.Н.Батюшков, А.П.Белоусов, К.В.Аркадский; В.Т. — В.Третьяковский, К.А. — К.Авилов, К.Аксаков; К.А.Б. — К.А.Бороздин, Р... — Л.Г.Рохманов, Р*** — С.В.Руссов;

— финальные и медиальные буквы: -а — Г.А.Квитка, -й — В.Ф.Одоевский, ...й — В.И.Тумановский, -ий — Д.А.Бегемский, ...ий — В.И.Туманский, ...вз — И.С.Тургенев, -нский — В.Г.Белинский, ...рз-вз... — И.А.Полежаев, -рз-рз — Л.О.Кантор, -а — В.С.Лихачев, -ерг- -ерг- — С.А.Брегман, -р- — Н.Н.Фирсов, -с- — З.И.Алексеев, -сс- — «Профессор» — Н.П.Милоков;

— цифры, часто шифрующие буквы и их сочетания: 1 — В.Л.Кигн; 2 — Е.А.Боратынский; 2... — П.П.Бекетов; I...14—16 — А.С.Пушкин; 16/2 — П.Быков; 200-1 — С.Т.Аксаков; IV — Л.О.Леванда; VI, XI — М.А.Бестужев-Рюмин; VII — А.М.Жемчужников;

— математические знаки и символы: $\sqrt{I}$ — «мнимая единица» — Г.Ватеньков, $X + Y + Z$ — И.А.Левицкий;

— типографские значки: — » — З.А.Волконская, * — А.Х. Востоков, ** — П.А.Вяземский, *** — Е.Р.Дашкова;

— знаки препинания: ? — К.А.Скалковский, ??? — Г.Н.Жулев, . — . — В.Д.Кузьмин-Караваев.

Добавим, что для живописцев и графиков подпись нередко становится предметом особой заботы, поскольку способна вносить дополнительные эстетические штрихи в общее оформление визуального ряда, и она украшается, орнаментируется, стилизуется. Так, например, художник Галкин помечал свои журнальные рисунки буквой Г, напоминавшей по изображению птицу, а Н.Ремизов свой псевдоним Ре-ми шифровал с помощью нотных знаков.

Подпись автора, будь то графический комплекс или отдельная графема, несет двойную нагрузку: во-первых, указывает на автора, и обычно в подписи автор называет себя; во-вторых, указывает на право интеллектуальной собственности, следовательно, служит ее знаком. Две функции (название и маркирование авторства) выдвигают проблему тождества знаков. Каково же соотношение между графическим знаком авторства и антропонимом, реальным или вымышленным? Вполне очевидно, что полного совпадения здесь нет. Однако традиционная точка зре-

ния все изобилие разнообразных графических помет относит к области псевдоименования (Масанов И.Ф. 1960; Дмитриев 1977), и такая позиция, вероятно, оправдана для библиографических, искусствоведческих и литературоведческих изысканий. Но лингвистическая, точнее ономастическая, интерпретация материала заставляет подвергнуть знаки авторства более жесткой фильтрации, основанием для нее должны служить именующие, антропонимические свойства.

В силу принадлежности антропонимической системе псевдоним представляет собой лексическую или равную ей лексикализованную единицу. Поэтому говорить о псевдонимах применительно к лексически не оформленным знакам авторства, думается, не совсем корректно, правомернее было бы называть их *автографами* или *псевдоавтографами*, ср.: А.В.Н. — А.В.Нарышкин и Д.С.А. — «Дедушка с Арбата» — Н.И.Пастухов. Между тем настоящее имя, сокращенное средствами графики, трудно отнести к вымыслу вне зависимости от разнообразия технических приемов кодирования: Гр. Д...ский — Г.П.Данилевский, П-ш-к-нз — А.С.Пушкин, Mi/f — «Ми на эф» — Д.Д.Минаев.

Если обратиться к истории, то выясняется, что истоки у графической редукции собственных имен достаточно давние: сокращенная запись имен собственных наблюдается в памятниках славянской письменности с древнейших времен. Ранней графической аббревиации подвергаются только священные имена, преобразуемые способами контракции (исъ, — Иисус, двѣдъ — Давид) и суспензии (мѣѹ — Матфей) (Алексеев, с. 242). Nomina sacra стягиваются в тексте в такой мере, чтобы по оставшимся в наличии буквам можно было безошибочно прочесть все слово. Но в деловых документах в XVI—XVII веках и даже в XVIII веке сокращения не допускались, несмотря на то, что одни и те же фамилии и имена повторяются здесь очень часто.

Примечательно, что инициальные сокращения антропонимов на Руси использовались издавна, но не в текстовой или околотекстовой позиции, а во «внетекстовом» употреблении. Сокращенные написания антропонимов довольно рано появляются в качестве «фабричных марок» или знаков собственности на изделиях. Обе функции, возникшие до появления письменности, первоначально удовлетворялись условными метками и рисунками. Персональный характер ручного производства (не говоря уже о персональности владения изделием) с расширением числа «фабрикантов», очевидно, делал недостаточными условные метки и клейма, и на изделиях появляются имена изготовителей. Так, с возникновением письменности антропоним (его буквенное изображение) дополняет, а иногда подменяет первоначальный небуквенный знак. «Марочная» функция знака не требовала полной

записи имени..., малые габариты изделия, трудоемкость процесса нанесения клейма толкали к максимальному сокращению записи» (Алексеев 1970, с. 244).

В XVIII веке в России в основном завершается формирование трехчленной антропонимической модели, и центр номинативной тяжести перемещается с личного имени на фамилию. Это приводит, в частности, к возможности сокращения предфамильных компонентов при текстовой и околотекстовой фиксации антропонима: Г.Р.Державин, И.Новиков и т.д. «Практика такой записи устанавливается только со второй половины XVIII века, но не раньше, несмотря на то, что в Западной Европе аналогичные процессы давно завершились в связи с более ранним формированием фамилий. Европейское влияние оказалось бессильным что-либо поколебать в России до тех пор, пока личное имя (имя и отчество) не утратило здесь первоначальной номинативной полновесности». (Алексеев 1970, с. 247). Сокращение имени и отчества при сохранении фамилии или сокращение фамилии при полном графическом воспроизведении имени не лишает антропоним его называющей способности. Однако активная интеграция различных семиотических систем и свойственных им приемов означивания, начавшаяся в XVIII веке, во второй половине XVIII века — начале XIX столетия приводит к тому, что текстуально привязанный антропоним в случае, если автор намерен его замаскировать, может получить шифрующее графическое изображение — от отдельных инициалов и буквенных комплексов до знаков рисунчатого типа. Графический знак в той или иной степени утрачивает способность к лексическому развертыванию и, следовательно, теряет номинативные качества, которые составляют необходимый атрибут имени. Сокращенный инициальный автограф принадлежит только письменной речи, и его адекватное восприятие требует привлечения специальной информации, так как графическое изображение делает проекцию к имени условной.

В этой связи особого комментария заслуживают инициалы личного имени и отчества, а также выступающие в роли индексов авторства медиальные и конечные буквы. Функция, в которой используются эти буквенные графемы, явно вторична, поскольку применяются они не для передачи звукового облика имени, а прежде всего для символического означивания ситуации авторства: Б.М. — *«Бывший министр»* — П.А.Валуев; Р.И. — *«Русский историк»* — Д.И.Писарев; У.М. — *«Ученик мудрости»* — А.Ф.Лабзин; -з — В.И.Ленин и т.д. Для них становится вариативным и прочтение («Ум» или «у-эм», «ер» или «буква ер»), и лексическая расшифровка, которая в отдельных случаях даже не предполагается: Ы — В.В.Маяковский, Й.Ч. — Н.М.Карамышев, Ы.Ч.Ц. — Н.М.Карамзин. Буквенный символ обыгры-

вает лексический знак, намекая на его возможное присутствие, но «правила игры» не раскрываются читателю.

Аналогичным образом можно оценить и другую небуквенную символику, которая в неосновной функции применяется для обозначения авторства: геометрические фигуры, математические знаки, знаки препинания и т.д. Описанные варианты объединения в отношении функциональной специфики: маркирование авторского права становится доминантой знака и подавляет функцию называния, автограф или псевдоавтограф в этом случае максимально сближается с несловесными знаками собственности. Определенное семантическое наполнение, таким образом, получает любой графический символ, в том числе символ буквенного, иероглифического или пиктографического типа, поставленный в подписи, но эта семантика отнюдь не лексическая. Отсутствие номинативной способности — главная причина, по которой так называемые криптонимы (буквенные сокращения), цифронимы и прочие графические заместители имени собственного уместнее рассматривать не как феномен лексики, а как явление письма с его семиотическим своеобразием. Отдавая должное актуальности изучения подобного материала, следует признать, что к теме и предмету нашего обсуждения он не имеет непосредственного отношения, и потому все словесно оформленные автографы, вне зависимости от того, какие имена — подлинные или вымышленные — они скрывают, остаются за пределами анализа.

Продолжая разговор о знаковой специфике псевдонима, приведем еще одно определение понятия: «псевдоним — вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» (Подольская 1988, с. 113) — и выделим атрибутив «вымышленное». Главное условие псевдоименования как деятельности и главный смысловой модус, в котором решается проблема означивания, — это модус фиктивности. Модус фиктивности или допущения трактуется в данном случае в соответствии с кантовским принципом фиктивности, смысл которого выражается в формуле «как если бы» (см.: Жоль 1984, с.127—128; Телия 1988, с.186). Условность, гипотетическое допущение в равной степени распространяется и на содержание, и на форму антропонима. Отстранен образ автора, названного квазиименем, — своего рода *alter ego* в человеке обывательном (напомним хрестоматийное пушкинское «Пока не требует поэта к священной лире Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен»). Этому образу приписываются либо не намеренно усиливаются, подчеркиваются приметы, которые оказываются значимыми для воплощения авторского замысла, реализации авторской позиции. Реальность самоощущений и гипотетическое принятие позиции другого, того, кому адресованы творческие усилия автора, сочетаясь в различных пропорци-

ях, создают в итоге фигуру медиатора, посредника между реальной личностью и аудиторией¹.

По принципу «квази» изобретается форма обозначения. Интенции, предопределяющие эту активность, условно можно выразить при помощи псевдонима «*Что в имени тебе моем?*», учитывая, что под последним подразумевается реальный антропоним. Самоназывается осуществляется через синтаксическое описание общехарактеризующего свойства: *Амур в отставке* — А.И.Красницкий; *В глуши расцветший василек* — Ф.В.Волховский; *Ни одной звезды во лбу не имеющий* — Н.П.Румянцев; *Ужесть как мила* — М.В.Храповицкая;

— синтаксическое описание «паспортного типа», включающее лексемы-социоразличители: *кандидат философии П.Ремезов* — А.Я.Кульчицкий; *Рязанский дворянин М.Д.* — М.Д.Данилов; *Экс-студент Никодим Недоумко* — Н.И.Надеждин;

Калика переходный, профессор полосатый и темно-зеленой с крапинками магии — В.М.Дорошевич; *Аверьян Любопытный, состоящий не у дел коллежский асессор, имеющий хождение по тяжёлым делам и по денежным взысканиям* — Г.Ф.Квитка-Основьяненко; «*Каноник*», известный покровитель Былей и Небылиц, член общества незнающих, которого принята надпись есть *ignorante babinelli* ... обыкновенная же надпись текущим делам слово мимо — Л.А.Нарышкин;

— перифрастические описания с отсылками к предшествующим сочинениям автора (подлинным и вымышленным): *Автор заметки № 82* — Н.С.Лесков; *Автор книги «Плод сердца и проч.»* — А.И.Ковальков; *Автор «Подмосковных проказ»* и «*Гусарской стоянки*» — В.И.Орлов; *Автор статьи о Платоновских идеях* — С.К.Смирнов; *Сочинитель драмы «Добрый судья»* — И.В.Лопухин; *Сочинитель «Храброго философа»* — М.С.Бранкевич;

— дейктические замены: *Это я* — Я.Д.Земский; *Опять я* — Л.И.Винярский; *Это не я* — П.А.Опочин; *Это он* — Н.И.Пастухов; *Все же он же* — В.М.Дорошевич; *Все тот же* — В.И.Фролов;

— с помощью именований, построенных по вариантам антропонимической модели: антропообозначения при этом могут воспроизводить реально существующие в именнике единицы либо сконструированные по принципу максимального подобия: *Абрам* — С.А.Терентьев; *Валентин* — И.М.Герсон; *Агафья Ива-*

---

¹ Ср.: Когда вступают в спор природа и словарь / И слово силится отвлечься от явлений, / Как слепок от лица, как свет от светотени, — / Я нищий или царь? Коса или косарь? / Но миру своему я не дарил имен: / Адам косил камыш, а я плету корзину. / Коса, косарь и царь, я нищ наполовину, / От самого себя еще не отделен (Арс. Тарковский).

новна — Г.Н.Жулев; *Петр Алтайский* — П.С.Парфенов; *К.А. Альбинский* — К.А.Рихтер; *Н.Станицкий* — Я.А.Головачева-Панаева; и окказиональные имена, имитирующие либо обыгрывающие какую-либо антропонимическую формулу: *Клюв Дятлович* — Е.Э.Сно; *Гиацинт Тюльпанов* — Ф.Б.Миллер; *Смарагд Бриллиантов* — П.М.Ковалевский; *Горащий Ч. Брюква* — Л.Н.Андреев; *Граф Антре-Кот* — Ф.Н.Федотов;

— с помощью обозначений прозвищного типа (они включают производные, не имеющие формальных показателей, типичных для компонентов антропонимической модели): *Нагайка* — В.А.Мазуркевич; *Фитабуки* — А.А.Краевский; *Невыносимый* — С.И.Танеев; *Allegro* — П.Соловьева. Впрочем, граница между исходными прозвищной и «именной» моделями оказывается весьма условной, и однородный производящий материал может оформляться посредством различных технических приемов: *Флюс, Максим Флюсов* — И.А.Майоров; *Простодушный* — А.Х.Христофоров; *Тихон Простодушный* — А.М.Комаров; *Аким Простота* — Н.Н.Блинов; *М.Простодулов* — М.Л.Магницкий; *Фита* — Ф.Е.Мельников; *Фита Фертов* — Ф.Ф.Розанов.

Принцип фиктивности актуализирует общие для коммуникантов знания о мире и сходные лингвистические представления о возможных моделях именования лица. Новое обозначение узнаваемо и открыто для восприятия, поскольку занимает известную позицию (данной языковой единицей автор называет себя), но одновременно отдалено и от реального имени, и от реального лица. Семантическая продвигка, или семантическое приращение, составляет основу смысловой специфики псевдонима.

Но вымысел распространяется в весьма обширных пределах и охватывает не только именование автора, но и застывшую в тексте воображаемую и отображаемую реальность. Равновесие псевдонима можно назвать относительным, оно нарушается, когда давление текста отдаляет образ автора от подлинного носителя и появляется не псевдоним, а литературная маска, уже не творимый имидж, а самостоятельный персонаж, действующий так, будто бы он на самом деле был автором. Если для псевдонима подходит сравнение с гримом, который накладывает актер, чтобы сыграть свою роль на сцене, то маска подобна кукле, которую автор оживляет, передавая ей свой голос и заставляя двигаться. Маска заключает в себе двойной вымысел, поскольку с ней связывается не только конструирование имени, но также имитация стоящего за ним субъекта. Она прочно срастается с текстом и живет исключительно в текстовой действительности, где имя становится важнейшим доказательством ее мнимой подлинности. Это известный ход в литературной наррации, удобное средство для пародирования и социальной сатиры, а также излюб-

ленный прием литературной мистификации, как правило, сопряженной с подражанием и стилизацией¹.

Будучи средством построения художественной реальности в тексте, маска сближается с вымышленными именами литературных персонажей и выступает одновременно как принадлежность текста и как инструмент для его создания. Номинация и художественное творчество здесь взаимно сориентированы и пересекаются в решении общих художественных задач. Что же касается псевдонима, то возможность соучастия в организации текстовой ткани остается одной из его потенциальных способностей, но вовсе не исчерпывает объема функциональной нагрузки. Разумеется, среди псевдонимов немало таких, которые развернуты к идейно-тематической направленности произведения, согласованы с авторской позицией, однако, в не меньшей степени, чем изобразительно-выразительная пластика внутренней формы, для псевдонимов оказывается актуальным означивание перехода в новую социоролевую позицию, что отнюдь не требует обязательной расшифровки и детального прорабатывания в мотивировочной семантике, достаточно поменять знак, например несколько видоизменить подлинное имя (*Л.Овалов* — Л.Шаповалов; *Ир.Эрбург* — Ирина Эренбург; *В.А.Пяст* — В.А.Пестовский) или взять любое другое как эмблему особого рода деятельности (*Порфирий Душегрейкин* — Ф.Булгарин; *Феофилакт Косичкин* — А.С.Пушкин. Оба псевдонима были использованы для абсолютно серьезных литературно-критических статей в журнальной печати.).

Притяжению текста в ситуации псевдоименования противостоит притяжение пространного жизненного «контекста» личности: подлинные социальные связи и человеческие отношения, интеллектуальный и эмоциональный опыт, личные оценки, вкусы и пристрастия. См.: *Чубаров* — И.А.Бунин (использована девическая фамилия матери); *М.Хрущевский* — М.М.Пришвин (по названию имени Хрущево, родины писате-

---

¹ В.И.Ершова придумывает имя о.Иоанн Новокрещенский для рассказа «Липочка-Поповна» — повествование о нем ведется от лица священника, дочь которого стала революционеркой и погибла в тюрьме. В маске лекаря Эмпирикова журналист Н.С.Курочкин воплотил типические черты врача-ретрограда — его герой выражал решительный протест против допуска женщин в Медико-хирургическую академию и приводил самые нелепые доводы (Дмитриев 1977, с. 151). Н.А.Добролюбовым был создан образ поэта Конрада Лилиеншвагера, от имени которого критик выступал с пародиями в журнале «Современник». Ближайшей целью этих пародий была мнимогражданская направленность поэтического творчества М.П.Розенгейма. Сама фамилия Лилиеншвагер является иронической переделкой фамилии Розенгейм: слово «розы» (Rosen) Добролюбов заменил на «лилии» (Lilien), а вместо слова «дядя» (Ohein) поставил «зять» (Schwager) (Масанов 1963, с. 56).

ля); *Яша Полянов* — Л.Л.Толстой (по имени Ясная Поляна); *Най* — Д.А.Фурманов (от домашнего имени жены Анны — Ная); *А.Толиверова* — Я.Н.Якоби (Толя и Вера — имена детей писательницы); *Рамзай-Соколий* — Н.Андреев (от кличек любимых борзых собак); *Евг. Венский* — Е.О.Пяткин (по названию петербургского ресторана «Вена», где часто собирались литераторы); *Ал.Алтаев* — М.В.Ямщикова (использована фамилия персонажа одного из произведений Я.Полонского, который одобрил первые опыты юной писательницы); *Ф.Сологуб* — Ф.К.Тетерников (от фамилии литератора В.А.Соллогуба, автора «Тарантаса»; фамилия понравилась Тетерникову, но второе «л» он убрал); *Вера Вельтман* — В.Ф.Панова (использована фамилия писателя XIX века). Таким образом, при изобретении псевдонимов вымышленное и реальное, действительное и желаемое сплетаются весьма причудливым образом.

Чтобы более рельефно представить феноменологические свойства псевдонима в русской лингвокультуре и уточнить содержание, вкладываемое в терминированное понятие, предлагаем следующее рабочее определение: псевдоним — искусственно созданное условное имя творческой личности, адресованное широкому кругу коммуникантов.

Псевдоименование как номинативная деятельность опирается на предшествующий опыт антропонимического означивания и одновременно является откликом на новое знание — на новый аспект восприятия личности общественным сознанием и на формирование особого социально-ролевого стереотипа. Собственно лингвистическая информация дает основу для выстраивания нового именного знака по аналогии с известными, не случайно аналогическое уподобление выступает важнейшим техническим приемом в оформлении псевдонимов. Однако, по сути, псевдоименование есть деятельность лингвокреативная, поскольку несет в себе трансформацию традиционного антропонимического значения, за ней стоит намеренное смещение денотативного фокуса на условный интроспективный образ, который для номинатора ассоциируется с собственной творческой субъектностью. Семантическое приращение, в свою очередь, позволяет заметно увеличить арсенал производящей лексики и способов деривации.

Псевдоним вписывается в антропонимическую систему на правах особого члена и вступает в определенные отношения с другими антропонимическими единицами. Отношения тождества и различия функциональной и референциональной семантики связывают псевдоним с прочими антропонимами и организуют его внутрисистемный, антропонимический статус. Признак основное/неосновное обозначение уподобляет псевдоним прозвищу и противопоставляет имени. Коммуникативная ориентация, напротив, сближает псевдоним с именем в оппозиции к прозвищу, поскольку в отличие от последнего псевдоним потенциально рас-

считан на обширную аудиторию. Гипотетическое допущение, условный характер денотации обуславливает сходство псевдонимов с вымышленными именами литературных персонажей и литературных масок, однако проекция к реальному носителю выступает здесь в качестве главного контрастирующего признака. Таким образом, функционально-номинативные качества позволяют уточнить позицию псевдонима в отнесении к ядерным антропонимическим разрядам (имена и прозвища) и периферийным (вымышленные антропонимы) и могут оцениваться как базовая лингвистическая информация, которую заключает в себе характеризующий знак.

Вместе с тем широкие семиотические возможности псевдонима и его «балансирование» между реальным и вымышленным вынуждают сделать некоторые ограничения для последующего ономазиологического описания. В наши задачи не входит детализация текстовых связей псевдонимов, поскольку это уведит проблематику исследования в область текстового анализа. Не предполагается подвергнуть подробному обсуждению отношения формальной и формульной деривации псевдонимов с именами и прозвищами, так как выводной характер информативного содержания в псевдониме, как правило, нейтрализует принципы социокодирования, разводящие имена и прозвища и влечет за собой недифференцированное применение разных моделей (*Кроткий, Эмиль Кроткий* — Э.Я.Герман). Исходное наполнение именной либо прозвищной модели обычно аннигилируется, сама же она превращается в чисто техническое средство для оформления новой семантики. За пределами анализа останется также мена личного имени в границах русского именного списка (*Константин Симонов* — Кирилл Симонов), поскольку подобные перестановки менее всего связаны с именотворчеством и относятся к области общих интересов социолингвистики.

Номинативные стратегии, тактики, модели в создании псевдонимов

Подобно всякому имени, псевдоним появляется в определенных коммуникативных обстоятельствах и нацелен на выполнение определенного коммуникативного задания, это означает, что саму номинативную ситуацию возможно структурировать с точки зрения того, что управляет в ее пределах образованием актуального именного смысла. Псевдоним запрограммирован на реализацию конкретного номинативного замысла и воплощает номинативные установки говорящего, из чего следует, что необходимо выделить интенции называющего субъекта. Будучи средством языкового маркирования личности, псевдоним изначально

но антропоцентричен, он обращен к макрополю «человек» и связан с восприятием и описанием лица, а стало быть, должен быть охарактеризован с учетом того, что из существующих знаний и представлений о мире и человеке отбирает номинатор для закрепления в имени и с помощью каких приемов воплощает новое содержание. Языковой базой нашего рассуждения послужил материал «Словаря русских псевдонимов» И.Ф.Масанова, который приводится в работе с идентифицирующими справками этого источника.

«Псевдоним скрывает лишь настоящее имя автора, но не факт его существования» (Арутюнова 1974, с. 198). Напомним, что конкретные внешние причины сокрытия реального имени весьма разнообразны — от желания избежать преследования властей до негативной оценки подлинного имени в функции индекса авторства. Однако более важным для избранного аспекта исследования представляется рассмотрение внутренних мотивов, обуславливающих установление субъективного ракурса во взгляде на предмет именования.

Отношение номинатора к называемой реалии обнаруживает себя в выборе средств обозначения. В обратном прочтении это означает, что особенности номинативного воплощения идеального содержания помогают высветлить «фигуру» самого субъекта номинации: «Аксиологическое начало в речевых актах проявляется в их ориентации на речевое воздействие, и поэтому сам выбор средств обозначения можно интерпретировать как речевой поступок, характеризующий, как таковой, того, кто этот поступок совершает» (Телия 1988, с. 30). Чтобы представить опоры для построения субъективно-личностных смыслов и наметить скрытые «пружины», обеспечивающие мотивацию внешнеречевого произведения, обратимся к психологической стороне номинации.

Актуализируемые, пробуждаемые к действию разные области и различные структуры сознания организуют при изобретении имени сложный рабочий механизм, или «ансамбль сил», нацеленный на переработку множественной и неоднородной информации. В сжатом виде важнейшие направления психологической деятельности сводятся к следующим: а) интроспекция — «прислушивание» к себе, к собственной живой реальности и, следовательно, к тем ощущениям, чувствам и мыслям, к игре воображения и переживаниям, которые возбуждаются творчеством и корни которых нередко бывают утоплены в сфере интуитивного либо неосознаваемого; б) лингворефлексия — актуализация структур языкового сознания и мобилизация языкового опыта, языкового чутья и вкуса, необходимых для оценки коммуникативной ситуации и наиболее точного выражения авторских интенций в именном знаке; в) самоутверждение — осмысление концептуальности собственной творческой позиции, складывающееся под воздействием социокультурной действительности

и выработанных обществом ценностных ориентиров: мировоззренческих, религиозных, нравственных, этических, эстетических, социально-прагматических и т.д.

Экзистенциальное постижение, освоение индивидуумом определенного объема духовной информации формирует структуру личности, и эта функциональная структура под напряжением воли, вдохновения и целеполагания руководит поведением человека, в том числе и поведением речевым, в точке приложения творческих сил. Слитые в единый комплекс деятельности и действующие структуры сознания генерируют в итоге особое содержание — *творческое Я* называющего субъекта. Интерпретация этого начала сказывается на индивидуальных номинативных замыслах. Их языковая реализация будет предметом дальнейшего анализа. Но прежде следует остановиться еще на одной стороне мотивационного процесса. Речь пойдет уже не о духовно-психическом субстрате, а о коммуникативных обстоятельствах называния.

Псевдоним отнюдь не самоценен, как не самодостаточен и тот, кто его придумывает. Знак, созданный для общения, вынужденно несет на себе печать обстоятельств интеракции и связан со знанием социальных и речевых стереотипов поведения, важных, подчеркиваем, и для выражения субъективной модальности. Внутреннее видение себя, таким образом, соотносится с видением внешним, как бы со стороны, глазами другого — партнера по коммуникации. Отсюда и планирование сверхзадачи (коммуникативного целеполагания), оценка и выбор стратегии и тактики автопрезентации, причем, если судить по результатам, оценка и выбор по логике алгоритма сопровождают разные стадии рождения имени, от замысла до номинативного финала. Скорость и автоматизм работы мозга и обычная, органическая несосредоточенность человека на спонтанно протекающих процессах внутренней речи могут создавать иллюзию мгновенной внешнеречевой реакции с дальнейшим сравнением уже состоявшихся номинативных решений. Но примечательно, что сам языковый материал «фотографирует» разные этапы обдумывания и, подобно рентгеновскому снимку, способен запечатлеть след того, что обычно скрыто от наблюдения.

Называющий предугадывает, гипотетически моделирует реакции условного либо неопределенного (в случае художественной, эстетически тонированной коммуникации) адресата: «за текстом стоит человек» — «кто он?» Ср.: псевдонимы *Кто?* — Н.М.Богомолов, *Не спрашивай, кто я* — А.А.Соколов, *Угадай* — В.А.Скрипичин. Для пресуппозиции, таким образом, подходит формулировка «я знаю, что ты захочешь узнать, кто я». Предполагаемое коммуникативное взаимодействие для номинатора связывается с выбором актуального варианта коммуникативной стратегии: а) назвать подлинное имя; б) не указывать имени;

в) приписать текст другому автору (литературная контрфакция); г) иначе назвать себя. В последнем варианте планирование базируется на особых интенциях — назвать себя, не раскрывая настоящего имени, ср.: *Автор, не желающий объявлять своего имени* — И.Е.Великопольский. Оба шага, оба интервала решения составляют предшествующее номинации целеполагание и фокусирует две идеи — идеи авторства и ложного имени. Их сочетание и создает идеальный конструкт, или смысловой прототип псевдонима. Важно, что модальность «квази», фиктивности, условности направляет номинацию и сохраняется как макросмысл в производной единице (*Квази* — М.Д.Лукашевич), хотя следует отметить, что степень его явленности различна — от четкой прописи (*Гименей Гименеич* — А.И.Красницкий) до завуалированного подтекста (*Николай Абров* — Н.А.Абрикосов).

Номинативная целеустановка, возникающая на уровне пропозиции, связывает создание новой единицы с решением нескольких задач: латенцией — сокрытием реального имени, маркированием авторства, именованием. Три функции, объединяясь, присутствуют в любом псевдониме, но их имплицитное равенство редко сохраняется при номинативной экспликации, поскольку целеустановка обычно осложняется частными номинативными установками, которые усиливают и детализируют номинативную проработку одних функций, приглушая другие. Номинативная установка ракурсирует взгляд субъекта на самого себя в имени, адресованном другому, и устанавливаемый угол зрения контролирует поиск внутренней формы. Так, на этапе мотивировки стягиваются, сплетаются в единое целое субъектно-личностные и адресатно-значимые интенции.

Совмещение объективно заданного лингвоабстракцией псевдонима с субъективно значимым для конкретного говорящего создает изобилие номинативных решений, для их описания далее предлагается функционально-номинативная классификация. Она задумана как попытка реконструировать установки называющих и представить стратегии и тактики их воплощения. Под стратегией понимается преобладающее внимание к отдельным сторонам функциональной нагрузки псевдонима, тактика отнесена к вариантам номинативной проработки мотивировочного содержания. Таким образом, главными опорами таксономического описания выступают латенция, маркирование авторства, именование; а внутренняя градация учитывает принципы объединения функциональных заданий и группировку лексических мотиваторов.

Латенция на уровне автоматизма сопровождает создание любого псевдонима — любой псевдоним скрывает настоящее имя носителя. Особая реализация этой возможности осуществляется в двух тактических версиях — «псевдосоккрытие» и «якобы называние».

Псевдосоккрытие нацелено на то, чтобы заслонить реальное имя и одновременно указать путь к его отысканию. Это наиболее «мягкий» и наиболее прозрачный вариант латенции, который позволяет без особых усилий установить подлинное имя и связать его с определенным лицом. Подобная номинация производится через перифрастические описания, в которых есть отсылки к предшествующим текстам того же автора. Знание текста и элементарное построение силлогизма служат необходимым, но вполне достаточным основанием для идентификации. Ср.: *Автор книги «Плод сердца и проч.»* — А.И.Ковальков; *Автор Прогрессиста-Самозванца* — В.Марков; *Автор «Детского цветника» и «Детского павильона»* — Б.М.Федоров; *Автор «Подмосковных проказ» и «Гусарской стоянки»* — В.И.Орлов; *Автор «Путешествия по святым местам»* — А.Н.Муравьев; *Автор «Современной России»* — К.А.Скальковский; *Сочинитель драмы «Добрый судья»* — И.В.Лопухин; *Сочинитель «Серого армяка»* — В.В.Львов и др.

Псевдосоккрытие достигается также с помощью иного средства — палиндрома, перевернутой записи реального имени: *Аванамор* — А.Н.Романова; *Агюлам* — В.Малюга; *Ведебель* — И.И.Лебедев; *Веega* — П.А.Агеев; *Вeenрок* — Е.Корнеев; *Н.Венчик* — Н.П.Кичнеев; *Ф.Велуки* — Ф.Шкулев; *С.В.Верасип* — С.В.Писарев; *Н.Верасон* — Н.Носарев; *А.Ворезолерб* — А.В.Белозеров; *М.Верызок* — М.Козырев; *Х.Ветемереш* — Х.Шереметев; *Веубеш* — Н.Г.Шебуев; *Вечамлот* — А.Толмачев; *Мих.Велугаз* — М.А.Загуляев; *М.Вокасур* — М.Русаков; *Г.Вокиндем* — Г.Медников; *Н.Воклещ* — Н.Щелков; *И.Вокнечвас* — И.Савченков; *Леонид Вокорамус* — Л.Э.Сумароков; *Ник.Вокерг* — Н.П.Греков; *К.Вокуж* — К.Жуков; *С.Вокалвеш* — С.Шевляков; *А.Волокос* — А.А.Соколов; *П.Вородис* — П.Сидоров; *Иван Ворума* — И.Амуров; *А.Восарат* — А.Тарасов; *Воташ* — С.Шатов; *Вотовиж* — А.Животов; *Н.П.Вохартс* — Н.П.Страхов; *А.Чибаб* — А.Бабич и др.

Если перифрастические субституты обращены к знающему коммуниканту и его специальной осведомленности, то палиндромы выступают средством лингвологической игры: необычная по звуковой оболочке лексема в типичной именной позиции принуждает воспринимающего отыскивать вероятные объяснения, и простая процедура обратного прочтения приводит к результату, удовлетворяющему его любопытство. Палиндром не столько скрывает, сколько зашифровывает исходное имя, это своего рода загадка, разгадать которую не составляет особого труда, поскольку ключ для дешифровки подсказан самим наименованием. Легко заметить, что псевдосоккрытие разворачивается в двух направлениях, для одного из них приоритетной оказывается идея автора (перифрастические замены), для другого — идея имени (антропонимы-перевертыши), но более подробно обе идеи осваиваются в тактике «якобы называния».

В режиме восприятия имя автора должно быть откликом на вопрос «кто?», однако номинативное решение может быть построено как уловка, уклонение от прямого ответа, и в этом случае вступает в силу тактика «якобы называния». При разработке идеи и образа автора она чаще всего связывается с дейктическим обозначением, несущим общее указание на лицо. Прежде всего подвергается осмыслению центральная оппозиция — наличие/отсутствие творческого субъекта. Маркерами невыраженного авторского начала выступают отрицательные местоимения: *Ник. Т-о* — И.Ф.Анненский; *Никто* — Я.Д.Земский; *Нободи* (англ. nobody — «никто») — Л.К.Панютин; *Я.Никто* — Е.П.Карпов; *Нето* (лат. нето — «никто»)¹ — более 20 авторов.

Не менее расплывчато и обобщенное маркирование какого-то творческого субъекта: *Некто* — И.А.Бахрах; *Некто X* — А.М.Пешков; *Квидам* (лат. quidam — «некто») — И.Ф.Анненский.

Далее отнесенность к творческому лицу актуализирует противопоставление указателей самости «я» — «не я» или «другое я»: *Я.* — А.С.Пушкин 17²; *Мы* — З.Д.Бухарова, Л.И.Гебен, 3; *Азъ* — О.Г.Земок, 19; *Азъ многогрешный* — В.И.Фролов; *Опять я* — Л.И.Винярский; *Аз и Не-Аз* — И.Ф.Василевский; *Он* — С.С.Гусев, 15; *Она* — В.В.Языкова, 3; *Он же* — И.Т.Морозов, 5; *Все он же* — М.П.Щепкин; *Все тот же* — П.Н.Ткачев, 4; *Не я* — И.П.Горизонтов; *Не-я* — С.П.Колошин; *Совсем не я* — П.С.Цейхенштейн; *Alter* (лат. alter — «другой») — Н.А.Фольбаум; *Alterus* — И.Я.Славин; *Alter ego* — Н.М.Ахумов, 3; *Ego* (лат. ego — «я») — А.И.Куприн, 11.

Базовая оппозиция для объективации идеи имени связана с проблемой — имя незначимо либо имя есть знак: *Что в имени тебе моем?* — 2 автора, но *Знак* — В.Я.Кричевский, 2; *Имя* — П.Ковровский, *Имрек* — К.С.Аксаков, *Г-н Имрек* — К.С.Аксаков.

Признание ценности именного знака в совокупности с интенцией к его сокрытию прорабатывается в разных номинативных вариантах: а) имени не назову; б) имени нет либо оно неизвестно: а) *Желающий остаться неизвестным* — М.Д.Хмыров; *Не скажусь* — П.Д.Боборыкин; *Нескажуся* — Ф.Д.Нефедов; *Псевдоним* — П.А.Ефремов, 4; *Ф.Псевдоним* — Ф.М.Домровский; А. *Псевдонимов* — А.Н.Плещеев; *Псевдоним Сердобольный* — Н.Л.Пушкарев; б) *Аноним* — Н.М.Карамзин, 3; *Иероним Аноним* — В.И.Хиляк; *С.Безыменный* — А.В.Дружинин, 3; *Нил Бе-*

---

¹ Нераздельное описание русских лексем и иноязычных обусловлено наличием общего мотивировочного содержания. Уровень языковой компетенции читающей публики предполагал адекватную семантическую расшифровку.

² Цифры здесь и далее показывают количество тезоименованных или количество имен, построенных по данной модели с вариативной меной инициальных сокращений либо личного имени.

зымянный — Е.П.Ковалевский; *Инкогнитенко* — Е.С.Федоров-Чмыхов, *Инкогнито* — Е.А.Вернер, 8; *Incognito* (лат. *incognitus* — «неизвестный, неведомый») — Е.И.Богословский, 5.

Тактика «как бы названия» также реализуется под воздействием латенции, но разворачивается в сторону абстрактного лингвоотвлечения от исходного имени. Замещается знак, и номинативные версии формируются на лингвистическом знании о нем. Лингвоотстранение идет как следствие спонтанно проявляющих себя представлений о языковом концепте онома и отнесенной к нему категории антропонима. Номинативные единицы свидетельствуют о том, что нарушается идеоматичность значения имени, расчленяется его семантическая структура, и составляющие компоненты, как правило, изолированно друг от друга объективируются квазиименной формой. Ср.: имя — индивидуализирующий знак (*Знак, Имя, Имярек*), отнесенный к лицу (*Я, Не-кто, Он же*), включающий семы биотического различия (*Он, Она*). Дифференцирующая семантика в основном ассоциируется с функцией сокрытия (*Желающий остаться неизвестным, Аноним, Псевдоним*). Денотация отнесена к самоощущению (*Alter ego*). Антропоним как лингвоабстракция дробится, расщепляется на отдельные частицы, и «осколочная» семантика диктует выбор лексических мотиваторов. Примечательно, что в номинации обыгрывается и сам диалог с читателем: дистанцированная, разобщенная по месту и времени интеракция может представляться таким образом, будто бы коммуниканты находились в зоне прямой видимости и вели разговор, в котором на вопрос «кто?» автор бы отвечал: «Я» или «Не скажусь». Или может имитироваться ситуация давнего знакомства с коммуникантом, когда в письменной речи достаточно только напомнить о себе «Все он же» или «Опять я».

Если на первый план выдвигается функция описания творческой субъектности, разворачивается стратегия **характеризующего названия**, и номинация погружается в семантические проекции, важные не для сокрытия, а, напротив, для демонстрации и характеристики человеческой индивидуальности, для антропоцентрического описания. Известно, что антропоцентричность служит концептуальной основой огромного массива лексических дескрипций человека, антропонимы включены сюда на правах особого именного класса. В силу своей знаковой сущности антропоним имеет в виду только человека, но сложность самого человека как живой системы есть объективная данность для разнопланового номинативного его измерения. В русской антропонимической системе имя, если подразумевать исторически сформированную и закрепленную в норме антропонимическую модель, несет лишь часть «генетически» отобранной информации. Лакуны в характеристике человека восполняет прозвище, описывая, как и апеллятивная лексика, «человека в его многосто-

ронных отношениях к другим людям, к предметам и вещам реального мира, к обществу — его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризующего со стороны его физических, психических свойств, этических и нравственных норм» (РЧФЯ, с. 126).

Псевдоним не менее свободен в своих характеризующих возможностях. Условность моделируемого с его помощью образа очевидна, и номинативные версии, объединяемые в рамках магистральной стратегии характеризующего называния, весьма разнообразны: прямые дескрипции соседствуют с образными наименованиями и обозначениями, имеющими сложный ассоциативный ореол. Поскольку установление личностно значимых мотивов номинации сопряжено со значительными трудностями и не всегда завершается в точке прямого соприкосновения с индивидуальным замыслом, наметим наиболее отчетливые линии в прорисовке авторского имиджа, используя для этого идеографическое группировку производящей лексики. Идеографическое описание лексических мотиваторов позволит в первую очередь очертить фрагменты реальности, к каким обращаются называющие, вербализуя переживание созидательного начала. С учетом сказанного можно выделить по крайней мере три тактических направления характеризующего называния: социометрическое, антропометрическое и натурметрическое (природнометрическое).

К **натурметрическим** относятся номинативные решения, в которых автопрезентация осуществляется с помощью отсылок к предметам, явлениям, признакам, измерениям природного мира. Упоминаются, например,

ландшафтные реалии: *Береговой* — А.Е.Ноздрин; *Г.Бережков* — Г.В.Беляев; *Вулкан* — Л.И.Пальмин; *Горный, В.Горный* — В.В.Исаев, 9; *Лев Долина* — С.А.Венгеров; *Долинный* — В.А. Смирнов; *Дубравин* — В.Иванов; *Петр Криница* — П.Е.Васильковский; *М.Криницкий* — М.В.Самыгин; *Лесной* — В.И.Мартовский, 10; *Морской* — Д.И.Малышев, 2; *Б.Озерный* — Б.Ф.Дурнов; *Гриша Полевой* — В.В.Князев; *Степной* — Н.А.Афиногенов; *Павел Тяжелый* — А.Н.Варенцов; *Темноборский* — В.В.Муйжель и др.;

— стороны света: *Восточный* — А.М.Брискин; *Н.Север* — Н.И.Молчанов; *Северный* — Н.Э.Гейнце, 6; *А.Северный* — А.А.Вдовин; *А.Южин* — А.И.Сумбатов; *Южный* — И.Л.Айзенштадт, 5; *А.Южный* — А.Смагин;

— метеорологические явления: *Борей* — М.А.Пономарев, 2; *Гр.Бурево* — Г.Е.Бармин, 3; *Ветерок* — В.В.Розанов; *Ветерок Залетный* — М.С.Лембич; *Ветрило* — Я.И.Лудмер; *Ветер в поле* — Н.Н.Городецкий; *Ветров* — А.А.Мейер, 2; *А.Ветров* — М.А.Савельев, 6; *В.Вьюгов* — П.А.Сорокин, 2; *Зюйд-Вест* — Е.С.Бывалов; *А.Зюйдвестов* — А.С.Горковенко; *Норд-Вест* — Н.М.Виленкин; *Северный ветер* — Я.И.Лудмер; *О.Р.Снегова* — О.Р.Зонненберг; *Р.Снеговский* — Н.Н.Захаров; *Б.Снежин* — В.А.

Соколов; *Н.Снежный* — Н.П.Смагин; *Д.Туманный* — Н.Н.Панов; *Тучин* — Л.Г.Дейч; *П.Тучкин* — П.П.Тихвинский и др.;

— астрономические объекты: *В.Звездин* — С.Л.Вайнштейн; *Звездочкин* — В.П.Беффани; *Метеор* — С.Есенин; *А.Солнцев* — А.И.Матвеев, 2;

— свет, свечение, освещенность: *Блуждающий огонек* — К.А.Михайлов, 2; *Восходов* — Э.Коссовский; *А.Восходов* — А.П.Бурд, 3; *Закатов* — В.А.Иванов; *Иван Закатов* — О.Л.Оршер; *Заревой* — П.М.Власов, 2; *А.Заревой* — Ф.Г.Гаврилов; *А.Зарницын* — К.М.Антипов; *И.Зарянский* — И.П.Зверев; *Искорка* — Е.В.Кузнецов; *Искра* — А.А.Герасимов, 2; *М.Искра* — С.А.Соколова-Жамсон; *Светлов* — А.Х.Мозер, 4; *А.Светлов* — А.И.Дубровский; *Светов* — Ф.М.Казанский; *Сумеркин* — А.М.Голев и др.;

— сезонные и временные циклы: *Августовский* — С.О.Цедербаум, *Апрельский* — В.Ф.Квевинский; *Н.Вековой* — Н.Х.Козловский; *Иван Весенев* — С.Д.Хвошинская; *Вечерний* — М.В.Митешев, 4; *Вешний* — П.Лямин; *Алексей Вешний* — Н.И.Голубовская; *Зимний* — А.М.Герсон; *Летнев* — А.А. и П.А.Лачиновы; *И.Майский* — И.М.Ляховецкий; *М.Декабрь*, *М.Февраль*, *М.Январь* — автор не установлен;

— цветовая палитра: *Алая* — К.Ольховская; *Н.Алеева* — Н.И.Утина; *В.Алов* — Н.В.Гоголь, 5; *Э.Багрицкий* — Э.Г.Дзюбин; *Багров* — Б.А.Грифцов; *А.Багрянский* — А.Г.де-Монклар; *Ник.Багрянцев* — Н.С.Тихонов; *Багряный* — С.И.Бейнарович; *С.Белая* — С.Н.Богдановская; *А.Белый* — Б.Н.Бугаев, 3; *С.Белых* — И.С.Бачалдин; *А.Бельская* — А.Н.Энгельгардт; *Красный* — Е.И.Вашков, 6; *Г.Я.Красных* — Г.Я.Адмони; *Лазоревый* — П.Н.Полилов; *Лазурин* — С.Бортниченко; *Акакий Оранжевый* — К.М.Фофанов; *Серый* — В.В.Бажанов, 2; *А.Серый* — А.Я.Озерский, 5; *Ив.Серых* — С.П.Швецов; *Андрей Червонный* — В.З.Шумяцкий; *Чернов* — А.Г.Гуревич, 2; *А.Чернов* — Н.Д.Ахшарумов; *Черный* — Ф.В.Волховский, 5; *Саша Черный* — А.М.Гликберг и др.;

— камни, металлы: *Адамант* — В.М.Сироткин; *Б.Алмазов* — Б.С.Моняк, 7; *А.П.Алмазов* — А.П.Вершинин; *Гранитов* — Н.В.Туркин; *Кремень* — П.Е.Васильковский; *Никель Серебровский* — Н.С.Токарев; *Смарагд Бриллиантов* — П.М.Ковальский; *Созонт Смарагдов* — А.М.Герсон; *Н.Янтарева*, *Ник.Янтарский* — Н.Д.Берштейн и т.п.;

— растительность и части растений: *Алоэ* — А.др Чехов; *К.Береза* — М.А.Ганицкий; *Гиацинт* — И.К.Антокольский; *Горицвет* — В.И.Корехин, 2; *Груздь* — Е.Еленин; *Ивушка-Калинушка* — И.С.Самойлов; *Ирис* — М.П.Чехов, 2; *Ирисов* — И.П.Скворцов, 2; *Кактус* — П.К.Мартьянов; *Антон Калина* — И.И.Садофьев; *Каштан* — А.В.Розенкранц; *Семен Клубень* — С.Евгенов; *Мимоза* — И.В.Лотарев, 4; *Незабудка* — Н.Г.Вучетич; *Роза* — И.Ф.Морозов; *Гиацинт Тюльпанов* — Ф.Б.Миллер; *Наркиз Тюль-*

панов — В.С.Соловьев; Аркадий Фиалкин — И.Н.Потапенко и П.А.Сергиенко; *Н.Хризантемов* — И.Радонежский; *Цитрон* — Я.К.Завалов; *Л.Черемухин* — Л.М.Корхов; *Николай Черешнев* — Н.Ф.Новиков; *Амедей Чертополохов* — П.В.Быков; *Щавель* — И.А.Майоров; *А.Веткин* — С.Копейко; *Сучок* — В.А.Попов; *Шишка* — В.А.Гарлицкий;

— фауна и части тела животных: *Аист* — С.Я.Уколов; *Акула* — С.Я.Уколов; *Альбатрос* — В.В.Панфилов; *Барс* — П.П.Бунаков, 2; *Бегемот* — А.Н.Емельянов; *Бекас* — М.С.Николаев; *Божья коровка* — И.А.Майоров; *Букашка* — П.П.Гнедич; *Гусь* — Г.Н.Жулев; *Дрозд* — А.Я.Конисский, 2; *Дятел* — Д.И.Гликман, 4; *Еж* — Н.С.Куколевский, 2; *Жаворонок* — А.И.Коноров; *Жук* — А.М.Пазухин, 4; *Журавель* — А.Я.Конисский; *Заяц* — А.П.Бурд; *Какаду* — В.А.Мазуркевич; *Карась* — Я.Борисов; *Колибри* — Н.А.Лухманова, 2; *Комар* — А.Н.Бунаков, 9; *Ф.Крокодилов* — Ф.Сегал; *Медведь* — В.И.Илин; *Мотыльков* — С.Д.Пономарева; *Сколопендра* — Н.Лапин; *Евгений Сокол* — Е.А.Фальк; *Скорпион* — Ф.М.Дан, 6; *Ефим Скорпионов* — Н.С.Курочкин; *Сом* — С.А.Бергман; *Старый ворон* — В.С.Лихачев; *Тарантул* — И.Ф.Василевский; *Акакий Тарантулов* — А.П.Чехов; *Тигренок* — С.В.Потресов; *Тритон* — Ф.Ф.Благов; *Уж* — В.С.Лихачев, 3; *Утка* — Н.А.Лейкин; *Утконос* — К.А.Михайлов; *Филин* — Ф.С.Шкулев, 2; *Хомяк* — Г.Д.Деев; *Цеце* — П.П.Неклюков; *Чайка* — М.Белокопытова, 5; *Черный кот* — П.И.Кичеев, 2; *Чибис* — А.Н.Максимов; *Иван Чижик* — А.М.Гликберг; *Шмель* — А.Н.Вакуловский, 5; *Ф.Шмель* — Ф.С.Шкулев; *Щука* — Е.Д.Жигмановский, 2; *Щуренок* — А.В.Журавский; *Жало* — В.А.Гарлицкий, 5; *Красное Жало* — В.А.Вакс; *Коготок* — А.П.Строев; *Коготь* — Л.Г.Чемисов; *Кокончик* — Н.И.Красовский; *Клюв Дятлович* — Е.Э.Сно; *Рачье Ухо* — Н.Ю.Верховский; *Северный клык* — Н.Алексеев; *Шестилапкин* — В.В.Шиловский;

— звучание: *Гул* — К.А.Михайлов; *Ив.Звуков* — И.И.Кланг; *Квак* — А.А.Вейнберг; *Ко-ко-ко!!!* — Н.П.Тютчев; *Хлоп-хлоп* — С.А.Вергман; *Эхо* — Н.С.Броунд, 6;

— расстояние: *Далекий* — А.В.Сигорский; *И.Далекий* — И.А.Новиков, 3; *Дальний* — Г.В.Добржинский, 4; *Гр.Дальний* — Г.Г.Калашников, 12.

Псевдонимные «ландшафтная» и «ориентирующая» модели перекликаются с прозвищной моделью «человек по месту жительства» (псевдонимы *Лесной*, *Степной*, *Павел Таежный*), но большинство перечисленных в номинациях реалий отдалено от адресных координат, существенных для XIX и XX столетий. Основой номинативного решения выступает ассоциативный комплекс, который не соотносим с «буквальным прочтением исходного для отображения фрагмента действительности» (РЧФЯ, с.191). Пространственная реляция не работает на характеристику паспортного типа, но выполняет синэстетическую функцию и

потенциально готова к возбуждению ассоциативного аккорда, среди интервалов которого есть созвучия комплексу авторского самоощущения. Почти не используется «природная» лексика для прямых портретных описаний (редкий вариант *Акакий Оранжевый* — версия, обыгрывающая претенциозную замену *Рыжий* на «деликатный» цветовой синоним).

Природнометрическое название привлекается для отображения переживаний, при которых человеческая индивидуальность осознается в единстве с природными значимостями. Она погружается в символику природного мира, освоенного человеком, для того чтобы заявить о своей неординарности, подчеркнуть пристрастность мироотношения либо подсказать эмоциональное настроение. Называющему важна положительная оценка изобразительно-выразительной пластики именной формы, но эстетический эффект достигается не самим образом *a'nature* — как таковой образ всего лишь факт объективного опыта, — а приложением образа к творческому субъекту и возбуждением ассоциаций с творчеством. Фрейм творчества направляет развертывание ассоциаций, связывающих денотат с внутренней формой, и одновременно настраивает восприятие на шкалу эстетических оценок.

Смыслы, которыми насыщаются природнометрические псевдонимы, чаще всего неявные, потаенные, «мерцающие», они относятся к константам переживания духовного созидания и становятся заметнее при рассмотрении тематических именных блоков и вычленении сквозных компонентов семантики. Так, ландшафтная модель использует обозначения пространств, покрытых растительностью, — «дубрава», «лес», «тайга», протяженных реалий ландшафта — «долина», «степь», «поле»; положительных форм рельефа — «гора», «вулкан»; крупных водных объектов — «море», «озеро». Сквозные семы «размах», «размах и движение» (ср.: псевдонимы *Вулкан, Морской, Прибой, Степной*).

С размахом, масштабностью, протяженностью соотносятся также общеориентирующие апеллятивы — «север», «юг», «восток». Движение разной степени интенсивности передают метеорологические названия — «буря», «ветер», «вьюга» (*Борей, Буревой, Ветрило, Вьюгов, Зюйд-Вест*). Культурно-ценностное значение этой семантики для творческого переживания подтверждают художественные тексты. См., например, у О.Мандельштама:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Обращает на себя внимание сквозная для тематических групп сема «влажности» — «море», «озеро», «криница», «снег», «туман» (*Морской, Озерный, Снегова, Туманный*) при очевид-

ном отсутствии тематики природной засухи. Сухость, иссушение традиционно ассоциируется с представлениями о творческом кризисе, застое, скованности или упадке сил (см. начало пушкинского «Пророка»: «Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влячился...»). Напротив, влага как насыщающая животворящая сила ассоциативно приближена к ощущению способности и потребности в творческом самовыражении¹.

Для минералогической модели актуальными оказываются сквозные семы «сияние» (*Адамант, Смарагд, Янтарский*) и «твердость» (*Алмазов, Гранит, Кремень*). Сема «сияния» вместе с семой «свечение» актуализируются в цветовых и световых обозначениях. Среди них присутствуют явные противопоставления — «белый/черный», «свет/сумерки», «восход/закат», но преобладают названия светящихся предметов, самого света, светлых тонов и цветов природного свечения, горения — «звезда», «метеор», «солнце», «огонь», «искра», «белый», «красный», «багряный» (псевдонимы *Белый, Красный*², *Алеева, Звездин, Метеор, Солнцев, Искра*). С цветовой палитрой согласуются названия неба, окрашенного в яркие тона, — закат, заря, зарница, восход (*Восходов, Закатов, Заревой, Зарницын, Зарянский*).

Если в вербальной трактовке земных образов проступают семы «размаха», «масштабности», то выбор цвето-световой палитры склоняется в сторону «небесности», «свечения», «горения». Вне банальной связи с оценкой личного таланта образность неба, огня и света проецируется на архетипы осмысления активного творческого начала в языческой и христианской культуре — свет божественного, небесного озарения или очищающего пламени, несущего свет и тепло.

В темпоральной модели протяженные циклы (*Век, Вековой*) смыкаются с календарными (*Декабрь, Февраль, Январь*), но, учитывая, что названия последних использованы для журнальных псевдонимов, можно предполагать в этом случае проявление собственного журналистике стремления к документальной точности. Псевдонимы *Апрельский, Майский, Зимний, Вечерний* ассоциируются скорее с размытыми пейзажными зарисовками и некоторыми эмоциональными состояниями. Темпоральная модель, хотя и содержит определенный потенциал для вербальной прописки образа автора, разрабатывается слабо, возможно, из-за

---

¹ Тестовые подтверждения тому весьма многочисленны, приведем лишь некоторые:

«Я вISHу на пере у творца / Крупной каплей лилового лоска» (Б.Пастернак); «Войду ли я под свод преображенный, / Твоей рукою в небо превращенный, / Что остудился мой постылый жар?.. / Там стану я блаженным навеки, / И, раскаленные смежая веки, / Там снова обрету я слезный дар» (А.Ахматова).

² Пока не оговаривается идеологическая символика красного цвета, поскольку это цветообозначение появилось еще в псевдонимах дореволюционной поры.

сложного отношения художника во времени — порой небрежного, порой суеверного, иногда чуть выше и «над», как бы забегаая вперед¹.

Фито-модель включает наименования растений, садовых или выращенных в оранжерейных условиях (*Ирис, Мимоза, Тюльпан, Хризантема*); огородных (*Огурец, Клубень*); колючих, жалящих (*Кактус, Каштан, Крапива*); кислых, горьких (*Алоэ, Щавель*); растений, традиционных для национального русского пейзажа, (*Береза, Калина, Ивушка-Калинушка*). Сквозные семы — «изысканный», «прекрасный», «острый», «раздражающий», «типичный» (русский). Образные смыслы, как правило, связываются с авторской позицией или творческим кредо.

Зоо-модель наиболее структурирована, очевидно, из-за ее разработанности в апеллативной и прозвищной номинации. Спектр образных значений пространен: маленький, кроткий (*Бекас, Божья коровка, Букашка, Колибри, Мотылек*); небольшой, но ядовитый, кусающий, жалящий (*Клещ, Комар, Сколопендра, Скорпион, Цеце, Шмель*); опасный хищник (*Акула, Барс, Беркут, Волк, Крокодил, Тигренок, Щука*); певчий, говорящий (*Дрозд, Жаворонок, Какаду, Чибис, Чижик*); крупный, с широким размахом крыльев (*Аист, Альбатрос, Журавель*); живущий в воде, тине, болоте (*Карась, Тритон, Сом, Уж*); крупный, неповоротливый, возможно, опасный (*Бегемот, Медведь, Сом*); подвижный, ловкий, неагрессивный (*Зяц, Шимпанзе*); заурядный, домашний (*Гусь, Клуша, Утка*); экзотический (*Колибри, Утконос*). Образно-ассоциативные отсылки ведут к фигуре автора, характеризуемого по творческой позиции или, возможно, по некоторым личностным свойствам. Впрочем, условность образа предостерегает от трюизмов, и сквозные семы позволяют представить обобщенную характеристику творческого субъекта, для которой оказываются значимыми противопоставления: «мобильность—инертность», «агрессивность—неагрессивность», «полетность—приземленность», «звучание—беззвучие», «экзотичность—заурядность».

Итак, природнометрические модели отстранены от изображения человека утилитарного и продуцируют ассоциации, связанные с переживанием творческой деятельности и самосознанием творческого Я. При выявлении сквозных семантических компонентов вырисовываются опорные смыслы, в которых развертывается тематика творчества, это: размах — движение — свечение — влага — надземность — полетность — звучание. Центральные смыслоносные образы: небо — влага — огонь — живое на земле.

---

¹ Ср.: «Твоя стезя, гривастая, кривая, не предугадана календарем» (М. Цветаева); «Ты вечности заложник у времени в плену» (Б. Пастернак).

Перечисленные смысловые проекции эстетически-tonированы и сопровождаются положительной оценкой. Но в отталкивании от позитивной квалификации рождается условное отрицательное аксиологическое суждение, также рассчитанное на художественный эффект. Придумывая специально нелепое или претенциозное имя, номинатор заведомо характеризует автора как персонаж с качествами, достойными осмеяния, ср.: *Огурец, Гораций Ч.Брюква, Гиацинт Тюльпанов, Смарагд Бриллиантов*. И на грани между иронией и шуткой над читателем в положительной эстетической тональности (имя — трюк) выдержаны псевдонимы, мало похожие на обычные антропонимические обозначения: *Квак, Ко-ко-ко, Хлоп-Хлоп*.

Антропометрическая тактика актуализирует вербальные характеристики биофизиологических и психических свойств человека. Ядерную позицию в этом разряде занимают Homo-типизаторы: *Человек* — А.П.Плетнев, *Homo sapiens* — З.Нимцович, *Homo* — В.Г.Авсеев, 10; *Homo sapiens* — М.А.Филиппов, которым противопоставлены многочисленные различители. Используются, например, указания на пол: *Дама* — Е.Щеглова; *Девушка* — Б.А.Маркович; *Девушка А.* — А.С.Голицына; *Девушка А.Ш.* — А.Шарон, 7; *Девушка Камская* — Е.А.Словцова; *Девушка Эсбе* — С.П.Бурнашева; *Девушка В-чи-ва* — Васильковичева;

— возраст: *Аксакал* — В.А.Обручев; *Ветеран* — Н.П.Кичев, 2; *Л.Ветеранов* — Н.Н.Накоряков; *Ворчун-Старик* — М.С.Александров; *Молодой человек* — М.Е.Салтыков-Щедрин; *Старый* — М.С.Кауфман, 5; *Виктор Ювенис* — В.В.Билибин; *Юный Джон* — Г.О.Гузнер и т.п.;

— внешность: *Белый брюнет* — К.А.Михайлов; *Е., Емеля Бледный* — М.В.Ляпичев; *А.Большой* — А.П.Греков; *Бритый* — И.М.Герсон; *Высокий* — Д.Н.Корнатовский; *И.Гладкобритов* — А.М.Герсон; *Гомункул* — М.С.Варшавский; *М.Зеленоглазый* — И.А.Новиков; *Карапуз, Карапузик* — А.А.Бирштедт; *Крепыш* — С.Орлов; *Кудлатый* — В.А.Гарлицкий; *Володя Маленький* — В.А.Брендер; *Румяный Джо* — В.В.Князев; *Фока Рыжий* — Н.И.Храмцовский; *Рыжик* — Н.П.Кулаков; *Седой* — Н.М.Друскин, 4; *А.Седой* — Ал-др Чехов; *Смуглый* — Б.И.Валин; *Сухопарый* — М.С.Максимовский; *А.Чернооков* — А.И.Свирский; *Чубатый* — В.С.Калишевский; *Чумазый* — В.А.Воробей и др.;

— части тела и свойства, производные от физиологической деятельности: *Борода* — А.А.Соколов; *Иван Бородавкин* — Н.А.Некрасов; *Веко* — В.Я.Кричевский; *Голос* — А.Н.Гурьев; *Жгучий глаз* — В.В.Билибин; *Зоркий глаз* — Ю.М.Слуцкий; *Евдокия Зуб* — Д.Л.Мордовцев, 3; *Зубок* — А.С.Скобелев; *Недреманное око* — И.С.Беляев; *Око* — Н.И.Гопуз, 3; *Пыльная борода* — М.К.Савин; *Ребро* — К.А.Михайлов; *Рыжая Борода* — М.А.Козырев; *Тембр* — Л.Г.Чемисов;

— физиологические достоинства и изъяны: *Безрукий*, *Ф. Безрукий* — *Ф.С. Шкулев*; *Безрукий инвалид* — *И.Н. Скобелев*; *Семен Болящий* — *С.В. Черепанов*; *Зоркий* — *А.И. Зеленковский*; *М. Зоркий* — *М.С. Мунни*; *Зрячий* — *И.Н. Герсон*, 5; *Зрячий Человек* — *С.А. Сафонов*; *Инвалид* — *В.А. Ушаков*; *Невральгин* — *Э. Коссовский*; *Слепая Доманя* — *Д.А. Анисимова*; *Слепой* — *Н.М. Шатров*; *Стоглаз* — *Н.П. Вишняков*; *Человек без селезенки* — *А.П. Чехов*; *Человек без прямой кишки* — *Ф.Ф. Благов*;

— интеллект, знания, опыт, способности: *Безталанный* — *М.И. Орешников*; *Безумный* — *И.В. Селиванов*; *Бывалый* — *А.П. Башупцкий*, 7; *Бывалый человек* — *В.Е. Варзар*; *Востроумов* — *А.М. Герсон*; *Вострый* — *М.С. Хаханов*; *Всезнайка* — *А.П. Высота*, 2; *Всезнающий и вездесущий* — *Н.И. Пастухов*; *Вундеркинд* — *Л. Северин*; *Дебютант* — *А.Р. Кугель*, 4; *Дилетант* — *М.Я. Бровкина*, 12; *Иван Иванов Здравомысленский* — *А.М. Герсон*; *Знающий* — *Н.Н. Писаревский*; *Интеллигент из народа* — *А.С. Бланк*; *Любомудров из Ярославля* — имп. Екатерина II; *Мудрый* — *В.К. Анфилов*; *Антон Неграмотный* — *А.М. Галай*; *Недоотыкомка* — *М.Я. Пустынин*; *Недоумко* — *Л.П. Блюммер*; *Недоумок* — *В.А. Зайцев*; *Профан* — *В.В. Воровский*, 4; *Пустой человек* — *М.В. Авдеев*; *Самобытник* — *А.И. Маширов*; *Скороспелов* — *Ф.А. Васильев*; *Темный* — *П.Я. Конырев*; *А. Темный* — *М.П. Сокольников*; *Павел Умов* — *П.П. Вейнберг*;

— характер, темперамент, настроение: *Безстрашный* — *А.В. Смирнов*; *Благодушный* — *А.П. Лукин*; *Вдолгунеостающенский* — *Г.А. Лишин*; *Всетаки оптимист* — *В.Е. Чешихин*; *Всех-Давиш* — *Г.Я. Розенблат*; *Вспылчивый человек* — *А.П. Чехов*; *Иван Гордый* — *И.И. Власов*; *Ив. Грустный* — *Г.Г. Эккерт*, 2; *Добродушный* — *А.Д. Курепин*; *М. Добродушный* — *Д.А. Мансфельд*, 2; *Христофор Добросердов* — *М. Комаров*; *Добрый* — *В.А. Дьяченко*, 3; *Роман Добрый* — *Р.Л. Антропов*, 2; *Добрый циник* — *А.Н. Цеханович*; *Ермил Дотошный* — *П.П. Тихонравов*; *Дружелюбов* — *А.О. Аблесимов*; *Егоза* — *В.Д. Сушков*; *Егор Забиякин* — *А.Ф. Мейснер*; *Артем Задира* — *В.И. Зеленский*, 2; *Виктор Злобный* — *В. Дмитриев*; *Злодей* — *В.М. Дорошевич*; *Злой добряк* — *Ф.С. Шкулев*; *Зубоскал* — *В.Д. Коровин*, 4; *Эмиль Кроткий* — *Э.Я. Герман*; *Любопытный* — *А.Н. Баженов*, 3; *Меланхолик* — *А.Б. Дерман*, 7; *Н. Напорнов* — *В.Н. Кондрацкий*; *А. Невеселый* — *Н.И. Кочкуров*; *Невыносимый* — *С.И. Танеев*; *В. Незамай* — *В.И. Асоченский*; *Иван Незевайкин* — *И.К. Кондратьев*; *Нелюдим* — *А.Н. Соловьев*; *Неспускалов* — *С. Башилив*; *Оптимист* — *О.Н. Михайлова*, 4; *Пересмешник* — *А.Н. Будищев*; *М. Печалин* — *К.Н. Боженко*; *Рьянов*, *К. Рьяный* — *Д.В. Аверкиев*; *Сангвиник* — *В.А. Антонов*; *Макар Свирепый* — *Н.М. Олейников*; *Сердитый* — *Г.В. Поздняков*; *Андрей Скорбный* — *В.В. Смиренский*; *Скорбящий* — *Д.П. Варлыгин*; *Скромненко* — *А.А. Картамышев*; *Скромный* — *И.С. Соколов*, 3; *Спокойный* — *Д.А. Иваненко*; *Справедливый* — *А.Г. Егоров*;

Старый оптимист — Н.В.Казанцев; *Старый романтик* — П.П.Иванов; *Старый энтузиаст* — А.Л.Флексер; *Тихий* — В.А.Смирнов, 2; *А.Тихий* — А.Быстров; *Тарах Толерансов* — В.С.Курочкин; *Угрюмый* — К.А.Анненков; *П.Удалой* — П.Д.Ленченко; *Иван Унылый* — И.К.Гальдебек; *Усталая* — С.А.Толстая; *Хитрец* — С.А.Патараки; *Чудак* — М.П.Драгоманов; *Чистосерд Дружелюбов* — А.Ф.Лабзин; *Шимоза* — Б.А.Катловкер; *Шаловливый Властик* — В.М.Дорошевич; *Шкода* — Я.А.Конисский; *Шутник* — М.Г.Ярон, 2; *Шустрый Никола* — М.А.Герсон; *Ядовитый* — С.И.Танеев и др.

Обращаясь при назывании к описанию антропологических свойств, номинатор отбирает приметы, актуальные для автопрезентации и коммуникативного взаимодействия, и важными оказываются не индивидуальные черты внешности или характера, сколько «действительность, втянутая в духовное освоение» (Закс 1990, с. 191). Так, номо-типизаторы отнюдь не утверждают примат человеческого в противопоставлении его природному — гиперонимическая семантика слова «человек», прилагаемого к конкретному говорящему субъекту, актуализирует смысл предельно обобщенной гуманистической позиции и гуманистического взгляда на мир. Ощущение внутренней свободы, сопряженное с такой позицией, распространяется и на объект называния: *Ното сум* — М.А.Филиппов (ср.: *Ното sum, humani nihil a me alienum puto.* — «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»).

Весьма любопытна разработка тематики пола, поскольку семы биотического различия мужчины и женщины заложены в семантической структуре антропонима и «проговаривание» их в специальных лексических единицах может свидетельствовать о «не нейтральности» отношения называющего¹. Учитывая, что в псевдонимах лексически подчеркивается именно женская субъектность, позволим себе предположить, что квазиименование отражает некоторые нормы общественной жизни и социального сознания, согласно которым серьезная творческая деятельность традиционно связывается с образом мужчины. «Как известно, авторами почти всех дошедших до нас письменных памятников прошлого были мужчи-

---

¹ Здесь не имеются в виду версии ложного грамматического оформления (Е.Шавров < Елена Шаврова), но как таковые лексические замены обусловлены сходными причинами — не обнаруживать присутствия женского начала в творческой работе. Справедливости ради нужно сказать, что женщины чаще всего серьезны, выбирая в псевдонимах мужские имена (Александров — Н.А.Дурова, Евгений Лунский — А.И.Бибилова, Алексей Меньшов — П.Соловьева, Лео Ринус — Лариса Рейснер), зато номинаторы-мужчины женские имена охотно используют для шаржирования: Агафья Хрипучина, Василиса Топтоногова, Акилина Трещеткина, Алимпиада Сердцерадова.

ны. Женщина если и фигурирует там, то либо как лицо страдательное, либо как возвысившаяся при исключительных обстоятельствах «героиня», стремящаяся к тому же уподобиться в своих деяниях мужчине» (Бессмертный 1994, с. 245—246). В свете социальных и культурных нормативов не случайны и сложившиеся определения типа женская поэзия и женская проза, нередко приобретающие при употреблении ироничную окраску, за ними угадывается — слабая, легковесная, идейно и тематически ограниченная. В таком контексте манифестация женского образа в псевдониме согласуется с принятием определенной позиции и определенного видения; при возможном выражении аксиологического отношения к образу — иронического (*Девушка Роза Скромнонравова* — Р.Е.Бах) или почтительного (*Русская женщина* — Н.П.Грот) — это всегда сигнал того, что явленное в тексте миропонимание специфично и принадлежит женщине.

Заведомая установка на общение с собеседником нацеливает называющего на поиск примет, которые сделали бы узнаваемым его облик. Приоритетными принципами прорисовки становятся общие силуэтные характеристики (*Высокий, Маленький, Сухопарый, Крепыш*); изображение головы и лица (*Бледный, Смуглый, Румяный, Чумазый, Бритый, Бородатый, Зеленоглазый, Черноокий, Рыжий, Седой, Кудрявый, Чубатый*). По сравнению с прозвищами, которые в подробностях описывают внешний вид человека (это подтверждают и фамилии отпрозвищного происхождения: Горлов, Губов, Животов, Жилин, Кадыков, Лодыгин, Локтев, Лыткин, Ногин, Пальцев, Печенкин, Перстов, Утробин, Ухов, Черепов, Шеин, Щекин и т.п.), псевдонимы выборочно используют арсенал портретной характеристики, избегая тривиальной «физиологичности» и превращая портретную деталь в индекс обобщенного образа. Вместе с тем не исключается и путь тропеизации, например художественная типизация (*Емеля Бледный*) или парадоксальное сближение (*Белый брюнет*).

Лексические мотиваторы в диспозитивной модели «части тела человека и производные от физиологической деятельности» в основном активизируют представления о видении, говорении, кусании (*Голос, Зоркий глаз, Зуб, Недреманное око*) и применяются с тем, чтобы подчеркнуть активную жизненную позицию субъектов. Интересно развитие тематики здоровье/нездоровье. Здесь проступает различие «народного» и «ученого» отношения к ущербности: сочувствие к физиологической ущербности субъекта духовной деятельности в народной культуре (так интонировались псевдонимы *Болящий, Слепая Доманя*), контрастирует с иронической трактовкой в культуре «ученой» (ср.: *Невральный, Человек без селезенки, Человек без прямой кишки*). Нельзя, правда, не заметить, что в силу компактности материала оппозиция представлена в неявном виде: скорее только намечена, нежели полностью реализована.

Более важными для творческого именования оказываются психические свойства человека — способность мыслить, проявлять волю, воображение, эмоции. Объективно данное человеку природой и, несомненно, накладывающее отпечаток на работу сознания в переживании и осмыслении действительности соединяется с теми установками, которые исходят от духовной структуры личности — таким образом, субъективное реагирование двуосновно, двупланово и в цельности может рассматриваться как производное от сверхситуативной программы переживания себя в мире и себя в отношении к миру. Но комплексная программа личности действует при неизменном влиянии внешних факторов, и нацеленность на коммуникацию заставляет называющего подвергать оценке целесообразность фиксации в именном знаке тех или иных состояний, реакций, настроений, то есть стыкует эгоцентрическую сосредоточенность с проекцией на ценностные ориентиры специального взаимодействия.

Вступая в контакт с аудиторией, называющие подчеркивают свой опыт, свои знания, осведомленность в предмете и теме разговора — в их обозначении прямые характеристики перекрещиваются с косвенными, возрастными указаниями: *Дилетант, Профан, Неграмотный, Темный, Знающий, Мудрый; Дебютант, Юный, Бывалый, Ветеран, Стреляный воробей; Недоумок, Вундеркинд*. Семантические компоненты «незнание» или «неопытность» работают, очевидно, на самооправдание, предупреждая возможные упреки в поверхностном изложении.

Отмечаются доминанты личностной позиции в восприятии: *Сангвиник, Меланхолик, Энтузиаст, Романтик, Скептик*; выражается признание/непризнание нравственных и этических норм: *Аферист, Беспутный, Благонравов, Грешник, Верноподанный, Скромный*.

Описывается самочувствование как устойчивое настроение от взаимодействия с миром: *Веселый, Беспечальный, Грустный, Невеселый, Печальный, Унылый, Угрюмый*. Заметное преобладание меланхолической, печальной тональности объясняется, очевидно, типичным для художника ощущением разлада с реальной жизнью.

Характеризуются и другие свойства, проявляющиеся в общении, поведении человека: *Тихонравов, Любопытный, Удалой, Егоза, Шаловливый, Шкода; Благодушный, Добрый, Добродушный, Кроткий, Добросердов, Вдолгунеостающенский, Воинственный, Забияка, Задира, Незамай, Свирепый, Злодей*. Как и в природнометрических дескрипциях, при описании творческой позиции и внутреннего мира человека актуализируются сквозные семы «инертность/подвижность», «неагрессивность/агрессивность».

Тактика **социометрического названия** соотносит имена со сферой социальной действительности: с предметами, явлениями, отношениями, бытующими в общественной жизнедеятельности.

Тематический спектр этого номинативного направления наиболее пространен, а центральной, интегральной по своей семантике и напрямую связанной с функциональной нагрузкой псевдонима будет тема человека творящего, ср.: *Авторы* — В.И.Ленин, *В.Творцов* — В.И.Лебедев. В опоре на эту деятельностьную характеристику выстраиваются дифференцирующие дескрипции.

Отнесенность к месту, с которым условно или реально связано творчество:

общее противопоставление «свой-чужой», «местный-приезжий»: *Абориген* — А.Е.Зарин, 4; *Заезжий* — В.М.Михайлов, 2; *Заезжий человек* — К.А.Попов; *Залетный* — Г.Ф.Устинов, 2; *Здесьшний* — А.В. Смирнов, 2; *Земляк* — П.Л.Гольденев, 9; *Иноземец* — С.А.Мусин-Пушкин; *Петр Иностранец* — П.В.Быков; *Чужак* — В.А.Поссе, 3; *Чужбинский* — А.С.Афанасьев; *Чужестранец* — В.Девисон, 3; *Чужестранцев* — А.А.Петров; *Чужой* — Д.М.Аранович, 17;

— «городской — сельский»: *Городской* — К.В.Хряпин; *Городжанин* — Н.М.Волковеский, 3; *Деревенец* — С.М.Пономарев; *Деревенский* — Н.М.Кулагин, 3; *Иван Деревенский* — М.Д.Артамонов, 2; *М.Деревенщиков* — М.А.Круковский; *Деревенский житель* — Н.П.Грот, 4; *Провинциал* — К.Н.Бестужев-Рюмин, 10; *Сельский* — В.Сысоев; *Сельский житель* — Д.И.Воейков, 5; *Столичный* — Л.Н.Клейнборт; *О.Я.Хуторный* — А.Я.Конисский; *В.Хуторской* — В.Н.Докукин; *Хуторянин* — Ф.М.Комаров, 6 и др.;

— топонимические привязки: *Азовский казак* — В.Д.Палеолог; *А.Алтаев* — М.Ямщикова; *И.Амурский* — И.Е.Вшивов, 4; *А.Ангарский* — А.А.Карпинский, 5; *В.Байкалов* — В.А.Плесков, 4; *Юр.Байкальский* — Г.И.Лебедев; *Барнаулец* — М.В.Троицкий; *Волгарь* — А.Г.Зверев, 3; *Волгин* — Н.А.Добролюбов, 3; *Волжанин* — М.Я.Бахрах, 3; *Волжский* — А.А.Богданов, 9; *Вологжанин* — П.В.Засодимский, 3; *Вологодский* — С.Марков; *Волоколамский* — Е.Э.Сно; *Воронежец* — А.Н.Васильев; *Вятч* — М.П.Бородин, 2; *А.Даурский* — А.И.Попов, 2; *Днепров* — А.Е.Алеев, 2; *Житель г.Тамбова* — С.Н.Терпигорев; *Д.Заамурский* — Д.Я.Морозов; *Забайкалец* — И.И.Попов, 2; *Заднепровский* — А.Н.Александровский; *Закавказский* — К.Д.Давыдов; *Замоскворецкий* — Н.А.Кузнецов; *Замоскворецкий житель* — А.П.Емельянов, 2; *Як.Заполярный* — Я.М.Белый; *Иерусалимский Старожил* — А.Капустин; *Иркутянин* — И.И.Попов; *Петербургский старожил* — В.П.Бурнашев; *Полтавец* — С.В.Бородаевский, 2 и др.;

— культурно-национальные, этнические, расовые признаки: *Азиат* — Л.И.Бородовский, 3; *Американец* — М.М.Владимиров; *Ариец* — Д.Я.Козловский; *Белорус* — .П.П.Демидович, 2; *Белоруссов* — А.С.Белевский; *Болгарин* — С.С.Бобчев; *Брат славянин* — Г.С.Петров; *Грек* — В.В.Билибин, 2; *Юрий Грек* —

Г.Э.Харлампиди; *Грузинский* — А.С.Лазарев, 2; *Еврей* — Б.Ф.Брандт, 2; *Еврейка* — Л.М.Розенфельд; *Кабардинец* — Е.З.Баранов, 2; *Камчадал* — И.В.Федоров; *А.Киргизов* — А.В.Большаков; *Польский товарищ* — Ф.Д.Канелюш; *И.Поляк* — И.Щербаков; *Помор* — Г.Я.Виллиам; *Россиянин* — А.Т.Болотов, 4; *Россиянка* — Е.Р.Дашкова; *В.Русич* — В.И.Хваленский; *Русский* — И.П.Ануфриев, 33; *Русский человек* — Н.М.Павлов; *Самоед* — А.А.Быков; *Сармат* — Н.Н.Балабуха, 2; *Скиф* — Ю.Г.Жуковский, 8; *Славянин* — С.С.Бобчев; *Узбек* — В.И.Звегинцев, 2; *Украинец* — В.А.Гиляровский, 7; *А.Украинка* — А.И.Бабина; *Финн* — А.К.Гермониус; *Цыган* — В.Н.Свидерский, 2; *Чалдон* — Н.М.Киселев, 2; *Чех* — В.Г.Виталина и др.;

— иноязычные имена: *Амир Саргиджан* — С.Бородин (для книг «Победители» и «Последняя Бухара», опубликованных в 1931—1932 гг. и посвященных жизни народов среднеазиатских республик); *Дензиль Эллиот* — Н.Г.Чернышевский (по собственному признанию, избрал такой псевдоним, «дабы его приняли за однофамильца или родственника милого, чуждого всяких мудреных мыслей английского романиста» — Дмитриев 1977, с.180); *Джим Доллар* — М.Шагинян (для романа «Месс-Менд»); *Джон Браунинг* — С.Б.Любошиц; *Джонсон* — И.В.Иванов; *Пьер Дюмель* — С.С.Заяицкий (роман «Красавица с острова Люлю»); *Поль Жослен* — И.Эренбург (корреспонденции из Парижа); *Леонард Коррис* — Л.Корец (роман «Правь, Британия!»); *Изафети*, *Маклуб*, *Мурза Мелик*, *Галсан Гомбоев*, *Хаджа Мухаммед-Салих Бабаджанов*, *Султан Мендали* — востоковед В.В.Григорьев (статьи о Средней Азии в газетах и в «Известиях» археологического общества); *Сафи*, *Суфи* — П.Павленко (статьи о Сирии, Египте, Марокко и Турции в «Известиях» и «Заре Востока»); *Панаоти-Каракатопуло* — П.И.Вейнберг; *Раис Уилки Ли* — Б.В.Липатов; *Вилли Райт* — Н.Лапин; *Смит* — М.Фалькнер; *В.Смок* — В.Н.Климова; *Шайэль-бен-Эйсеф* — С.Войтинский; *Шах-Эддин* — О.Д.Форис; *Шах-Эль-Абер* — В.П.Коломнин.

Родственные связи и отношения:

указания родства: *Ю.Безродная* — Ю.И.Яковлева; *Безродный* — Н.А.Попов, 2; *В.Бобыль* — В.Я.Дряхлев, 3; *С.Одинокый* — С.А.Бердяев; *Сирота* — И.Ф.Колосов; *В.Батько* — В.А.Анзимиров; *Брат* — П.А.Устимович; *Брат моего брата* — А.П.Чехов; *Брат своего брата* — Н.М.Пазухин; *Братцев* — Г.А.Полисадов; *Внук своего деда* — А.А.Коринфский; *Дед* — П.Я.Смирнов, 5; *Дедушка* — Н.И.Пастухов; *Кум* — А.В.Арсеньев; *Сам Дедушка* — А.А.Федоров; *Сын своего отца* — А.В.Смирнов; *Сын своей матери* — В.М.Дорошевич и др.;

— имена и фамилии родных, близких, знакомых: *Анютин* — А.В.Луначарский (по имени первой жены); *В.Ленин* — В.И.Сытин (по имени дочери); *Катя* — Н.К.Крупская (в честь умершей подруги Е.Дьяконовой); *А.Н.Толиверова* — А.Н.Якоби (имена

детей — Толя и Вера); *А.Ахматова* — А.А.Горенко (по фамилии бабушки); *Е.Яновский* — Н.В.Гоголь (фамилия матери); *Г.Замятин* — Г.С.Десятков (фамилия матери); *Н.Александрович*, *Н.Турчанинов* — Н.А.Добролюбов (фамилии знакомых) и др.

Отношение к трудовой деятельности:

общая характеристика: *Бездельник* — И.И.Лебедев; *Пелагея Безработная* — В.Н.Вентцель; *Иван Безработный* — Д.З.Мануильский; *Деловой* — В.Н.Леонтьев; *Работник* — М.А.Рылов; *К.Работников* — К.П.Злинченко; *Труженик* — И.В.Богословский;

— род занятий, специальность: *Академик-артиллерист* — Н.Ф.Лангеншельд; *Авиатор* — А.С.Лазарев; *Актер* — А.П.Бурд, 2; *Археолог* — Н.Г.Порфиридов; *Банщик* — Н.А.Скворцов; *Барabanщик* — В.И.Дмитриева; *Библиограф* — А.И.Остроглазов, 8; *Ботаник* — А.А.Снятков; *Бурлак* — Б.П.Барков; *Бурсак* — Н.В.Феоктистов; *Бутафор* — А.А. фон-Беземан; *Врач* — А.Н.Винокуров; *Воспитатель* — И.С.Симонов; *Географ* — К.А.Михайлов; *Дипломат* — К.А.Дворжицкий; *Естественник* — Н.Н.Соколов; *Инженер* — А.В.Зенгер, 4; *Инженер-технолог* — А.Н.Быков; *Искусствовед* — Э.Ф.Голлербах; *Историк* — Е.Е.Колосов, 3; *Педагог* — А.С.Воронов; *Работник просвещения* — И.Е.Чернышев; *Рабочий* — В.Г.Богораз, 3; *Рабочий Николай Дон* — Н.И.Гордон; *Рабочий № 522* — М.Левитин; *Рыбак* — Ф.П. Романов; *Н.Рулевой* — Н.М.Гладилов; *Сапер* — Л.И.Мищенко; *Следопыт* — И.Каплир; *Служитель* — С.Н.Миловский; *Собиратель* — А.С.Будилович; *Спирит* — С.Н.Миловский; *Стенограф* — А.Я.Липскеров; *Старый музыкант* — С.Н.Кругликов, 2; *Старый охотник* — А.А.Алифантов, 4; *Старый пастух* — Ф.С.Шкулев; *Старый педагог* — И.И.Попов, 2; *Студент* — А.К.Елачич, 8; *Суфлер* — Я.С.Бродский; *Ткач* — Ф.А.Афанасьев, 2; *Турист* — П.Ф.Левдик, 10; *Учитель* — М.П.Драгоманов, 4; *Школьный работник* — И.В.Чернышев; *Шоффер № 1924* — И.Л.Сельвинский; *Экономист* — А.А.Боровой; *Юрист* — В.Е.Белинский и т.п.;

— чин, звание, должность: *Адмирал* — Н.П.Жандр, 2; *Архидиакон Спизский* — А.В.Духнович; *Архимандрит Л — 3* — Л.Кавелин; *Гвардеец* — А.А.Колынин; *Генерал Бетрищев* — Н.П.Вишняков; *Генерал Боклю* — Я.П.Бакланов; *Генерал-майор Б.П.* — И.П.Барк-Петровский; *Генералов* — П.А.Григорьев; *Драгун* — В.А.Потто; *Драгунский офицер* — В.А.Потто; *Инок* — Ф.А.Кони, 2; *Интендант* — П.И.Иванов; *Исправник* — К.А.Михайлов; *Капельмейстер Кук* — А.С.Даргомыжский; *Командир тендера* — Г.И.Бутаков; *Лейтенант* — В.С.Завойко; *Присяжный поверенный* — Н.А.Вокач; *Секунд-Майоров* — А.А.Кулаков; *В.Сержант* — С.П.Бобров; *Штурман* — И.П.Ануфриев; *Евгений Юнга* — Е.С.Михейкин; *Юнкер А.П.* — А.Р.Палей и др.

Социальная иерархия:

титутлы: *Барон* — М.А.Рейснер, 2; *Барон А.Э.* — А.О.Эльснер; *Барон Д.* — А.А.Дельви́г; *Баронесса В.С.Пл-н* — В.С.Плес-

сен; *Герцог* — Л.С.Абольник; *Граф Батури* — В.Руднев; *Граф В.С.С-б* — В.А.Соллогуб; *Граф N.N.* — Н.М.Карамзин; *Графиня С.Т.* — С.Ф.Толстая;

— сословные характеристики: *Благородная девица* — Е.П.Демидова; *Благородная Россиянка* — Е.Р.Дашкова; *Господин Д.* — В.М.Дорошевич; *Дворянин А.Р-в.* — А.А.Радаков; *Сила Дворянинович* — Н.И.Фалеев; *Знатная дама* — А.О.Смирнова; *Крестьянин* — И.З.Суриков; *Купец Грошевилов* — А.Ф.Войков;

— экзотизмы: *Брамин* — А.П.Петров, 2; *Испанский гранд*, *Испанский дворянин* — А.М.Герсон; *Патриций* — И.М.Василевский;

— историзмы: *Витязь* — Н.П.Янов; *Тиун* — В.Ф.Боцяновский;

— отношение к собственности: *Антон Безлошадный* — А.Г.Архангельский; *Макар Бедный* — Г.И.Чудов; *Демьян Бедный* — Е.А.Придворов; *Бедняк* — П.И.Певин; *Безземельный* — А.Устинов; *Босьяк* — П.А.Красиков; *Землевладелец* — Ф.Э.Ромер, 3; *Землевладелец Тарас Куций* — А.М.Герсон; *Нищий* — О.И.Виноградов; *Пайщик и акционер разных банков* — И.К.Бабст; *Сельский хозяин* — Бехтер и др.;

— партитивность, принадлежность коллективу, группе: *Нил Артельный* — Ф.Ф.Сыромолотов; *Артельщик* — А.И.Матюшинский; *Воронежской семинарии студенты богословия* — митрополит Е.Болховитинов; *Гласный Думы* — А.В.Смирнов; *Общинник* — К.И.Бошенятов; *Один из очевидцев* — П.Г.Акилов; *Один из поклонников* — А.Капустин; *Один из потерпевших* — В.В.Власов; *Один из публики* — В.Д.Бонч-Бруевич; *Прихожанин* — Б.С.Бондарский; *Член Артистического кружка* — П.Г.Акилов и т.п.;

— судьба, доля, участь, счастье, образ жизни: *Ник.Бездолин* — Н.А.Карев; *Бездольный* — Б.Г.Имас, 2; *Бездомный* — Н.И.Пастухов; *Борис Бездомный* — В.Л.Карелин, 3; *Безприютный странник* — Ф.Д.Нефедов; *Сергей Безпросветный* — С.Руденко; *Бродяга* — В.А.Плотников; *Антон Горемыка* — С.А.Цион, 6; *Горемычный* — И.И.Чевелев; *Горесмехов* — П.А.Опочинин; *Г.Горький* — К.С.Пастушенко; *Женя Фартовый* — Е.О.Пяткин; *Ал.Забитый* — А.А.Козлов; *Занапрасно ободранный* — А.П.Сумароков; *А.Затертый* — А.С.Новиков; *Злополучный Б.П.* — В.В.Пенинский; *Изгнанник* — И.Н.Антонов, 3; *Изгоев* — Н.О.Осипов; *Изгой* — И.В.Резников, 3; *А.Недолин* — А.О.Благоразумнов, 5; *Недоля* — М.Д.Подвысоцкий; *Недоля Забубенский* — Д.Н.Деметьев; *Скиталец* — О.Я.Бальтерманц, 5; *Иван Случайный* — И.В.Репин, 2; *Назар Стодолин* — Н.Н.Накоряков; *Страдалец* — Н.В.Станкевич, 3; *Униженная* — А.Блюменфельд; *Успехов* — Е.В.Абраменко и др.;

— свобода, воля: *Неволин* — Ф.М.Сенюшкин; *В.Невольник* — И.С.Ремезов; *Неволя* — С.Я.Дерунов; *Свободин* — В.П.Протасов; *Свободина* — О.Чарова; *Свободный* — В.П.Лебедев; *Свободный гражданин* — Н.А.Попов, 3 и т.п.

Мировидение:

внутренний мир, мировоззренческая позиция: *Михаил Духовный* — М.А.Курамшин; *Душа* — З.И.Быкова; *Душа Пустяковская* — А.А.Козлов; *Лютеранин* — Н.И.Фалеев; *Псаломщик* — Н.С.Лесков; *Равви* — Н.И.Костомаров; *Русская поклонница ко гробу Господню* — Е.Бадрова; *Сергиев послушник* — С.И.Пономарев; *Созерцатель* — Н.С.Гордеев, 5; *Н.Софист* — Н.М.Соколов; *Старовер* — А.Н.Потресов, 3; *Нил Староверов* — Н.А.Спиридонов; *Старообрядец* — Н.П.Огарев; *Староправославный* — И.Н.Цепов; *Эпикур* — А.Л.Рубинштейн; *Эпикурец* — П.В.Засодимский;

— политические убеждения: *Безпартийный* — А.А.Пороховщиков; *Большевик* — П.П.Тихонравов, 2; *Вычегодский меньшевик* — А.А.Ванновский; *Гарибальдиец* — Л.И.Мечников; *Демократка* — О.К.Умова; *Доморощенный политик* — С.А.Венгеров; *Кадет* — В.А.Обручев; *Консерватор* — Ф.В.Волховский; *Некоммунист* — А.В.Бобрищев-Пушкин; *Реформатор* — В.И.Панкратов; *Н.Е.Реформатор* — Н.Н.Глубоковский; *Русский либерал* — К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин; *Русский социалист* — О.И.Сомов; *Иван Советский* — Ф.И.Бобылев; *Виктор Совкредепов* — И.И.Корытов; *Социалист* — М.И.Губельман; *Старый Комсомолец* — В.Н.Астров; *Умеренный консерватор* — В.А.Гольцов; *Франк-Масон* — Г.А. де-Канне и т.п.;

— склонности, пристрастия, увлечения: *Англоман* — М.И.Плещеев; *Балетоман* — К.А.Скальковский; *Библиоман* — А.И.Милютин; *Библиофаг* — М.П.Петровский; *Библиофил* — М.Г.Погруженко; *Бонвиван* — Л.И.Глебов; *Вегетарианка* — О.К.Зеленкова; *Домосед* — Н.П.Кулаков; *Жадный до увеселительных концертов* — А.Н.Баженов; *Забавник* — В.М.Дорошевич; *Игрок* — К.А.Михайлов; *Книгоед* — А.Д.Бочагов; *Любитель драматического искусства* — П.Г.Акимов; *Любитель римской письменности № 2* — А.Капустин; *Любитель сна Дормидон Тихий* — К.Н.Батюшков; *Меломан* — Ю.К.Арнольд; *Отъявленный балетоман* — А.Н.Баженов; *Поклонник Мельпомены* — В.С.Баскин; *Старый театр* — П.Г.Акимов и т.п.

Коммуникативные маркеры:

близости, знакомства: *Амикус* — П.А.Монтеверде; *Ваш ближний* — Н.Иванов; *Ваш один из многих* — Н.А.Серно-Соловьевич; *Ваш слуга Огорченный* — А.О.Аблесимов; *Ваш товарищ рабочий* — И.В.Бабушкин; *Знакомец* — С.М.Архангельский, 2; *Знакомый* — В.С.Лихачев, 5; *Знакомый вам провинциал* — К.Н.Лентьев; *Знакомый № 2* — М.К.Лемке; *Знакомый человек* — В.Р.Зотов, 2; *Наш* — Ю.Н.Данзас; *Н.Свой* — Н.Ф.Бунаков; *Свой, а не чужой* — В.И.Горянский; *Свой человек* — В.А.Гиляровский, 2; *Слуга ваш N.N.* — Ф.А.Эмин; *Старый друг* — Н.И.Коробкин, 4; *Старый знакомый* — Н.А.Александров, 9; *Твой* — А.С.Афанасьев; *Твой Колька Зубастый* — Н.А.Рабинович и т.п.;

— позиция номинатора: *Безпристрастный* — Е.И.Богословский; *Вольный наблюдатель* — П.Д.Боборыкин; *Зритель* — К.А.Бебутов, 20; *Зритель из первого ряда кресел* — Н.А.Потехин; *Независимый* — В.К.Агафонов, 4; *Объективный* — И.А.Абельсон; *В.Правдин* — В.М.Антонов; *Резонер* — И.И.Белкин; *Русский наблюдатель* — Л.А.Богданович; *Современник-очевидец* — Н.В.Берг; *Читатель-друг* — В.Е.Ермилов и т.п.

Дистрибуция к различным сферам человеческой деятельности:

счет: *Анкатр* (фр. en quatre — «вчетвером») — Г.Н.Васильев и др.; *Двое* — М.К.Корбут, 3; *Двойка* — Е.Резников; *Девять* — В.И.Головин; *Десять* — Д.Н.Кропотов; *Единица* — В.Л.Киги; *Зеро* — Ф.В.Булгарин; *Ноль* — Н.Р.Овсяный; *Сто один* — А.Д.Галахов; *Сто раз* — К.О.Дергунов; *Трое* — А.В.Смирнов и др.; *Чет* — А.Е.Зарин; *Шесть* — В.И.Немирович-Данченко;

— письменность, литература: *Азбука* — И.А.Майоров; *Азбукин* — Л.А.Золотарев; *Блок-Нот* — И.А.Майоров; *Буква* — И.Василевский, 2; *Гипербола* — И.В.Захватаев; *Запятая* — А.П.Петров; *Каламбуров* — А.М.Герсон; *Петр Клякса* — П.А.Травин; *Фома Опискин* — А.Т.Аверченко; *Перо* — А.К.Клафтон; *Влас Точечкин* — В.И.Богданов; *Точка* — И.Д.Галактионов, 7; *Точка и Тире* — В.Е.Чешихин; *Ундервуд* — П.И.Лежанкин;

— музыка, театр: *Аккорд* — С.З.Гальперин; *Аллегро* — Ф.М.Кицнер; *Альт* — И.С.Ремизов, 5; *Баритон* — В.В.Розанов; *Бекар* — М.В.Москалев, 2; *Бемоль* — И.М.Кузьминский, 2; *Бенефисов* — Н.В.Селихов; *Водевиль* — Ю.Д.Беляев; *Гамма* — А.Лебедев, 8; *Гобой* — В.И.Немирович-Данченко, 2; *До-Ре-Ми-Соль* — В.В.Лебедев; *Доремифасоль* — С.С.Гусев; *Дуэт* — В.С.Карцев; *Живая струна* — М.К.Савин; *Золотой Рожок* — Новиков; *Квинта* — И.С.Ремизов; *Си-До* — Е.Л.Шкляр и т.п.;

— религия: *Апокриф* — Ф.Э.Шперк; *Богородец* — Л.И.Пальмин; *Г.Веригин* — В.С.Соловьев; *Ив.Кадило* — К.А.Белиловский;

— наука: *Азот* — Б.М.Левин; *Г.Актан* — Г.А.Гильгендорф; *Атом* — А.В.Ястребский; *Бином* — И.М.Булацель; *Авл.Геллий* — В.М.Владиславлев; *Квадрат Кубов* — И.А.Майоров; *Никель Серебровский* — Н.С.Токарев; *Рутений* — П.Д.Боборыкин; *Спектор* — К.К.Михайлов, 2; *Фтор* — В.А.Весновский; *К.О.Циан* — В.Е.Трутовский; *Н.Эвриков* — Н.Х.Давингоф;

— производство, хозяйственная деятельность: *Иван Борона* — А.А.Резапкин; *Гайка № 6* — А.П.Чехов; *Ваня Гайкин* — И.Д.Оксенштерн; *Семен Гвоздь* — Бонч-Бруевич; *Двигатель* — Н.И.Вербицкий; *Дено* — Д.И.Пихно; *Сашка Долото* — А.И.Стоврацкий; *Жгут* — Л.П.Давыдов; *Клин* — В.А.Мартовский; *Крючок* — Н.А.Нечаев; *Молот* — Э.И.Павчинский; *Лука Наждачный* — Б.Г.Самсонов; *Напильник* — Л.В.Ольконицкий; *Сталь* — М.М.Ходырева; *И.М.Топор* — И.И.Высоцкий и т.п.;

— военное дело: *Арбалет* — М.И.Шестеркин; *Бомба* — И.М.Булацель 4; *Забрало* — В.А.Дмитриев; *М.Танк* — Е.Скурко; *Шпора* — А.А.Агеевский, 2; *Штык* — В.А.Антонов-Авсеев, 2;

— быт: *Семен Бытовой* — С.М.Каган; *Бювар* — П.Я.Блиновский; *Канифолес* — К.А.Михайлов; *Ферапонт Ложкин* — А.А.Берзинь; *Антон Табуреткин* — П.Д.Дружинин; *К.Телефонов* — К.М.Станюкович; *Казакин* — В.И.Кельсиев; *Серая куртка* — М.К.Савин; *Синие очки* — С.А.Епифанов; *Старый колпак* — П.П.Гнедич; *Шуба* — А.П.Андреев; *Шпилькин* — П.И.Бабкин; *Цилиндр* — Г.А.Хрущевский; *Pienсе-pez* — В.Г.Боголепов; *Бублик* — И.А.Вашков; *Митрофан Горчицын* — В.П.Катаев; *Гуща* — К.М.Мипкевич; *Петр Кисель* — П.И.Бабкин; *Евграф Микстури* — М.А.Бестужев-Рюмин; *Шнапс* — М.К.Савин и т.п.;

— игры, спорт, развлечения: *Балалайкин* — Л.И.Пальмин, 2; *О.Бандура* — И.Л.Шехтман; *Бархатная маска* — А.М.Пазухин; *Безкозырный* — Е.Горский; *Блеф* — М.А.Глушков; *Бокс* — В.П.Катаев, 2; *В.Велосипедов* — Г.А.Гиляровский; *А.Досужий* — А.М.Герсон; *Н.Игрушкин* — Н.Д.Кочелев; *Ребус* — Г.К.Новиков; *Розовая Маска* — Н.П.Белов; *Розовое домино* — Н.Н.Животов; *Свистулька* — С.А.Попов; *Синее Домино* — А.У.Соколова; *Л.Теннис* — Н.П.Вишняков; *Трефовый король* — Л.И.Пальмин; *Митька Умора* — И.Н.Чурилин; *Викт.Шуточкин* — В.Ф.Смолин и т.п.;

— имена исторических личностей: *Андрей Рублев* — С.М.Беляев; *Александр не-Македонский* — С.Я.Уманский; *Иван Брут* — Ф.В.Волховский; *Бурбон* — В.В.Языкова; *Вице-Бетговен* — П.И.Вейнберг; *Диоген* — В.В.Билибин; *Калиостро* — А.А.Плещеев, 3; *Кир Персидский* — А.Н.Будищев; *Наполеон* — Н.В.Дорошенко; *Нео-Овидий* — Н.И.Фалеев; *С.Радонежский* — С.П.Гончаренко; *Рафаэль* — К.А.Михайлов; *Я.Рафаэльский* — В.И.Ребиков; *Ромул* — С.А.Ефремов, 2; *Рюрик* — В.П.Буренин; *Синеус* — П.И.Вейнберг; *Соломон Премудрый* — С.И.Гликман; *Спартак* — М.Д.Рывкин; *М.Цицерон* — М.А.Цыганов и др.;

— писательские имена: *Абеляр без Элоизы* — К.А.Михайлов; *Анакреон наших дней* — А.Н.Баженов; *Боккачио* — О.Л.Оршер; *Братья Гонкуры* — А.П.Петров и С.Я.Уколов; *Емела Зола* — В.А.Гиляровский; *Жуль Неверный* — К.К.Голохвастов; *Иоанн Амартол* — И.А.Линниченко; *Еразм Сарказмов* — А.П.Ландсберг; *Не Вальтер Скотт, а Ланской* — А.И.Виноградов; *Не-Гоголь* — Б.С.Боднарский; *Не-Гомер* — Н.Е.Воронцов; *С.Некрасов* — Н.А.Рубакин; *Овидий Нарзан* — К.Симонов и М.Матусовский; *А.Пушкин* — В.Вердеревский; *Рабле* — А.П.Подуров; *Н.Радичев* — Н.Чуковский; *Саади* — Б.А.Садовский; *Саратовский Боккачио* — А.А.Кулаков; *Сафо* — Н.И.Афанасьев; *Свифт* — К.А.Михайлов, 3; *Со-временный Virgiliy* — С.Я.Уколов; *Трифон Шекспир* — Д.Д.Минаев; *Шекспир-Осиповский* — И.Ф.Фрицлер; *Шиллер из Таганрога* — А.Б.Тараховский; *Ювенал* — П.Ко-

робцов, 2; *Эзон-junior* — Д.И.Иванов; *Ювенал Эзонич* — П.К.Мартьянов и т.п.;

— имена литературных персонажей: *Алеко* — М.Н.Синкель, 3; *Бедный Йорик* — В.К.Божовский; *Гайавата* — Д.И.Гликман; *Граф Нулин* — Н.А.Соколов, 2; *Мария Гринева* — М.И.Балагина; *Дон-Кихот* — Ю.А.Веселовский; *Железная маска* — Е.А.Вернер; *Каменный гость* — И.П.Горизонтов; *Кандид* — С.С.Гусев; *Капитан Копейкин* — В.И.Топорков; *Кармен* — В.П.Викторов, 3; *Ленский* — М.М.Бородкин, 4; *Сганарель* — И.М.Либаков; *Оливер Твист* — В.П.Катаев; *Р.Раскольников* — Ф.Ф.Ильин; *Рахметов* — А.А.Малиновский; *Робинзон* — В.Н.Стечкин; *Роб-Рой* — В.А.Манделевич; *Рудин* — Г.Н.Потемкин, 4; *Собакевич* — А.П.Петров; *Стародум* — О.Л.Ошер, 3; *Тартарен* — Г.Т.Полилов; *Тень Гамлета* — К.А.Михайлов; *Тристан из льда* — В.А.Мазуркевич; *Угрюм Бурчеев* — В.А.Тихонов; *Чайльд-Гарольд* — Е.А.Гликман; *А.Челкаш* — И.Л.Шингауз и др.;

— мифологические, фольклорные, библейские персонажи: *Авель* — А.М.Василевский, 4; *Алеша Попович* — А.А.Ивановский, 4; *Аника Воин* — Я.П.Давыдов; *Аргонавт* — Я.Я.Михельсон; *Аякс* — П.С.Емельянов, 5; *Берендей* — П.А.Сбруев, 3; *Бова-королевич* — В.А.Мазуркевич; *Бука* — Д.С.Дмитриев, 4; *Ведьмак* — А.А.Коринфский; *Вий* — А.И.Виглянский, 6; *В.Гермес* — В.В.Португалов; *Гефест* — А.И.Красницкий; *Гном* — А.К.Галкин, 6; *Демон* — В.А.Бернадский; *Диаволо* — И.А.Абензгауз; *Жар-птица* — Н.И.Васильев; *Злой бес* — М.С.Варшавский; *Змей Горыныч* — Н.Рязанов; *Каин* — И.И.Климов, 3; *Лель* — В.С.Баскин, 4; *Люцифер* — А.Н.Вознесенский, 2; *Медуза-Горгона* — А.Т.Аверченко; *Фома Неверный* — Б.С.Боднарский; *Русалка* — К.А.Михайлов; *Сатана* — И.А.Майоров; *Сатанаил Скорбящев* — Д.Н.Семеновский; *Сатир* — С.М.Городецкий; *Семь Симеонов* — А.Д.Курепин; *Сизиф* — А.Н.Васильев, 3; *Силен* — А.П.Нурок; *Сфинкс* — Н.П.фон-Гук, 6; *Тор* — В.П.Буренин, 3; *Троль* — С.А.Бергман, 3; *Упырь* — Б.А.Катловкер и др.;

— названия периодических изданий: *Будильник* — А.М.Герсон; *Антон Будильников* — Д.Д.Минаев (журнал «Будильник»); *Гудошник* — Д.Д.Минаев; *Гудошкин* — В.С.Карцев (журнал «Гудок»); *Развлечения* — И.А.Вашков (журнал «Развлечения»); *Сверчок* — М.А.Вернер, 5 (журнал «Сверчок»); *Современник* — Н.Г.Чернышевский (журнал «Современник»); *Стрекоза* — И.Ф.Василевский (журнал «Стрекоза»);

— междометия и звукоизображения: *Бим* — В.Г.Куприянов; *Бим-Бом* — С.Станевский; *Динь-Динь* — Г.В.Добржинский; *Дрюлю-лю* — И.И.Лебедев; *Дуду* — В.В.Дурасов; *Ни-гу-гу* — В.В.Жуков; *Ни-ни* — С.А.Гамалов; *Ню-ню* — А.А.Арабельская; *Тик-так* — А.И.Деянов; *Тпру...* — И.Ф.Романов; *Трам-Там* — С.Вахромов; *Тру-ля-ля* — Л.Д.Шапино; *Трынди-Брынди* — И.Д.Заичкин-Троянов; *Тю-тю* — В.А.Молдавский; *Чих* — С.А.Патараки и т.д.

Человек созидающий предстает в многоплановых отношениях с другими людьми, с обществом и его установлениями. Пожалуй, нет такой области социального взаимодействия, которая не нашла бы своего отражения в псевдонимах. Свобода, раскованность — внутренние свойства, необходимо присущие творческому сознанию, — проявляют себя в свободном номинативном поиске.

Тематика, традиционная для антропоописаний (этническая принадлежность, родственные связи, географическая отнесенность, род занятий, социальное положение и т.п.) в псевдонимовании также получает активное подтверждение, но право на условность, художественный вымысел или домысливание способствует большему отрыву мотивировки от реального жизнеописательного контекста, к сочинению новой и условной реальности; не будучи копией настоящего, она представляет его в образной ткани. Поскольку эстетический эффект нередко возникает на фоне положительной оценки намеренных отклонений от привычного, рассмотрим вариативные смещения, простирающиеся при номинативной трактовке традиционного содержания именных моделей.

Образ носителя имени в географической модели развивается в сторону условно-символического отвлечения. Ср.: *Д.Н.Мамин-Сибиряк* — Д.Н.Мамин. Согласно воспоминаниям самого писателя, решение было построено на условном обобщении: «Екатеринбург — за Уралом, и в представлении российских Сибирь и Зауралье сливаются в одно целое» (Дмитриев 1977, с.49).

Характеристика автора может создаваться при парадоксальном столкновении компонентов имени (*Иностранец Петр*) либо на контрастном противопоставлении семантике модели в целом (*Не-здешний*). Аналогичным образом варьируются номинативные решения в других моделях. Например, именование по роду деятельности, профессии продолжается в окказиональных обозначениях (*Авантюрье* — А.В.Амфитеатов, *Зигзажист* — В.В.Жуков, *Чухнолог* — К.А.Михайлов), в эпитетных именах (*Доктор Ой* — С.А.Попов, *Доктор Примочка* — В.С.Лихачев, *Доктор Простофилов* — Г.К.Градовский), в контрастивах (*Не-географ* — Я.Д.Земский, *Не-гомеопат* — А.М.Бутлеров, *Не-депутат* — В.И.Ленин).

Более сложные модификации претерпевают титульная и этническая модели. Титульная модель разрабатывается в имитативах (*Барон Зетт* — С.А.Кельцев, *Барон Игрек* — Н.Э.Гейнце, *Барон Икс* — С.Т.Герцо-Виноградский) и вместе с этнической моделью служит базой для пародийных либо игровых имен-экзотизмов. Контаминация обеих моделей порождает множественные варианты решений. Экзотизмы могут строиться с учетом возможности эпитетного прочтения: *Дворянин Кукареку* — П.А.Машков, *Граф-Хитрини* — Н.М.Ежов, *Кавалер Храбрио* —

Ф.Ф.Комиссаржевский, *Маркиза Длякон* — В.Балле. Они создаются при комическом обыгрывании заимствованной лексики и варваризмов в позиции антропонимов: *Барон Ейн-Цвей* — В.А. Попов, *Барон Шнапс фон Габенихтс* — Н.И.Греч, *Барон Шниц* — С.А.Бергман, *Виконт де Варьете* — В.А.Прохоров, *Виконт Кебриоль Дантраше* — В.П.Буренин, *Граф де Тротуар* — В.А.Попов, *Граф Мементо-Мори* — Л.И.Пальмин, *Маркиз Тужур-Парту* — А.Л.Гиллин, *Рыцарь Зиг-Заг* — К.А.Михайлов. Часто применяется прием пародирования структуры иноязычных антропомodelей: *Амур-паша* — А.П.Петров, *Кефир-Паша* — Е.В.Пассек, *Буль-буль-Мирза* — П.П.Пятковский, *Мандарин Лайна-Луну* — В.С.Лихачев, *Мандарин Плюнь-на-Все* — А.Н.Будищев, *На-Фу-Фу* — И.В.Андреев, *Сам-по-себе* — В.Я.Стоюнин, *Сам-нью-чай* — И.М.Герсон, *Хан Трын-трава* — В.С.Лихачев. Привлечение приемов языковой игры демонстрируют экзотизмы, построенные на каламбурном разложении апеллятивной лексики с вычленением или добавлением квазиименных компонентов: *Д'Актиль* — А.А.Френкель, *Д'Оврьс* — Г.М.Максимов, *де-Неври* — В.А.Соколов, *граф Библио* («Библиограф») — С.И.Пономарев, *Графо—Ман* — К.А.Михайлов, *Маркиз Е.Кавард'Ак* — Е.С.Бирнштейн, *Зуб о'Скал* — С.А.Попов, *Поль-За* — П.В.Заведев. Завершая список, приведем имена, основанные на внутренней рифме: *Виконт де-Воримонт* — Г.А.Немиров, *Граф Евграф д'Аксанграф* — И.В.Лотарев, *Граф Фотограф* — И.В.Бентковский.

Сквозная для многих моделей характеризующая направленность может реализоваться через использование «говорящей» внутренней формы (*Дылда Мимоходов* — В.И.Зеленский, *Захар Томноструйный* — К.М.Фофанов, *Макар Телят Загоняев* — А.А.Козлов, *Нарцис Тупорылов* — Ю.О.Цедербаум, *Н.И.Бельмесов* — Н.И.Позняков, *Петя Таксебешин* — Н.Г.Шебуев, *Прикащик Разлюлималиновский* — А.В.Степанов, *Рай Мурский* — Ф.Игнатьев, *Свинопупий Прохвatieв* — А.Н.Емельянов, *Семипядей Волбухин* — А.М.Гольденберг), через отсылку к известному историческому, литературному или мифологическому образу (*Я.Рафаэльский* — В.И.Ребиков, *Бедный Йорик* — В.К.Бежовский, *Медуза-Горгона* — А.Т.Аверченко), наконец, через функциональную привязку номинативной модели к определенной сфере деятельности — так, звукоизобразительные писательские имена, похожие на псевдонимы цирковых артистов, воспринимаются как комические, клоунские (*Бумс* — Л.К.Мартьянов, *Фик-Фок* — Г.Карелин, *Гам-гам* — С.А.Попов).

Общий фрейм «творчество» дает основу для полифонии авторских имен, подлинных и условных. Такая переключка нередко предполагает преемственность тематики или творческого кредо: *Анастасий Белинский* — Н.А.Добролюбов, *Иван Кузьмич Прутков* — Б.В.Жиркович, *Эразм Петербургский* — В.А.Зайцев, *Эразм Сарказмов* — А.П.Ландсберг. Она используется для

того, чтобы охарактеризовать «от противного» носителя нелепого именованья: *Вице-Бетговен* — П.И.Вейнберг, *Овидий Нарзан* — К.Симонов и М.Матусовский, *Трифон Шекспир* — Д.Д.Минаев, а также *Беранже из Зарядья*, *Бернс из Бердичева*, *Гейне из Ирбита*, *Гейне из Харькова*, *Данте с Плещихи*, *Овидий с Томи*, *Шиллер из Таганрога*. Известные имена обыгрываются при создании пародийных образов: *Историомаров* — В.А.Зайцев (аллюзия к имени известного историка Н.И.Костомарова), *Андрон Сладкий* — В.А.Попов, *Максим Сладкий* — М.Гримальский, *Граф Худой* — Д.А.Богемский, *Натуралист Мишуха-Магай* — В.А.Тихонов, *Толстоевский* — Е.П.Катаев и И.А.Файнзильберг. Квалификация собственных способностей или творческой позиции может осуществляться в форме прямого противопоставления конкретному автору, отношение к которому носит положительный или негативный характер: *Не-Белинский* — Л.Л.Мищенко, *Не-Буренин* — Н.А.Соколов, *Не-Вересаев* — К.А.Михайлов, *Не-Гоголь* — Б.С.Боднарский, *Не-Гомер* — Н.Е.Воронцов, *Не Гуно* — С.Я.Уколов, *Не Данте* — К.А. Михайлов, *Не-Жуковский* — В.В.Трофимов и т.п.

Своеобразной базой для именной контрапункции выступают прецедентные тексты¹. В пьесе Л.Андреева «Жизнь человека» есть действующее лицо, названное «некто в сером, именуемый Он», — символ рока, судьбы. Выражение стало употребляться иронически в значении загадочная, неопределенная личность. В комплексе ассоциативных отсылок оно мотивировало целый ряд псевдонимов: *Некто в сером* — Н.Е.Воронцов, *Некто в черном* — Р.А.Менделевич, *Некто в изломанной шляпе* — М.А.Артамонов, *Некто в блузе* — Ф.А.Герасимовский. Название романа Виктора Гюго «*L'homme que rit*» — «Человек, который смеется» — использовано в нескольких псевдоименах: *L'homme qui rit* — Д.Д.Минаев, *L'homme qui pleure* — «Человек, который плачет» — В.М.Гаршин, *L'homme qui rit et qui pleure* — «Человек, который смеется и плачет» — П.В.Засодимский. Двойственность буквального и ассоциативного прочтения подобных наименований возбуждает эстетическое восприятие и эстетическую оценку. Обратимся к друго-

---

¹ Понятие прецедентного текста подробно разрабатывается у Ю.Н.Караулова. Прецедентными текстами называются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности (Караулов 1986, с. 106). Прецедентные тексты включаются в языковую номинацию семиотическим способом — «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» (Там же, с. 108).

му примеру. Название романа Э.Золя «*La Bete humaine*» в первом русском издании было переведено как «Человек-животное», во втором — «Человек-зверь». Последнее послужило основой для построения псевдонимов: *Ното lupus* — Пинчук (ср.: *Ното homini lupus est* — «человек человеку волк»), *Не зверь* — П.Е.Симонов, *Человек с когтями* — Ф.Ф.Потехин и, в отвлечении от них, — *Человек с гонораром* — С.И.Эрбер.

Номинативные реминисценции относятся к прецедентным текстам не только письменного, но и устного характера. В тридцатые годы XIX века в речевом обиходе получило широкое распространение выражение «белый арап». Еще старинные русские книжники отличали «черных арапов» — негров от белокожих представителей Аравии. В 1833 году, когда Россия оказала военную помощь турецкому султану в его конфликте с египетским папой, матросы Черноморского флота, двинутого к Константинополю, называли этот поход походом под «белого арапа», подразумевая арабов. Фантастические рассказы о «белых арапах» в стране, где они живут, — Белой Арапии, долгое время ходили в народе (Ашукин, Ашукина 1987, с.25—26). В отталкивании от этой прецедентной информации выстраиваются квазиимена: *Белый Араб* — Ю.И.Халеби; *Белый брюнет* — К.А.Михайлов, *Белый цыган* — И.И.Высоцкий.

Особые микропарадигмы обязаны своим появлением обыгрыванию образа, созданного воображением автора и варьированию имен, псевдонимы в вариативных рядах взаимно ориентируются и вступают в смысловую перекличку: *Фома Опискин*, *Покойный Фома Опискин*, *Покойный Фома*, *Друг Фомы Опискина* — А.Т.Аверченко; *Бесшабашный корреспондент*, *Бесшабашный корреспондент «Будильника»*, *Бесшабашный корреспондент «Будильника» Wlas*, *Бесшабашный скоропаде́нт Влас*, *Собственный бальный корреспондент Wlas*, *Собственный специальный сумасшедший корреспондент Влас* — В.М.Дорошевич; *Юный почитатель*, *Юный топтатель* — Ю.А.Волков; *Зоил беспокойный*, *Зоил веселый*, *Зоил злой*, *Зоил умеренный*, *Зоил лукавый*, *Зоил нескромный*, *Зоил презлой*, *Зоил приезжий*, *Зоил скромный* — М.П.Свободин.

Далее речь пойдет о номинативной стратегии, которую предварительно можно назвать **имено-метрической**. Она предполагает особое направление процесса мотивации, суть которого сводится к тому, что называющий с большей или меньшей степенью осознанности в предноминативной деятельности выводит на передний план семиотическую ценность своего реального имени. Привычка отождествлять собственную экзистенциальную реальность с определенным антропонимическим знаком создает гештальт, организующий в дальнейшем речемыслительное поведение. Хотя орудийные свойства гештальта много шире, нежели обсуждаемый сейчас принцип номинативных действий,

именно устойчивость соотношения подлинного имени с самостью субъекта и противопоставление личностно-именного единства иным именованным сущностям позволяет говорить о приоритетном влиянии скрытого макропринципа лингвopsихологической деятельности на создание нового имени или переименование. Имено-метрической номинации неизменно предшествует аксиологическое восприятие реального имени как закрепленного социолингвистического индекса личности, но логическая сторона рефлексии чаще оказывается сокрытой в целостном переживании¹.

Новое антропообозначение выстраивается на исходном, отталкиваясь от него, подвергая модификации его содержание и форму, точнее, через модификацию формы достигая семантического сдвижения, ибо основная интенциональность связывается все-таки с преобразованием внешней оболочки имени. Измененное имя автора легко проецируется на исходное, поэтому, будучи остранным и отстраненным, оно ассоциируется с первичным антропонимом, тем самым частично совмещаются фактическое и условное имена. Что касается приемов номинативного воплощения, то главными тактическими направлениями имено-метрического называния будут трансформация внутрисловного материала в антропонимической модели и расширение/сужение ее объема. Обратимся к последнему.

Поскольку наиболее важным носителем социоразличительной информации служит фамильный компонент антропонимической модели, его редукция или устранение приводит к условности именования: *Ада Ф.* — Ада Фильнафиди; *Александр Б.* — А.Боде; *Александра Е.* — А.Ефименко; *Анвер Б.* — А.Г.Бикчентаев; *Андрей В.* — А.А.Вейнберг; *Анна Т.* — А.Тесенская; *Аркадий М.* — А.Маслов, 4; *Василий С.* — В.М.Сысоев, 2; *Василий Р.* — В.Н.Ряппорт, 4; *Вера З.* — В.Заикина, 5; *Виктор Б.* — В.Быков, 4 и т.п.

Условны также обозначения, в которых личное имя заменяет антропонимическую модель: *Авдий* — А.Лубович; *Александр* — А.Л.Капелевич; *Альберт* — А.К.Гермониус; *Альфред* — А.Л.Геллер; *Андрей* — А.А.Вейнберг; *Анна* — А.М.Ребиндер; *Аркадий* — А.Н.Попов; *Арте́м* — А.И.Ершов; *Богдан* — Б.М.Куньянц; *Вадим* — В.В.Пессек и т.п.

Личное имя, используемое при неофициальном общении, способствует созданию эффекта сокращенной дистанции между автором и аудиторией. Это объясняет тот факт, что в роли псевдонимов нередко выступают деминутивы, гиперкористики, имена, оформленные на иностранный манер, подобно интимным, дру-

---

¹ Ср.: «И можно кожу заживо содрать, / Но имя к нам так крепко припечатано / Что силы нет переименовать, / Хоть каждое затерто и захватано. / У нас не зря про имя говорят: Оно — / ни дать ни взять родимое пятно» (Арс. Тарковский).

жеским, домашним: *Адалис* — Аделина Эфрон; *Алексис* — Алексей Мухин; *Алехо* — Александр Васильев; *Анатоль* — Анатолий Танков; *Антонио* — Антон Оссендовский; *Антоша* — Антон Павлович Чехов; *Базиль* — В.Руднев, 3; *Валька* — В.А.Соколов; *Вано* — И.Р.Гокиели; *Василек* — В.Е.Клюнин; *Вася* — В.В.Князев, 2; *Владь* — В.И.Немирович-Данченко; *Володюша* — В.З.Швейцер; *Вольдемар* — В.А.Соколов; *Люси* — Е.М.Вартанянц; *Саша* — А.Д.Флит и т.п. В той же стилистической «тональности» выдержаны псевдонимы, построенные на использовании отчества: *Василич* — А.В.Смирнов; *Потапыч* — Г.Н.Ничепуренко; *Прохорыч* — Д.Л.Иванов и т.п.

Описанные версии относятся к эллипсису антропонимической модели, но возможен и другой путь развития псевдонима, когда к подлинной фамилии добавляется вымышленный компонент, как правило, для различения с однофамильцами: *В.Алферов-Волжанин* — В.Г.Алферов; *В.Н.Билль-Белоцерковский* — В.Н.Белоцерковский; *Н.Бирюков-Раменский* — Н.В.Бирюков; *И.Мукосеев-Крайний* — И.И.Мукосеев; *П.Черных-Якутский* — П.Н.Черных; *Г.Шолохов-Синовский* — Г.Ф.Шолохов; *Д.Агреев-Славянский* — Д.А.Агреев и др.

Преобразования структуры антропонимической модели в основном работают на возбуждение стилистических коннотаций, актуализируя представления о речевых сферах использования имени. Более пластична в отношении технических приемов и более богата по экспрессивным возможностям тактика преобразования внутрисловного материала антропомодели. Конкретные способы преобразования здесь составляют обширный перечень:

— мена имени (имени и отчества) при сохранении фамилии: *А.Л. Акментынь* — Ю.А.Акментынь; *Д.Аленицын* — В.Д.Аленицын; *Г.Бек* — И.А.Бек; *С.Бибик* — А.П.Бибик; *В.Н.Бондарцев* — А.С.Бондарцев; *В.Брикнер* — А.Г.Брикнер; *Лев Боровой* — Леонид Боровой; *Геннадий Гор* — Гдалий Гор; *Игнатий Дворецкий* — Израиль Дворецкий; *Александр Андреев* — Василий Андреев; *Василий Гроссман* — Иосиф Гроссман; *Константин Симонов* — Кирилл Симонов; *Велимир Хлебников* — Виктор Хлебников и т.д.;

— переделка личного имени в фамилию: *А.Андреев* — А.А.Евдокимов; *Е.Борисов* — Б.С.Евгеньев; *В.Валентинов* — В.П.Соболевский; *Валерианов* — В.К.Агафонов; *В.Витальский* — В.З.Ткачук; *М.Костин* — К.М.Станюкович; *Н.Надеждина* — Н.А.Адольф; *П.Павлов* — П.Е.Щеголев; *Лидина* — Л.А.Беляева и т.п.;

— модификация отчества в фамилию (реноминация по этимологической модели): *Александров* — Н.А.Семашко; *А.Александрович* — А.А.Булгаков; *Валентинов* — Г.В.Плеханов; *Б.Давидович* — Б.Д.Бруцкус; *В.Ильин* — В.И.Ленин; *Н.Герасимов* — Н.Г.Помяловский; *А.Львов* — А.Л.Цитрон; *Б.Михайлов* — Б.М.Аристов; *И.Моисеева* — И.М.Зусманович; *Г.Осипов* — Г.О.Бин-

шток; *Осипович* — А.О.Новодворский; *Н.Павлов* — Н.П.Брюханов; *П.Павлович* — П.П.Богомазов; *А.Платонов* — А.П.Клементьев; *А.Серафимович* — А.С.Попов и т.д.;

— мена финальных морфем: *Н.Адамян* — Э.Г.Адамова; *Арсеникум* — А.В.Арсеньев; *К.Баранцев* — К.С.Баранцевич; *Фома Березовой* — Ф.А.Березовский; *С.Бороздно* — С.А.Бороздняк; *Л.Бронская* — Л.И.Бронштэн; *Я.Буров* — Я.И.Бурштейн; *П.Висковатый* — П.А.Висковатов; *Б.Голанов* — Б.Е.Голантер; *А.Зиновин* — А.Т.Зиновьев; *В.Липко* — В.А.Липкин; *А.Кушнеров* — А.Д.Кушнеревич; *А.И.Соловейчик* — А.И.Соловьев и др.;

— мена одной-двух букв фамильного имени: *Марк Азаровский* — М.К.Азадовский; *Алобов* — М.Н.Альбов; *В.Барцов* — В.С.Карцов; *П.Бернадский* — П.Г.Бершадский; *А.Вельдман* — А.Ф.Вельтман; *Кабаев* — В.П.Катаев; *А.Минчковский* — А.М.Минчиковский; *Д.Равинский* — Д.А.Ровинский и др.;

— переразложение фамилии с выделением квазиименных или квазиинициальных компонентов: *С.А.Альманович* — Сальманович; *Л.Анков* — А.В.Ланков; *Ив.Анов* — И.В.Иванов; *Н.Арбут* — В.И.Нарбут; *Б.Ахтин* — Н.Н.Бахтин; *Лев Ашев* — Н.Левашев; *Л.И.Брович* — С.Ф.Либрович; *Р.Бэр* — В.Эрбер; *А.Вилов* — В.М.Авилов; *Я.К.Влева* — Яковлева; *Петр Опольский* — Е.Петропольской; *А.Г.Нивцев* — Н.Я.Агнивцев; *Б.Ранский* — Г.О.Баранский; *П.Рельман* — Я.И.Перельман; *Анд.Реев* — И.В.Андреев; *К.Н.Язев* — В.В.Князев; *Н.Е.Красов* — В.М.Некрасов; *Н.А.Вроцкий* — А.А.Навроцкий; *П.А.Шино* — П.И.Пашино; *В.А.Шинцов* — С.И.Вашинцов и др.;

— анаграммирование (перестановка звуков первичного имени): *П.Т.Алеев* — В.В.Пантелеев; *М.Алданов* — М.А.Ландау; *Бек-Ивилов* — В.И.Ребилов; *Берлиз* — А.А.Зильбер; *Ф.Веклуш* — Ф.С.Шкулев; *А.Вильдаге* — А.И.Дельвиг; *И.Вич-Гур* — И.И.Гурвич; *Н.Воканбу* — Н.Ф.Бунаков; *А.Влидьге* — А.И.Дельвиг; *Ник.Вокур* — Н.Куров; *Богодар Вражкани*, *Божедар Жаркавин* — Ф.Коржавин; *Дари* — Н.А.Арди; *Ю.Ниркомский* — Г.Мокринский; *Стрембо* — Ю.К.Бострем; *Трема О.Гавр* — А.П.Мертваго; *Харитон Макентин* — Антиох Кантемир и др.;

— сокращения начальной части фамилии: *М.Агинский* — М.А.Брагинский; *Н.Алов* — Н.Брызгалов; *Ю.Альд* — Ю.И.Айхенвальд; *И.Амский* — И.П.Абрамский; *К.Арновский* — К.А.Тарновский; *М.Бах* — М.И.Герцбах; *Б.Галин* — Б.Рогалин; *Н.Кин* — Н.С.Курочкин; *Лярский* — В.А.Вонлярский; *Л.Овалов* — Л.Л.Шаповалов; *К.Ренин* — К.В.Буренин; *Н.Словский* — Н.Г.Богословский; *С.Тенко* — С.А.Никитенко; *Г.Чанов* — Г.Д.Старличанов; *В.Чарский* — А.В.Луначарский; *О.Шер* — О.Л.Оршер и др.;

— сокращение финальной части фамилии: *Г.Альт* — Г.П.Альтерсон; *Александр Амфи* — А.В.Амфитеатров; *Алек.Арга* — А.В.Аргаматов; *М.Бек* — М.Беклешев; *М.Берен* — М.В.Беренштам; *Берг* — С.А.Бергман; *Анна Богай* — А.Богаевская; *Т.Браз* —

Т.А.Бразоль; *Л.Брок* — Л.Э.Брокман; *М.Верн* — М.А.Вернер; *Гиль* — В.А.Гиляровский; *М.Кай* — М.С.Кайсаров; *Н.Кальма* — А.И.Кальманюк; *Дмитрий Мин* — Д.Д.Минаев; *В.Ян* — В.Г.Янчевский и др.

— перфорация (объединение начальных и финальных компонентов первичного антропонима): *А.А.Азров* — А.А.Мазуров; *Ал.Алевич* — А.Л.Капелевич; *Аллер* — Б.А.Альтшуллер; *Р.Альд* — Ю.И.Айхенвальд; *Р.Бравский* — Р.Браиловский; *А.Н.Ваев* — А.Н.Васильев; *Мария Ван* — М.А.Вайсбейн; *А.С.Варский* — А.С.Варшавский; *А.Л.Вишневский* — А.А.Вишневецкий; *Евг.Ланн* — Е.Л.Лозман; *Н.Нильский* — Н.М.Никольский; *Николай Абров* — Н.А.Абрикосов; *Н.Ляшко* — Н.Лященко; *Г.Скин* — Г.Г.Сушкин и др.;

— палиндромы с переразложением: *Ани Ворбуд* — Е.О.Дубровина; *Веволосни* — И.Н.Соловьев; *Во-Ки-Вон* — Новиков; *Е.Варб* — Я.Ф.Браве; *В.О.Кибер* — В.И.Ребиков; *Н.И.Мюр* — В.В.Рюмин; *В.Нислобенди* — И.Д.Небольсин; *Нидефак* — К.Федин; *Фон-Римс* — Смирнов и др.;

— переразложение первичного имени (переразложение с сокращением либо с перфорацией): *Баб-Эль* — И.Э.Бабель; *Де-Нис* — М.Д.Денисов; *Ни-На* — Серафима Никитична Бажина;

— аббревиация разных имен: *Асготреп* — Н.Н.Асеев, С.М.Горodeцкий, С.М.Третьяков; *Гривадий Горпожакс* — Овидий Горчаков, Григорий Поженян, Василий Аксенов; *Кепир* — Е.П.Кипреева, С.В.Пирогов; *В.Н.Кор-ский* — В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненский; *Кукрыниксы* — М.Куприянов, П.Крылов, Н.Соколов; *Лев Рубус* — Л.Рубинов и Л.Успенский;

— слоговая аббревиация компонентов одного имени (слитная и расчлененная): *Алекник* — Ал.Ник.Винокуров; *Алмаге* — Ал.Макс.Герсон; *Анче* — Ант.П.Чехов; *Арген* — Ар.С.Генкин; *Васникст* — Вас.Ник.Сторожев; *Викнай* — Викт.А.Найда; *Корзелин* — Корней Зелинский; *Лайбов* — Николай Добролюбов; *Мибо* — М.А.Боголепов; *Ко-Ми-Фо* — К.М.Фофанов; *Ник-Нек* — Н.А.Некрасов; *Сер-Як-Ук* — С.Я.Уколов;

— аббревиация смешанного типа: *Абез* — А.Безруков; *Аз-Аль-Бов* — А.А.Богданов; *Азр* — А.В.Зингер; *Аско* — А.Скобелев; *Астов* — А.И.Стоврацкий; *Калев* — К.Лебедев; *Имрид* — И.М.Ридигер; *Илья Ильф* — Илья Файнзильберг; *Инвос* — И.Н.Востоков; *Бопре* — Б.Прегель; *Бэнер* — Б.С.Нерес; *Вевегри* — В.В.Григорьев и др.;

— аббревиация звуковая: *Ад* — А.Дмитриев; *Аис* — А.И.Сорин; *Виг* — В.И.Гранов; *Нир* — Н.И.Рафалькес; *Пан* — П.А.Никитин;

— аббревиация буквенного типа: *Аэль* — А.И.Леман; *Аэм* — А.А.Медведев; *Аэмша* — А.М.Шмидтгоф; *Аэрка* — А.Р.Кугель; *Беге* — Б.М.Горodeцкий; *Беесо* — Б.С.Ольшанский; *Веге* — В.А.Готвальд; *Ведека* — В.Д.Коровин; *Веоде* — В.О.Дембо; *Везль* — В.Л.Бектабеков; *Ве-ес-ка* — В.С.Карцев; *Оесша* — О.С.Штейн; *Вэ*

Вэ — В.Ф.Волынцев; *Вэ́та* — В.Т.Васильев; *Э́сэн* — С.Н.Берсенеv; *Э́мэс* — М.С.Варшавский; *Э́рэльбе* — Р.Л.Белаховский и др.;

— расшифровка инициалов в названиях букв кириллической и греческой азбуки: *Аз* — Я.Апушкин; *Аз-Аз* — А.О.Аблесимов; *Аз-Слово* — А.М.Семенов; *А́льфа* — Л.Ф.Алексееvко, 7; *А́льфа-Вита* — А.В.Васильев; *Бета* — Б.Н.Бугаев, 3; *Буки* — П.В.Быков, 4; *Буки, Веди, Глаголь* — В.Г.Балакирев; *Веди-Земля* — В.Заикина; *Веди-Како* — В.Н.Кораблев, 3; *Веди-Мыслете* — В.Майков; *Веди-Рцы* — В.В.Рюмин; *Веди-Слово* — В.А.Скрипцын; *Люди Земля* — Л.А.Заикина; *Рцы* — Н.С.Рашковский, 2; *Рцы-Мыслете* — Р.А.Менделевич; *Сигма* — А.Н.Селиванов, 4; *Слово Добро* — С.Я.Дерунов; *Слово Рцы* — С.Ф.Рыскин и т.д.;

— буквенно-числовые обозначения: *Два-ге* — М.Горький, С.Гусев; *Тривэ* — В.В.Воинов; *Три-ве* — В.В.Власов; *Три Дэ* — Д.Д.Дружинин; *Триэм* — М.М.Манасейна; *Триэс* — С.С.Гусев; *Три Фиты* — Ф.Ф.Филимонов;

— замена на подлинный или мнимый этимон первичного имени: *Белый ус* — И.А.Белусов; *Блоха* — В.Блохин; *С.Л.Бук* — С.Л.Букин; *Богема* — Д.А.Богемский; *Волк* — М.А.Волков; *Гудок* — Н.А.Гудков; *М.Комарь* — М.Ф.Комаров; *Сто* — М.М.Стопановский; *Убогий* — М.И.Убогов; *Утя* — И.Уткин; *Чуб* — А.П.Чубарев; *Щегленок* — А.А.Щеглов; *Южак* — Г.Д.Южаков;

— подстановка обозначения, синонимичного внутренней форме либо тематически связанного: *Б.Адамантов* — Б.Н.Алмазов; *Алмазов* — А.Ф.Рубинчик; *Г.Аргентов* — В.Н.Серебренников; *Беркут* — А.И.Орловский; *Бирюков* — И.Ф.Волков; *С.Ботиков* — С.П.Кораблев; *Николай Брагин* — Н.Квасников; *Ваня Гармошкин* — И.П.Скрипка; *Владя Яблочкина* — В.А.Груши; *В.Вербовский* — Ф.А.Липкин; *Б.Н.Воронов* — Б.Н.Лебедев; *Грошик* — С.И.Копейкин; *Зазубрин* — В.Зубцов; *Калий* — А.М.Селитренников; *С.Редькин* — С.Огурцов; *Сеннов* — В.К.Травский; *М.Топтыгин* — Л.Медведев; *Чижик* — А.Н.Иволгин; *Эфиоп* — Н.Г.Чернышевский и др.;

— антонимическая замена: *Мужецкий* — Е.М.Бабецкий; *Черта с два* — В.Богораз;

— калькирование: *А.Анастасьев* — А.Г.Воскресенский (Анастасий по-греч. «воскресший»); *Железнов* — И.Эйзен (нем. eisen — «железо»); *Жорж Деларм* — Юрий Слезкин (фр. larme — «слеза»); *С.Златогоров* — С.И.Гольдберг (нем. gold — «золото», berg — «гора»); *Камень-Виногоров* — Петр Вейнберг (греч. petros — «камень», нем. wein — «вино»); *J.Legros* — Я.Н.Толстой (фр. le gros — «толстяк»); *Ours* — Л.М.Медведев (фр. ours — «медведь»);

— каламбурное обыгрывание исходного имени в «продолженном»: *Кай-Цезарь* — Г.Я.Кайзерман; *Сахар Медович* — М.Сахаров;

— паронимическая аттракция, построенная на сближении с известными лексемами: *И.Аистов* — П.Н.Аристов; *Белосоколов* — А.П.Баласогло; *Брут* — Н.С.Броунд; *Вестун* — Д.Н.Вергун;

Золотой человек — Н.Н.Златовратский; *Л.О.Кармен* — Л.О.Коренман; *П.Луидор* — Лиодор Пальмин; *А.Лисин* — А.А.Лесин; *Сазан* — М.Сазонов; *А.Чародей* — А.И.Чередеев; *В.Огнещуров* — В.Аврущенко; *Сергей Поделков* — С.А.Подделков; *Игорь Храбров* — И.Грабарь и др.

Имено-метрическая номинация осуществляется в режиме конкретных коммуникативных намерений: сообщения либо сообщения и воздействия — и учитывает определенные закономерности создания и употребления имен, следовательно, в номинации актуализируются прежде всего знания информативных и аффектирующих возможностей у форм и формул именования. С принятой нормой антропонимического означивания, например, согласуется мена личного имени на другую единицу антропонимического тезауруса (*Александр Андреев* — Василий Андреев). В границах законов антропонимической деривации производятся изменения морфологической структуры имен при транспозиции этимологических суффиксов (*Андрусов* — Л.И.Андрусон). Актуализация этимологического принципа составления антропонимической формулы, когда дифференцирующим компонентом становится патроним (*А.Степанов* — А.С.Гриневский), тоже может быть отнесена к области представлений об особенностях русского именования. Известно, что реноминация по этимологической модели популярна и при обычной, «партикулярной» смене фамилии (см.: Короткова 1971, с.118). Такие необычные, на первый взгляд, способы, как усечение фамилии и буквенные замены, применялись в практике наречения внебрачных и побочных детей: *Лицын* — от *Голицын*, *Умянцев* — от *Румянцев*, *Дорошевич* — от *Дорошкевич* (Унбегаун 1995, с. 182).

При создании псевдонимов и выполнении общей информативной задачи на отклонение от реального имени отмеченные преобразования могут устранять трудности произношения, снимать нежелательные ассоциации, а также содействовать социальной мимикрии.

Прагматический фактор включается в номинацию уже при интерпретации фатической, контактоустанавливающей функции наименования. Это обнаруживается в отклонениях от правил официальной автопрезентации, когда вместо принятой формулы — фамилия + имя + отчество (фамилия + отчество; только фамилия) называющий использует личное имя, и более того — его разговорные формы (*Сашок* — А.Вермишев, *Артемьич* — И.А.Лаптейков). Однако установить частные намерения говорящего в этих случаях трудно без отнесенности имени к тексту, без учета текстового идейно-тематического своеобразия и особенностей авторской речи. В общем описании воздействующую силу подобных именований уместно связывать с интонацией доверительности, с «приближением» к собеседнику либо с провоциро-

ванием эмоционального отклика на необычное, экзотическое или комическое обозначение.

Аффектирующая способность увеличивается при использовании нетрадиционной для антропонимии дериватной техники. Поиски новых приемов словопроизводства, как правило, опираются на письменную, графическую форму имени и первоначально сводятся к применению форм интеллектуальной игры со словом: анаграммированию, палиндромам (*А.Вильдаге* — А.И.Дельвиг, *Нави Вольтк* — Иван Крылов), которые далее усложняются за счет использования переразложения и нарочитого расчленения (*Анд.Реев*, *Бек-Ивилов*, *Ани Ворбуд*).

Проговаривание инициальных компонентов стимулирует разнонаправленное развитие номинативных моделей: с одной стороны, лексикализируются синтаксические конструкции (*Слово Добро*), с другой, формируются аббревиатуры (*Аэмша*), и развитие аббревиации ведет к усложнению и смешению разных способов сложения сокращенных частей: *Аз-Аль-Бов* — А.А.Богданов, *Аллеовский* — А.П.Пятковский, *Астов* — А.С.Стварацкий, *Инвос* — И.Н.Востоков, *Мибо* — М.А.Боголепов.

Именно с псевдонимов аббревиация начинает свое развитие в русской системе словообразования. «Не без влияния аббревиатурно-псевдонимной практики со второй половины XIX века создаются условные телеграфные адреса и фабричные марки предприятий, именовавшихся, в силу частнособственнического характера производства, по фамилиям владельцев, ср.: Анказъ — Торговый дом А.Казачков и К°; Шагор — Ш.Горлин и сыновья; ТОВИГО — Торговый дом Л.П.Викторова; Д.Я.Голубева и К°. Прием одновременно распространился и на неантропонимические названия: ТРАРМ — Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник», ДЮМО — Донцко-Юрьевское металлургическое общество. Некоторые телеграфные адреса постепенно превратились в самоназвания: завод АМО, контора АФУЗО — (Алафузовых) (Алексеев 1970, с. 246—247). С начала XX столетия на аббревиатурных моделях идет интенсивное образование торгово-экономической терминологии (Санак 1995, с. 9).

В неантропонимической аббревиации быстро победило модельное словообразование, но псевдонимная аббревиация сохранила тенденцию к свободному конструированию, поскольку привлекательность звуковой оболочки в аббревиатурных именах призвана служить средством эмотивной «провокации». Возможность создавать необычные имена в сочетании с облегченным для номинатора поиском производящей основы детерминирует высокую продуктивность отынициальной деривации. Закрепившиеся модели стремятся к дальнейшему развитию, и уже без жесткой связи с инициальной основой по модельным схемам образуются новые единицы, ср.: *Буки* — Н.В.Обухов, *Буки-ба* — С.Н.Федоров и *Буки-Буки* — О.И.Сеньковский.

Способность к созданию разнонаправленных ассоциаций у лексикализованных конструкций, составленных из буквенных названий, также способствует номинативному подражанию, ср.: *Слово Рцы* — С.Ф.Рыскин и *Аз и Слово* — А.З.Фронштейн; *Аз Рцы Слово* — А.В.Арсеньев, *Рцы Слово Твердо* — Н.А.Потехин. Новое обозначение подгоняется под схему таким образом, чтобы возникла двойственность «прочтения», и совмещение разнородной семантики — семантики имени и семантики предложения — стимулирует в итоге образование эстетических коннотаций. Эстетическую окраску приобретают и псевдонимы, построенные по инициальной схеме с привлечением паремий¹: *Альфа и Омега* — В.И.Хиляк (книжная фразама «Альфа и омега», в свою очередь, отсылает к библейской цитате «Я есмь альфа и омега, начало и конец»). В результате «материнская» инициальная модель насыщается новым, более сложным и более емким содержанием.

Правило зеркальности — константа имено-метрического называния, но принцип, по которому создаются «двуплановые» трансформы, можно определить как принцип калейдоскопа, поскольку «осколки» имени, соединяясь друг с другом или с добавочными компонентами, выстраивают обозначение, за которым только знающий способен угадать исходное. Но выбор приемов преобразования направляется стремлением к двойным семантическим проекциям. Так, из фрагментов звукового или графического облика имени составляются псевдонимы, внешне совпадающие с известными лексическими единицами и допускающие возможность разнотолкования: *Au* — А.И.Маркевич, *Безе* — Б.Зильперт, *Ива* — Д.С.Иванов, *Ио* — И.С.Осипов, *Кит* — К.И.Троицкий, *Пан* — П.А.Никитин, *Ра* — Б.К.Рында-Алексеев, *Сам* — Самуил Закс, *М.Ясный* — М.Я.Балясный, *Аrs* — Арс.Авраамов, *Ave* — А.Аверченко, *Alibi* — Ал.Биск. В форме условных синтаксических конструкций подаются некоторые анаграммы: *Рви-Шеф* — И.А.Вермишев, *Рем-дул* — Я.И.Лудмер. Достраиваются в опоре на часть реального имени каламбурные псевдоимена: *Ре-Дис* — М.Н.Денисов, *Ре-Ми* — Н.А.Миронов, *Шут Ник* — Н.О.Ракшанин.

Перевоплощения затрагивают и внутреннюю форму настоящего фамильного имени: она проявляется, обретая самостоятельное обозначение, свободное от фамильных аффиксов (*Белый Ус* — И.А.Белоусов), проигрывается в синонимическом или тематически связанном обозначении (*Грошик* — С.И.Копейкин), преобра-

---

¹ По определению Г.Л.Пермякова, «паремии — устойчивые словесные конструкции, занимающие место среди разного рода языковых клише (это народные изречения, пословицы, поговорки, приметы и т.п.) (Пермяков 1975, с.247). Их следует относить к прецедентным единицам, но в отличие от прецедентных текстов, они представляют собой «короткие цепочки предложений» (Там же, с. 247).

зуется при каламбурных антонимических заменах (*Черта с два* — В.Г.Богораз), передается с помощью семантических калек (*Белов* — С.Бланк, фр. blanc — «белый»).

Экзотичность — тот ассоциативный заряд, в достижении которого смыкаются имено-метрическое и социометрическое название. По моделям иноязычных титулованных перекраиваются реальные имена и фамилии: *Барон Серж Буд* — С.С.Будченко, *Виконт д'Аверсен* — А.В.Арсеньев, *Граф Ежини* — Н.М.Ежов, *Де-Линь* — М.С.Линский, *Маркиз де Бен* — А.А.фон Беземан, *Сеньор Шиманиани* — С.А.Шиманский, *Сэр Гай* — П.А.Сергеев, *Сэр Гей* — С.А.Попов; разыгрываются анаграммы *Вали-Алла-Шах-Кызыл-Орды-Верды* — И.А.Вашков; расчленяются аббревиатуры *Д'Евека* — Д.В.Каррик. На экзотике звукообраза в контрастном отвлечении от имено-метрии и социометрии создаются фантастические, окказиональные имена: *Азиаде* — Е.П.Иванова; *Аллар* — А.П.Шлитт; *Алоа* — А.П.Бейлин; *Небизри* — В.Н.Васильева.

Рассмотрение основных тактических версий в разработке функциональной семантики псевдонима убеждает в том, что они не существуют в виде пучка разрозненных и разделенных маршрутов, напротив, тактические линии и попадающий в их поле действия производящий лексический материал часто перекрещиваются, наслаиваются, взаимодействуют друг с другом. Это обусловлено единым принципом денотации, который проявляется в отталкивании от положения вещей «*de re*» (как оно есть на самом деле) для того, чтобы утвердить положение вещей «*de dicto*» (как сказано). Экзистенциальная сущность субъекта, его жизненное «я», реальные связи, отношения, свойства и подлинное имя есть то действительное положение вещей, от которого в ключе «*de dicto*» ведется построение имиджа и осмысляются главные опоры: «я» — «человек творческий».

Схема 3

« <i>de re</i> »	« <i>de dicto</i> »
«я»	псевдоним (я — человек творческий)
я	<i>Не я, Alter ego</i>
имя	<i>Не скажусь, Ада Ф.,</i>
отчество	<i>Потапыч</i>
фамилия	
«человек»	<i>Ното</i>
биологический	<i>Жгучий глаз</i>
природный	<i>Адамант</i>
социальный	<i>Н.Е.Реформатор-р</i>

Извне тактические версии псевдоименования объединяет метафрейм «творчество», который побуждает номинаторов создавать образ и творческое имя в соответствии с ценностными ориентирами этой деятельности. В границах метафрейма частные номинативные интенции образуют два магистральных направления, одно из них нацелено на достижение диалогичности через эстетическое сопереживание, другое — на диалогичность через посыл социально значимой «объективной» информации. Оба зависят от личной оценки называющего достоинств содержания, вкладываемого в обозначение, и формы его объективации. Каждый из аспектов субъективного мнения влияет на вычленение мотивировочного контекста, пути преобразования его в контекст словообразовательный¹ и на организацию связей между денотатом и внутренней и внешней формой обозначения.

Эстетические коннотации возникают в подтексте, базу для которого создает наложение именного обозначения на содержание производящей основы и соотнесенной с ней информацией, полагаемой как заведомо известное, общее для коммуникантов знание. Наиболее специализированный мотивировочный контекст связан со знанием прецедентных письменных текстов. Словообразовательные контексты могут формироваться на клишированных формах деловых текстов, на заголовках художественных произведений и формулах называния персонажей (*Человек-зверь*, *Некто в сером*). Знание журнальных дискуссий, литературной полемики и других подробностей текущего литературного процесса обуславливает расшифровку некоторых псевдонимов, возникающих в семантической проекции к именам/псевдонимам оппонентов: например, А.Писарев присваивает себе псевдоним Пилад Белугин, полемизируя в 1825 г. с журналистом Орестом Сомовым (Дмитриев 1986, с. 40). Владение общим фондом прецедентных текстов помогает читателю постичь авторский замысел в псевдонимах, производных от имен литературных героев и авторов: *Иван Кузьмич Прутков*, *Эразм Петербургский*, *Николай Радищев*. Если имена автора или персонажа хорошо известны, они применя-

---

¹ С понятием мотивировочного контекста мы связываем область внеязыкового знания и общий уровень языковой компетенции, которые служат причинной рамкой для формирования контекста словообразовательного. Мотивировочный контекст включает ключевые сведения, важные для установления контекста словообразовательного. Словообразовательный контекст — производящая лексическая база и конкретная словопроизводственная модель, которые служат формальным и семантическим обоснованием для деривации. Строгих границ между мотивировочным и словообразовательным контекстами, очевидно, не существует, но первый в большей степени развернут к отдаленным от акта словопроизводства специальным и неспециальным знаниям, второй — к информации, непосредственно участвующей в номинации.

ются в качестве производящей лексики уже вне зависимости от конкретного текстового материала, но в ассоциативной отнесенности к общелитературной тематике и связанным с ней эстетическим представлениям.

Определенный эстетический эффект преследуют номинативные отсылки к некоторым структурным особенностям прецедентных текстов, подобным образом выстраиваются псевдонимы, обыгрывающие многокомпонентный состав заголовков в произведениях классицистов, имитирующие многочленные «паспортные» дискрипции и устойчивые в прошлом формулы письменных текстов: *Потомок Атиллы, житель реки Ра; Аверьян Любопытный, состоящий не у дел коллежский асессор, имеющий хождение по служебным делам и по денежным взысканиям; Иван Иванов сын Хохотенко-Хлопотунов-Пустяковский, отставной подпоручик, помещик разных губерний и кавалер беспорочности; Азъ грешный; Азъ многогрешный.*

Экспрессивная интонированность возникает и на уровне преобразования мотивировочного контекста в словообразовательный при опосредованном воплощении мотивировочного признака, что характерно для псевдонимов с образной условно-отождествительной, условно-контрастирующей, вариативно-продолженной и образно-игровой семантикой: *Коготь, Оса, Ундервуд, Дротик, Золотой рожок, Диоген, Нума Помпилий, Не-Гете, Родственник Магомета, Саратовский Боккачио, Оливер Свист, Тристан изо льда.* Установка на создание эстетически тонированного имени может актуализировать в мотивировочном контексте представления и образы, ассоциативно связанные с переживанием творческой деятельности и творческой субъектности. Они не несут прямой характеризующей нагрузки, а скорее пробуждают «поэтическое» видение либо реакцию на необычное именование: *Вечерний, Закатов, Звездин, Лазурнов, Ирис, Актан, Бином, Доремифасоль, Гамма, Динь-Дон* и т.п.

Экспрессивными возможностями обладает и словообразовательный контекст, вбирающий в себя эмоционально-оценочное содержание, выразительность в этом случае чаще всего создается лексическим мотиватором: *Побрякушкин, Всезнайка, Злой добряк, Петя Таксебешин, Прикащик Разлюлималиновский, Иван Незевайкин, Скороспелый, Мартын Мымрин* и др.

Мотивировочный контекст, в котором на первый план выходит интерпретация морфологической структуры именного знака и речевых правил его применения, служит основой для нескольких приемов именной экспрессивности. Среди них намеренное усложнение формальной структуры, конструирование многокомпонентного фамильного имени (*Агренев-Славянский*) и преобразование реального имени в окказиональную звуковую форму (*Амфи, Кафе, Авонамор, Девека, Д'Евека, Дваге*). В свою очередь, на отталкивании от структурных моделей русских и иная

зычных имен преобразуется словообразовательный контекст атрибутивного типа, а также выстраиваются комические и каламбурные имена: *Гиацинт Тюльпанов, Макар Телят Загоняев, Эфиоп Арапов, Семипядей Волбухин, Д'Актиль, Шарль Атан, Зуб'о'Скал* и т.д. Экспрессивный эффект создается при замене именного знака или формулы автопрезентации на иные грамматические единицы — местоимения, местоименные сочетания, предложения: *Я; Все тот же; Забудь меня! Имя мое с аза, прозвищем — проказа; Не скажусь*. Наконец, выразительность может достигаться контрастным отвлечением от семантической и формальной стороны реальных имен и продуцированием абсолютно произвольных, окказиональных единиц, чьи достоинства заключаются в благозвучии либо экзотичности звуковой оболочки: *Азиадаэ, Алоа, Аллар*.

Другой блок номинативных решений, разрабатываемый в русле метафрейма «творчество», объединяет установка на воплощение содержания с актуальным социальным смыслом и на обращение к социально значимой тематике. Мотивировочный контекст здесь может строиться на традиционных формулировках социоописания лица, словообразовательные контексты включают:

- атрибуцию местожительства: *Житель г. Тамбова, Здешний, Старожил, Старый петербуржец;*

- этнические характеристики: *Русский, Камчадал, Самоед, Эвенки;*

- социально-сословные различия: *Барон, Безлошадный;*

- указания на род занятий, деятельности, должности, чин: *Адмирал, Охотник с русскими гончими, Сельский хозяин, Офицер, Путешественник, Чиновник;*

- указания на политические убеждения, вероисповедание: *Космополит, Якобинец, Русский коммунист, Лютеранин, Равви;*

- партийность: *Член Артистического Кружка, Член общества, Один из провожавших;*

- пристрастия: *Театрал, Балетоман, Любитель природы, Любитель русской старины, Любитель палеографии.*

Мотивировочный контекст может соотноситься с проблемами, которые обсуждаются в обществе и переживаются общественным сознанием, словообразовательные контексты в этом случае содержат единицы, принадлежащие семантическому полю соответствующих концептов культурного сознания, например: *Недоля, А.Недолин, Неволя, Неволин, Бездомный, Безпросветный, Народин, Иван Вольный, И.Вольнов, Борецкая, Свободин*.

Называющий обращается также к осмыслению «параметров» коммуникативной ситуации, при этом словообразовательный контекст включает семантические операторы, определяющие отношение номинатора к аудитории (*Ваш; Свой; Ваш старый знакомый; Свой, а не чужой*) или позицию называющего в отношении какого-то сообщения (*Беспристрастный, Очевидец, На-*

блюдатель, Свидетель, Современник). К коммуникативным маркерам можно отнести и те, что характеризуют творческое кредо, позицию автора: *Новый поэт, Последний из лириков, Бытописатель, Резонер, Старый бард, Сказочник, Скорбный поэт, Романист*.

Мотивировка в опоре на реальную именную модель актуализирует этимологические способы производства фамилий от имен и отчеств (*Андреев* — А.Ладейщиков, *Александров* — Н.А.Семашко), мену имени при сохранении фамилии (*Андрей Соболев* — Юрий Соболев), модификацию структуры имени в соответствии с характерными для русского языка формами (*Андрусов* — Л.И.Андрусов) и различные структурные преобразования, которые способствуют нобилизации имени, но не выходят при этом за границы предопределенных языковой нормой структурных закономерностей (*Б.Ранский* — Г.О.Баранский, *Юр.Кин* — Ю.М.Курочкин, *Альбов* — А.Л.Богданов). Новое обозначение остается в пределах стереотипов, созданных языком для именных знаков социоразличения.

Были очерчены наиболее четкие линии развития мотивировочной семантики в силовом поле фрейма «творчество», однако сложное взаимодействие факторов эстетической и социальной значимости создает объективные условия для пересечения, соучастия в номинации разных интенций и различных способов отбора и преобразования мотивировочного содержания. Это объясняет обилие вариантов синкретичного и переходного типа, которые в целом помогает представить функционально-номинативная классификация.

Задачи описания номинативных моделей обусловили блочную подачу языкового материала, не дифференцированного в отношении разных исторических срезов, между с тем следует признать, что псевдоименование пережило определенное эволюционное движение. Сложности, связанные с поисковой техникой, с установлением более или менее точной датировки появления конкретных единиц, вынуждают отказаться от его детальной прорисовки, однако наметить возможные подходы к решению проблемы динамики в области псевдонимов мы попытаемся.

Уже отмечалось, что псевдоним возникает как знак авторства параллельно с инициальными и прочими графическими пометами в той же функции и связывается с представлениями об уникальной творческой субъектности. Семантическая нагрузка псевдонима и его причастность к особой сфере коммуникации воздействуют на характер номинации. Псевдонимы XVIII века контрастно отличаются от реально существующих имен, это могут быть шифрующие и экзотические названия — палиндромы и анаграммы: *Алиахим Вокуж* — М.Жуков, *Иерогирг Велешуг* — Г.Кушелев, *Нави Вольтк* — И.Крылов, *Божедар Жаркавин* — Ф.Коржавин; но чаще это условно-характеризующие наименова-

ния, выдержанные в «назидательной» манере. Их противопоставление обычным, традиционным для языковой действительности именам было подкреплено установками главенствующего художественно-эстетического направления, поэтому псевдонимы решались в той же условной манере говорящих имен, в какой создавались в литературе классицизма имена персонажей благородных или, напротив, сниженных, напр.: *Акинфий Сумазбродов* — А.П.Сумароков, *Патрикей Правдомыслов*, *Любомудров из Ярославля* — имп. Екатерина II, а также *Гурий Короткоумов*, *Галактион Кокареков*, *Агафья Хрипухина*, *Олимпиада Сердцекрадова*, *Василиса Топотоногова*, *Акилина Трещоткина*, *Правдулюбов*, *Остроперов* и др.

Дальнейшее движение в практике изобретения псевдонимов тесно связано с несколькими составляющими русской культурной жизни: с изменением общественной мысли, с усложнением литературного процесса и определенной динамикой литературного языка.

Усложнение литературной действительности, появление новых направлений и жанров, развитие индивидуально-авторских стилей способствовали усложнению текстовой трактовки образа автора. К псевдонимам — отчасти дополняя, отчасти продолжая их, но уже в ткани художественного текста — добавляются литературные маски. Образ автора в псевдониме начинает более плотно соприкасаться с текстом, согласовываться с его идейным и жанровым своеобразием. Псевдоним становится более реалистичным и более гибким по своим выразительным возможностям. См.: *Граф N.N.*, *Лука Еремеев*, *Русский путешественник*, *Старый московский житель* — Н.М.Карамзин; *Житель Тентелевой деревни* — Г.И.Гнедич; *Петр Ракитин* — К.Ф.Рылеев; *Вильгельм*, *В.Гарпенко* — В.Кюхельбекер; *Безгласный*, *Владимир Глинский*, *Ириней Модестович*, *Дедушка Ириней*, *Доктор Пуф*, *Емелька Аввакумов*, *Каллидор*, *Московский обыватель*, *Невский*, *Плакун Горюнов*, *Современник Глинки* — В.Ф.Одоевский.

Тридцатые годы XIX века называют временем «восстания псевдонимов» (Масанов 1963, с. 47). Они появляются в изобилии, поскольку развитие издательской деятельности сопровождалось увеличением числа литературно-художественных и критических публикаций, переводов и научно-просветительских работ. В ходе становления русской демократической публицистики усилилось внимание к социальным характеристикам творческого субъекта, и псевдонимы все чаще проникались злободневным идеологическим и социальным смыслом. Одновременно складывается сверхтекстовая полифония псевдонимных обозначений: имена создаются в отталкивании либо притяжении к именам оппонентов и единомышленников по эстетической, социальной, политической позиции. Постепенно происходит размежевание «серьезных» и комических имен, последние закреп-

ляются в текстах развлекательных журналов и публикаций и специализируются на решении особых художественных задач.

Во второй половине XIX — начале XX веков формируется репертуар номинативных моделей, благодаря которому псевдоним превратился в мобильное средство выражения авторской позиции, средство передачи социально значимой информации, возбуждения актуальных социальных смыслов, создания социально типизированных образов. В то же время более изощренными становятся и приемы эстетизации псевдоименных обозначений: используется звуковая образность, отдаленные ассоциативные проекции производящей лексики, свободное конструирование формы в аббревиатурном сложении и лексическом развертывании инициалов; в производство псевдонимов включаются прецедентные тексты и литературные паремии.

В послереволюционной России 20-30-х годов творческие имена сохраняют свою популярность, более того, вовлечение в писательскую работу широкого круга молодых авторов вызвало новый всплеск моды на псевдонимы. Изменения, которые произошли в псевдоименовании, не нарушили основных языковых тенденций, сложившихся в прежней системе, они коснулись главным образом отбора производящего материала. Уходит из употребления лексика, явно напоминавшая о бытовой культуре и общественном устройстве прошлого. Напротив, в псевдонимах получает отражение приоритетная социальная тематика, идеологемы и символы новой эпохи: *В.Рабкор* — В.А.Раппопорт, *Рабочий* — Ф.И.Богораз, *Филя Пастушок* — Ф.Шкулев, *Демьян Бедный* — Е.Придворов, *Виктор Совкредепов* — И.И.Корытов, *Иван Советский* — Ф.И.Бобылев, *Алая* — К.Ольховская, *Э.Багрицкий* — Э.Г.Дзюбин, *Багрянцев* — Н.С.Тихонов, *Кумач* — В.И.Лебедев. Эмоционально-оценочному восприятию подвергаются приметы измененной действительности. Приведем признание Евгения Скурко, выбравшего себе псевдоним Максим Танк: «Вырос я в деревне и поначалу хотел позаимствовать что-нибудь из области флоры, но оказалось, что растения чуть не все уже разобраны поэтами: Колас, Крапива, Чарот, Василек. Кроме того, следовать примеру — не значит ли повторяться? И я взял нечто противоположное — стальное, динамическое, мощное, соответствующее, как мне казалось, ритму и тревожному характеру времени» (Дмитриев 1977, с. 217).

Идеологическая установка на обновление культуры способствовала большей свободе именотворчества, и мода на псевдонимы, а часто и неумеренная тяга к оригинальничанью порождали в номинативных решениях пестроту, а иногда и заурядную безвкусицу, см.: *Всепомнящий, Красная Сова, Красный Дракон, Безбрежный, Хмельной, Монокль дьявола*. Однако на выбор приемов прорисовки авторского имиджа продолжают оказывать влияние установки как эстетической, так и социальной ориентации.

Эстетическая окраска по-прежнему создается условно-поэтической образностью природнометрических названий, экспрессивными возможностями производящей лексики, приемами нобилизации звуковой оболочки имени и намеренного преобразования структуры имени.

С течением времени энтузиазм вокруг псевдонимов постепенно угасает, и увлечение именами, ситуативно привязанными к отдельным текстам, проходит, уступая место созданию псевдонимов долговременного использования. Это заставляет номинаторов отказываться от изощренной игры со словом в пользу узальной антропонимической модели и обычного для фамильного имени грамматического оформления. Причины, побуждающие авторов создавать псевдонимы, все чаще начинают совпадать с теми, которые подвигают людей к изменению наследственного имени: социальная и этническая мимикрия, устранение нежелательных ассоциаций при восприятии внутренней формы именования, стремление к возможному облагораживанию его звуковой оболочки.

Раздел III.

ИСКУССТВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ В ТОПОНИМИИ

Существует явное расхождение между функциональными типами искусственных имен в антропонимии и топонимии. Исторически сложившаяся норма антропонимического именования, ориентированная сначала на список календарных христианских имен, затем на оформившийся под его влиянием именной тезаурус, блокировала возможность для активности искусственной номинации в официальном антропонимическом именовании. Она заполняет ту нишу ономастического пространства, которая образуется с появлением условных авторских имен.

В топонимии общественная значимость искусственной номинации, напротив, относится к официальному именованию, и здесь ценностный ориентир «общественной пользы» организует усилия номинаторов. Хотя ко времени пробуждения искусственной номинации никаких предписательных норм в топонимии не существовало, в языке в качестве стихийных регуляторов действовали устойчивые назывательные стереотипы, поддержку которым давали общий опыт языкового членения географического пространства и традиции именного обозначения. Геопропространственные представления и особенности их вербализации при топонимическом означивании, традиционное и новое в практике искусственной топонимической номинации, устойчивое и изменчивое в ее динамике — таковы узловы́е вопросы, на решение которых нацелен следующий раздел.

Ландшафтное пространство и разновидности топонимической номинации

Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что может выразить в словах, но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его с чем-то и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки.

В.Гумбольдт

Проблемы топонимической номинации лежат в русле проблем языкового означивания ландшафтного пространства — пространства земной поверхности, ее рельефа, созданного природой и достроенного либо преобразованного человеком. В процессе языкового означивания ландшафтного пространства смыкаются концептуальная картина мира и языковая, поэтому теоретическое решение проблемы языковой интерпретации ландшафтных представлений связано с обсуждением двух проблем: как воздействуют на языковое отображение 1) снятые образы ландшафтной реальности и концепты, представляющие ее в общей картине мира; 2) сама система языка.

Совокупность представлений о геопространственной реальности образует в системе мировидения ее особый фрагмент — топографическую, или ландшафтную, картину мира (ТК). Будучи результатом активной познавательной работы сознания, ТК резюмирует, собирает субъективный образ объективной реальности и входит в класс идеального, «которое, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в разных формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них» (Постовалова 1988, с.25).

Репрезентативная функция является важнейшей функцией ТК, поскольку в процессе познания она замещает собой и представляет в сознании человека онтологическую форму существования ландшафтной реальности. ТК организует и упорядочивает множественные реакции, возникающие в ходе постижения пространственной среды (впечатления, представления, истолкования, понятия), обобщает и концептуализирует снятую информацию и тем самым удерживает ее в мышлении и памяти человека. ТК выступает как итог состоявшейся ментальной интерпретации реальности, но она одновременно создает предпосылки для последующей познавательной активности. Ухватывая логику мира и устанавливая пространственные точки отсчета, сознание постигающего мир субъекта переносит, распространяет их на новые зоны осваиваемого геопространства — эту функцию ТК, совпадающую с возможностью развертывания в последующей многогранной деятельности человека, можно обозначить как *прогностическую*.

Однако сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, вбирает не только знание об объектах познания, противостоящих его субъективному миру, оно включает также некое «переживание мира» (Постовалова 1988, с. 20), и концептуализация ландшафтного видения сопровождается притяжением к главному, базовым концептам отображенных эмоционально-психических реакций и к ценностным ориентирам культуры. Это способствует пересечению ТК в рамках общей системы мировидения с представлениями религиозного, научного, утилитарно-практического, эстетического характера и т.п. Функция согласования ТК с целостным пространством культуры есть функция *культурно-репродуктивная*. К ней примыкает функция продуктивная, или креативная, связанная со способностью ТК к расширению, усложнению, а следовательно, и к обогащению картины мира в целом.

Как результат обобщения совместного опыта освоения ландшафтной действительности ТК стремится к объективности, к признанию коллективным сознанием ее объяснительных возможностей аксиоматическими, в наибольшей степени удовлетворяющими целеполаганию различных сфер жизнедеятельности человека. Однако надличное в ТК сопрягается с индивидуальным и личным, поскольку субъективное присвоение общего знания всегда индивидуально. Кроме того, познавательная активность отдельных людей, их исследовательский поиск может, как известно, вносить новое в общую систему геопространственных представлений.

ТК объективируется прежде всего в языковых текстах (текстах первичного означивания) и в текстах вторичных семиотических систем — картах, планах, схемах, рисунках и пр. Учитывая концептуальный характер геопространственных представлений, обратимся к базовым составляющим ТК — тем ее операциональным структурам, какие складываются в ходе взаимодействия человека с окружающей природной реальностью. Здесь мы воспользуемся теоретическими объяснениями ментального восприятия пространства, изложенными в работах норвежского исследователя К.Норберга-Шульца (Norberg-Schulz 1971, 1979).

К.Норберг-Шульц опирается на разработки западной философии человека, в частности экзистенциальной философии Мартина Хайдеггера, на его понятие «вещи», концентрирующей в себе основные характеристики мира, и трактовку основной цели существования человека и окружения. Автор сосредоточивается на понятии места, утверждая, что каждое действие, событие привязывается к определенному месту (буквально — имеет место); место — это данность, уточняющая характер события¹. Кроме того, человек воспринимает окружающий мир не абстрактно, а как конк-

---

¹ М.М.Бахтин называл этот феномен восприятия «органической прикреплённостью, приращённостью жизни и ее событий к месту» (Бахтин 1979, с. 374).

ретное явление, имеющее вещные характеристики — материал, форму, структуру, цвет и т.д., и человек стоит перед необходимостью проявлять себя по отношению к этим характеристикам, собирать их в нечто целое, вместе, «в месте» (Norberg-Schulz 1979).

Элементарными концептами (или ориентирами, по Норбергу-Шульцу), участвующими в организации пространственных представлений, выступают «место», «направление», или «путь» (длительность), и «зона» — ограниченное пространство, или область владения. Место — это основной элемент жизненного пространства, и каждое место имеет собственную пространственную структуру, которая выявляется через основные характеристики: вертикаль и горизонталь, внутри и снаружи, спереди и сзади, справа и слева. Места, по Норбергу-Шульцу, это главные элементы жизненного пространства, «это центры или цели, в которых мы выражаем значимые события нашего существования, но они также и пункты отсчета, откуда мы ориентируем себя и познаем наше окружение, что относится также и к местам, которые мы лишь ожидаем увидеть» (Norberg-Schulz 1971, с. 272). Помимо основных характеристик, место характеризуется через соотношение с рядом величин общего и частного свойства, все величинные ряды, отмечает автор, охватывают основные типы мест, известные нам из обыденного и привычного языка: «долина», «котловина», «остров», «деревня» и т.п. (Там же). Таким образом, ландшафтная картина складывается из богатства разнообразных мест, представления о которых объективируются средствами языка.

Через «названные места» интерпретирует человек познаваемое ландшафтное пространство, однако уровни и аспекты его осмысления различны: в частности, можно выделить экзистенциальное пространство — пространство, обжитое человеком и формирующее у него устойчивый образ его окружения; другому уровню восприятия соответствует познавательное пространство известного человеку мира; далее — априорное пространство, или пространство, понимаемое как объективно существующая, но пока не познанная земная поверхность; есть также художественное, мифологическое, теологическое пространства, репрезентированные в соответствующих текстах.

В языке концепт «места» реализуется прежде всего с помощью географической нарицательной лексики, географических терминов, описывающих поверхность Земли в подробных и разнообразных характеристиках. В дополнение к географическим апелляциям язык вырабатывает систему индивидуализирующих, собственных имен, которые называют объекты наиболее значимые для духовно-практической деятельности человека. Соизмеряя свое «бытие в мире» (по М.Хайдеггеру), человек ставит в зависимость собственную сохранность от окружающей природной среды и охранительного слоя культуры, поэтому топонимичес-

кое именование происходит в свете осознания бытийных ценностей. Среди них различаются ценности естественно-природные — те свойства объекта, какие имеют отношение к физическому здоровью и благополучию человека; формальные — осмысляемые как особенные качества величины, формы, фактуры поверхности, окраски объекта; познавательные — важные для включения сведений о пространственной реальности в общий фонд энциклопедического и специального знания; потребительские — связанные с владением и практическим использованием объекта; сакральные — относящиеся к различению священных мест; эстетические — отражающие восприятие реалий в свете представлений о прекрасном, гармоническом; исторические — детерминирующие название места по его связи с неординарными событиями прошлого и современности и др. Таким образом, представленное в топонимических названиях пространство может быть охарактеризовано как неоднородное с точки зрения субъекта, воспринимающего мир сквозь призму ценностей своей жизнедеятельности.

В языковой системе топоним наделяется специфическими функциями, предопределенными его общеречевым использованием: это функция *локации* — указания на место, *индексации* — выделения отдельного из ряда однотипных, однопорядковых объектов; *именования* — индивидуализирующего называния. Триединство этих составляющих образует функциональную семантику знака. От особенностей ее воплощения в номинативных процессах зависит характер и результат номинативных действий, а целеполагание и номинативные интенции в частных актах топонимического называния будут неизбежно нести на себе печать сложившихся ценностных и мировоззренческих представлений.

Модели топонимической номинации, сформировавшиеся в русском языке к XVII—XVIII векам, основывались на знаниях, идущих от двух ветвей культуры. Одна из них — культура народная, сопряженная с традиционным крестьянским бытом, народными обычаями, фольклором и устной формой существования языка. Здесь были выработаны стихийным народным опытом номинативные модели естественной топонимической номинации, и среди ее содержательных мотивов важное место принадлежало установлению пространственной координации: указанию на месторасположение объекта относительно других пространственных реалий; на отдаленность/близость к обжитой территории; на размещение в центре или с краю, вверх или вниз определенной ландшафтной зоны.

При назывании получали характеристики свойства природного фона: флора, фауна, почвенные, гидрологические особенности и т.п. Топонимы передавали некоторые физические (или формальные) признаки: размер, форму, акустические, колористические характеристики, важные для различения и опознания

объектов. Высокую продуктивность имело название — указание на тех, кто населяет или использует объект в своей хозяйственной деятельности, и на виды трудовой активности, с которой он связан. В топонимии находили отражение следы религиозных представлений, если объект осмыслился в поле действия сакральных сил. Наконец, в названиях проявляло себя оценочное и эмоциональное восприятие, квалификация каких-либо свойств реалии с точки зрения эстетической или прагматической ценности. В стихийном движении естественной номинации, в отвлечении от главных линий восприятия и осмысления окрестной обжитой территории сформировались устойчивые модели топонимического обозначения, поддерживающие образ известного, знакомого ландшафта.

Другая из ветвей культурной именной традиции восходила к деятельности русской Православной церкви и моделям именования культовых объектов — храмовых построек и монастырей. Правила конфессионального наречения подчинялись общему своду идей православия. Утверждение приоритетов веры и ее прославление выступали в качестве главных интенций именования. Названия присуждались в честь святых, в честь храмовых икон, христианских праздников, великих деяний и чудес¹. Модели церковного посвящения были прочно усвоены языковым сознанием, так же, как и стереотипы связанного с ним возвышенного переживания гуманистических идеалов.

В период становления искусственной топонимической номинации языковой опыт носителей языка был ее главной основой, поэтому модели естественной, народной номинации и номинации церковной нашли последовательное применение в практике искусственного наречения. Немаловажное значение для развития новых моделей именования имело западноевропейское культурное влияние и заимствование некоторых номинативных традиций (об этом подробнее см. в разделе IV).

Однако, говоря о начальном периоде в развитии искусственной топономинации, необходимо отметить, что изменился соци-

---

¹ В христианской православной и католической традиции название-посвящение известно давно. Было бы заманчивым усматривать здесь ранние факты искусственной номинации, но основания к тому выглядят не вполне убедительно. Главная причина заключается не во внешних приметах деятельности — подобные названия могли отражать стихийно закрепляемую связь с чудесными явлениями или почитаемыми святыми и могли быть следствием целенаправленного возвеличивания некоторых исторических фигур и событий. Религиозные названия-посвящения избираются и при общем согласии мира, и в соответствии с пожеланиями отдельного лица, на пожертвования которого возводится церковное сооружение. Важно другое — концептуальность самой трактовки деяния: название исходит не от конкретного человека, «авторство» принадлежит воле божьей, человек лишь следует ее предначертанию.

альный контекст номинативной деятельности. Право наречения получали лица, наделенные определенными социальными полномочиями — полномочиями административной власти, высокого общественного положения, авторитетом научного и специального профессионального знания. В Петровскую эпоху бурно развернувшиеся работы по строительству новых поселений, заводов, предприятий способствовали появлению и закреплению нового поведенческого стереотипа — опережающего называния: искусственное ландшафтное сооружение еще только начинало возводиться или существовало лишь в геометрическом пространстве плана, а его статус и наименование уже были определены. Так создавались имена многих новых городов и поселков, в этом же ключе вырабатывались названия парковых и дворцовых ансамблей.

Другой поведенческий стереотип, обязанный своим появлением времени становления Российской Империи, — блочное административное именование и переименование внутригородских объектов: например, в Петербурге Сенатскими указами от 1856, 1858 и 1859 годов, а также рядом последующих постановлений десятки улиц и переулков были названы по городам, рекам и губерниям России (Поспелов 1996, с. 128). Фрейм блочного называния, как и фрейм называния «картированного» будут и в дальнейшем оказывать воздействие на акты искусственного топонимического наречения.

В настоящее время искусственная топонимическая номинация имеет важное общественное значение, поскольку отвечает насущным задачам практической и духовной деятельности. Не случайно особенности содержательной стороны искусственных урбанонимов и ойконимов активно обсуждаются в лингвистической литературе (Горбачевич 1964; Суперанская 1966; Трубе 1968; Никонов 1969; Подольская 1974; Инжеватов 1975; Иванова 1977; Смолицкая 1982; Горбаневский 1989; и т.д.).

Традиционно искусственные имена обращали на себя внимание при анализе ойконимии, названий совхозов и колхозов, урбанонимии (Морозова 1967; Ткачук 1973; Беленькая 1974; Горбаневский 1979; Кузнецова 1982; Першина 1983; Маршакова 1985; Рамазанова 1986; Егорова 1988; Тимофеев 1988; Мезенко 1992; Поспелов 1996; и др.), они привлекались как сопоставительный фон для анализа регионального материала естественной топонимии (Кусков 1972; Воробьева 1973; Гулиева 1984; Никонов 1985; Чернышева 1988; и др.). Но база данных для искусственных названий природных объектов обычно уступает аналогичным именам для объектов, созданных руками человека, а между тем «природная» топонимия, пожалуй, наиболее интересная зона действия искусственной номинации; поскольку здесь вступают во взаимодействие модели, ведущие свое происхождение от разных направлений топонимического наречения.

Номинативные модели, стратегии и тактики искусственной топонимической номинации

Исходный модус, в котором осуществляется искусственная топонимическая номинация, — модус «измерения», установления отдельности и соположенности ландшафтных реалий. Денотат топонимического имени предстает как реально существующее место, узnanное и освоенное человеком, включенное в круг его знания и в бытийное пространство. В качестве объекта онимического означивания локус просматривается в двух проекциях: как принадлежность мира «вещей», достаточно автономных в своем существовании, и как принадлежность мира человека, средствами языка присваивающего себе и тем самым «очеловечивающего» географическое пространство. Такая двойная проективность находит отражение в семантической структуре самого топонима: референтная отнесенность к вещному пространству передается преимущественно денотативным содержанием и семантикой номенклатурного термина, сопровождающего топоним и сообщающего ему родо-видовую отнесенность. Этот семантический блок можно описать через семы «место» и его «род» или «вид» (или в дейктической трактовке интерпретировать через схему «вот этот предмет, а не другой такой же»). Внутренняя форма и собственно индивидуализирующее категориальное значение в большей степени развернуты к антропоцентрической позиции и действующему в ее смысловом поле субъектному фактору. В свете антропоцентрического видения место интерпретируется как «особое» и обладающее своими «особенностями», различие которых оказывается прагматически значимым для человека.

Само формирование нового топонимического обозначения происходит в свете добавления, приращения антропоцентрического смысла. Первичное фрагментирование ландшафта и подведение его реалий под определенные топоклассификаторы осуществляется с помощью нарицательных терминов: они закрепляют итог ментальных операций сравнения, сопоставления, различения и обобщения типических свойств реалий. Первый круг познания, в границах которого дается ответ на вопрос «что это?», вполне довольствуется обобщающими понятиями: это «заводь», «мыс», «остров», «хребет», «отрог» и т.д. Второй круг освоения позволяет на основе известного, уже данного в знании, продуцировать новое значение и выделять через именное название то, что наиболее значимо для говорящих. Фактор прагматической ценности обнаруживает себя в том, что, присваивая собственное имя, человек не только закрепляет информацию о природном объекте, но также переводит ее в план соотноснения с другими сущностями, важными для человеческого восприятия мира, и прежде всего на первый план выступает ценность общей пространствен-

ной ориентации, а также значимость использования объекта в многочисленных видах человеческой деятельности.

Таким образом, природнометрические и социометрические импликации внутренне присущи топонимическому обозначению, но к ним подлежит добавить возможное проявление особой субъективной координаты — действия эпистемического фактора в процессе именования, а именно, выражение оценки, эмоционально-оценочного отношения, образного видения, эстетических представлений и пр. В ходе номинативного акта виртуальная структура топонима облекается в материальную форму, объективируется в лексическом знаке, предназначенном к выполнению функций идентификации и индивидуализации. Для того же, чтобы объяснить динамическую сторону объективации, необходимо установить содержание пропозиции к номинативному действию и содержание собственно номинативной процедуры.

В акте номинации словообразовательного порядка имеют место две разные логические операции — мысленное подведение объекта под известный класс явлений (категоризация и отождествление обозначаемого) и мысленное соотнесение его с другими предметами, признаками, явлениями. Первая операция соответствует выбору ономаσιологического базиса обозначаемого, вторая — выбору его признака (Кубрякова 1977, 1978, 1981). Если «первая операция есть акт классификации», то вторая — «установление ассоциативных связей» (Кубрякова 1981, с. 101). В искусственной топонимической номинации ономаσιологическому базису в первую очередь соответствует топографическое ранжирование — подведение обозначаемого объекта под определенную рубрику топографической классификации, сложившейся в данном языке, то есть установление родо-видовой отнесенности реалии и закрепление ее в терминологическом географическом номене. Поскольку в искусственной топонимической номинации номинатор прогнозирует, предусматривает заранее лексико-категориальный статус будущего обозначения, то вторым слагаемым ономаσιологического базиса становится виртуальная лексическая функция, или понятийная сема «индивидуализации». Родо-видовая отнесенность и сема индивидуализации составляют ту часть пропозиции к номинативному акту, которая зависит от знания общих свойств объекта и наличия рациональной целеустановки на создание имени собственного. Однако пропозиция не ограничивается лингво-логической процедурой подведения обозначаемого под абстрактную обще- и частнокатегориальную семантику онома. Другая часть пропозиции — частная номинативная установка, субъектная намеренность, или интенция называния. Она определяет выбор ономаσιологического признака для собственно индивидуализирующего обозначения и задает

ракурс «демонстрации» объекта в названии как выделенного на тех или иных основаниях.

В словопроизводственном акте ономаσιологический признак ставится в известное отношение к ономаσιологическому базису, и организованная таким образом связь закрепляется в виде словообразовательного или мотивировочного значения в структуре производного топонима. Благодаря мотивировочному значению в производном имени создается ассоциативная проекция между внутренней формой, отражающей мотивировочный признак, и понятийно-предметным содержанием. Поэтому на момент рождения географического имени мотивировочное значение выполняет чрезвычайно «ответственную» функцию — оно координирует, внутренне упорядочивает совокупность множественных семантических компонентов имени, выстраивает их в единую и целостную семантическую структуру и, подобно аргументу, объясняет саму возможность знака выполнять возложенную на него языковую функцию.

Следует подчеркнуть, что внимание к мотивировке и явлению мотивированности собственных имен традиционно для топонимики и ономастики в целом. Широкие объяснительные возможности, какие дает установление мотивировочных связей, в равной степени используются для построения научных версий как в синхронических, так и в диахронических, этимологических исследованиях. Число работ, где так или иначе истолковывается мотивировка и мотивированность собственных имен, огромно, но при обилии частных позиций и мнений можно выделить две основные линии верификации явлений. Первая идет от рассмотрения дотопонимического значения основ либо корневых морфем к распределению их по тематическим или лексико-тематическим группам с последующим выведением некоторых семантических формул (Никонов 1965; Беленькая 1969; Морозова 1974; Смолицкая 1982; Бушенев 1985; Земскова 1996; и др.). Таксономия осуществляется на основе установления общей семантики у производящих лексем.

Другой подход к содержательной мотивации топонимов предполагает наличие какого-либо ономаσιологического «элемента», выступающего в роли объединителя группы имен и являющегося внешним по отношению к ним. Традиционно это направление связано с установлением ведущих мотивировочных признаков¹, которые объединяются на логико-семантическом основании в ономаσιологические модели — принципы номинации; через принципы номинации, в свою очередь, ведется ономаσιологическое

---

¹ Термин «мотивировочный признак» в значении «конкретный различительный признак, основа внутренней формы названия» был введен И.С.Торопцевым (Торопцев 1970).

описание тех или иных семантических или лексико-семантических моделей в разных ономастических группах¹ (Головина 1970; Чайко 1971; Ковалева 1972; Рудных 1972, 1974; Воробьева 1973; Ткачук, Ильенко 1973; Дьяконова 1974; Матвеев 1977; Голев 1979; Никонов 1985; Фомин 1985; Муллонен 1988; Чернышева 1988; Беспалова 1991; Овчар 1991; и др.). Продуктивность данного подхода подтверждена широким внедрением в ономаσιологические исследования разнообразного лексического материала (Гинатуллин 1971; Голев 1981; Уюкбаева 1983; Сетаров 1984; Дьякова 1984; Иванов 1985; Чинок 1985; Копчева 1985; Сологуб 1987; Комолова 1972; Попович 1984; Араева 1981; Шкатова 1984; Стрижевская 1975; и др.).

В рамках обсуждения проблемы мотивировки в теории номинации мотивировочные признаки классифицируются как квалификативные и релятивные (Гак 1977), реальные и условные (Голев 1980; Копчева 1985), отобъектные, отсубъектные, отадресатные (Рут 1992). Кратко суммируя итоги предшествующих наблюдений, отметим, что при рассмотрении процессуальной стороны номинации характер мотивировочного содержания неизменно соотносится с разновидностями номинативных процессов и отличием их результатов.

В свете положений когнитивной лингвистики открывается перспектива для того, чтобы сблизить оба направления верификации и углубить представления о типах топонимического наречения. Предпринятая далее попытка выявить специфику номинативных моделей искусственной топонимической номинации опирается на процедуру структурирования мотивировочного содержания и установления особенностей соотношения между ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком. Поскольку производное слово обладает свойством двойной референции «устанавливающей связь и с миром как он есть и с миром слов» (Кубрякова 1988, с. 169), структурирование мотивировочного содержания топонимов, думается, целесообразно производить через комплексное ономаσιолого-семасиологическое обоснование, тем самым можно выявить характер соединения в объеме мотивировочного содержания ведущих сем географического апеллятива и актуализируемых сем производящей основы для собственно именного обозначения. «Кофигурацию», образуемую этими разными семантическими компонентами, или семантическими множителями, семантическими признаками, по Ю.Н.Кара-

---

¹ В топонимических исследованиях наиболее активно применяется классификация принципов номинации, предложенная Н.Б.Ковалевой: 1) номинация объекта по связи его с человеком; 2) номинация объектов по связи с другими объектами или предметами действительности, каким-либо образом связанными с ними; 3) номинация объекта по его свойствам и качествам (Ковалева 1972, с. 76).

улову (Караулов 1980), мы расцениваем как семантическое микропространство производного географического имени, а протяженность и объем семантического пространства анализируем через термин «семантическое расстояние».

Понятие семантического расстояния получило внедрение в структурной лексикологии при установлении семантической близости между единицами ЛСК, ЛСГ, которые относятся к общим семантическим полям и организуют некоторые семантические пространства, а также для установления степени семантической близости текстов (Якушин, Ярославцева 1980; Новиков, Ярославцева 1990; Казарин 1992). Процедура установления семантического расстояния базируется на методе кластерного анализа (Дюран, Одел 1977) и чаще всего сопровождается геометрическим моделированием кластеров, то есть изображением на плоскости группы семантически связанных элементов, или «группы, в которой любые два элемента связаны по крайней мере одним путем» (Новиков 1990, с. 12). Поскольку формальные методы установления семантического расстояния «могут применяться практически к любым объектам, между которыми может быть выявлена и зафиксирована связь» (Новиков 1990, с. 12), допустимо использовать их при выявлении объема семантического микропространства, организованного семами географического термина и топонима в их отнесенности к одному и тому же денотату. Характер отношений, устанавливаемых между ними, позволяет, на наш взгляд, объяснить разность номинативных решений. Рассмотрим их конкретные варианты.

Семантическое пространство мотивированного топонима может быть организовано за счет денотативного значения номенклатурного термина — лексический мотиватор в этом случае буквально повторяет форму номенклатурного термина: нунатак Нунатак («нунатак» — скала, возвышающаяся над поверхностью ледника). В процессе мотивировки объект подводится к определенному виду (или роду), и классифицирующее значение «укрупняется» до значения индивидуализирующего. (Ср.: «Как зовут твою собаку?» — «Я так и называю его Пес».) В топониме дифференцирующие и обобщающие семы лексического мотиватора уходят вглубь, уступая первенство категориальной семе индивидуальности. Аналогичным образом осуществляется мотивировка, построенная на отражении иерархических родо-видовых отношений: пещера Шахта («шахта» — разновидность вертикальных пещер). Оба варианта мотивировочной семантики с известным допущением можно трактовать через единую формулу мотивировочного значения: «индивидуализируемый объект — типичный представитель рода, вида, класса». Номинации такого типа обычно квалифицируют как отождествляющие или парадигматические (Голев 1971, Рут 1992), они построены на отражении комплекса реальных признаков денотата, которые вос-

принимаются в нерасчлененной целостности: «Если же комплекс признаков воспринимается номинатором в своей нерасчлененной целостности, то номинация может осуществляться только через отождествление с предметом, также обладающим заданным количеством признаков... Подобные отождествляющие номинации демонстрируют определенного рода безразличие к познанию различительных признаков и свойств объекта — номинатору удовлетворяется прежним знанием» (Рут 1992, с. 25). То, что познано при эмпирическом освоении реальных свойств объекта либо известно в силу специального или житейского знания, не подвергается в номинативных актах дальнейшей детализации, но лишь переводится на другой уровень языковой абстракции.

Топоотождествляющая номинация интересна в том отношении, что позволяет увидеть тесную спаянность географического термина и топонима, пластичность топонимической номинации, ее мобильность в отражении внутренних связей системы ландшафтных обозначений. Однако нужно признать, что отождествляющая номинация свойственна в большей степени естественно формирующимся микротопонимическим системам, в которых скольжение «нарицательный термин — топоним» и «топоним — нарицательный термин» отражает стихийно протекающий процесс языковой динамики. Для искусственной номинации с ее стремлением к параметрической и категориальной точности, к установлению четких границ между онома и апеллятивом она скорее исключение из правил, нежели явление общего порядка.

Иные номинативные решения складываются при расширении семантического пространства в мотивирующей семантике. Это происходит, когда компоненты семантики номенклатурного термина получают распространение, детализацию, предикацию — в широком смысле — в тех семантических признаках, которые актуализируются в лексическом мотиваторе. Если представить в виде «топографического толкования» (Арутюнова 1980, Уфимцева 1988) вещественное значение географического термина, то конкретные реализации характеризующей предикатной семантики вполне прозрачно демонстрируют лексические мотиваторы многих мотивированных географических имен. Возьмем в качестве примера для объяснения названия дальневосточных вулканов. Словарь дает следующее определение географическому номену: «вулкан — коническая гора с кратером на вершине, через который время от времени из недр земли извергаются лава, пепел, горячие газы, пары воды и обломки горных пород» (БАС). Следуя операциональному пониманию семантических признаков как компонентов, манифестируемых словарными определениями, словами и синтагмами их составляющими (Караулов 1976, с. 185), выделим семантические признаки, составляющие значение географического термина: 1) место; 2) фрагмент природного ландшафта; 3) гора; 4) обычно больших размеров; 5) обычно ко-

нической формы; 6) с кратером на вершине; 7) циклически извергающим; 8) извергающим огонь, пепел и т.д. Отдельные семантические признаки, а также их комбинации «прорабатываются» в семах лексических мотиваторов, ср.:

1) «место» — вулканы Заречный, Озерный, Прибрежный, Междусопочный, Ущельный, Авачинский (возле реки Авача);

2) «фрагмент природного ландшафта» — вулканы Березовый, Медвежий, Ветровой, Снежный, Ягодный;

3) «гора» — вулканы Ступенчатый, Пологий;

4) «обычно больших размеров» — вулканы Большой, Высокий, Низкий;

5) «конической формы» — вулкан Острый;

6) «конической формы с кратером на вершине» — вулканы Тупой, Обрубленный;

7—8) «циклически извергающий» + «извергающий огонь, пепел...» — вулканы Активный, Бурлящий, Бескурный, Горелый, Горящий, Сухой и т.п.

Семантическое пространство мотивирующей семантики может уплотняться, не подвскаывая при этом расширению. Это происходит при нанизывании разных семантических признаков в лексическом мотиваторе — вулканы Ближний Плоский, Левобережный Конус, Белая Вершина и т.п. В целом такого рода номинации можно рассматривать как **характеризующие дескрипции**: они закрепляют в индивидуальном обозначении реальные, эмпирически освоенные свойства и отношения объекта. Семантическая структура характеризующих дескриптивных имен во многом опирается на фреймовое знание признаков денотата и «регулируется исключительно закономерностями и реальностью предметного мира» (Уфимцева 1988, с. 132). Общее мотивировочное значение дескриптивной модели сформулируем так: «индивидуализируемый объект (ИО), действительные свойства которого характеризуют его как...».

Особого комментария среди номинаций дескриптивного типа заслуживают те, в мотивировку которых включается прагматический фактор — субъективное отношение называющих к объекту наречения. Субъективное восприятие в этом случае есть реакция на действительные свойства реальных. Нередко она проявляется в виде «экспрессивной квалификативной (параметрической) характеристики» (Матвеева 1986, с. 12) — вулкан Великан, а также как «характеристика экспрессивно-оценочного типа» (Там же, с. 13) — вулкан Дикий Гребень. Мотивировочные значения могут быть описаны следующим образом: «ИО, свойства которого оцениваются как сильно превышающие либо сильно преуменьшающие стандартные параметры»; «ИО, свойства которого положительно либо отрицательно характеризуются номинатором». Экспрессивные и оценочные коннотации усложняют (уплотняют) семантическую структуру мотивированного топонима, не уве-

личивая семантической дистанции с номенклатурным термином. Она сохраняется и в характеризующей *образно-дескриптивной* номинации — «конкретной, портретизирующей» (Телия 1988, с.192). Подобие в этих номинативных решениях «основано на реальном сходстве, поэтому достаточно элементарной операции сравнения (с ее модусом *как*), чтобы сориентировать восприятие не на отождествление и синтез основного объекта метафоры и его образно-ассоциативного комплекса, а на отсылку к чертам сходства по функции, форме, консистенции и т.п.» (Там же, с. 192). Ср.: вулканы Горб, Зуб, Колокол, Табуретка, Трехглавый, Шапочка, Шалун. Мотивировочное значение модели достаточно прозрачно: «ИО, характеризуемый как похожий по своей форме или функции на...». Прозрачность образных дескрипций поддерживается существующими в языке продуктивными моделями метафорического переноса, которые в топонимии (а в оронимии особенно) постоянно обнаруживают свою популярность (см.: Пахомова 1970, Мурзаев 1974, Матвеев 1977, Ткаченко 1980, Нечай 1991; и др.). Системные свойства языка и внутренняя системность географических обозначений объясняют сходство образных топонимов с образными географическими терминами, ср.: *корчага* — оренб. «круглая яма, котловина» (Мурзаев 1974, с. 292), *щетка* — томск. «кочковатое место, поросшее различной травой с твердыми стеблями» (СРГСО, 3, с. 22). В естественной топонимии здесь вновь обнаруживается почва для внутрисистемного взаимодействия географического термина и топонима, ср.: *кувшин, кукишин* — поморск. «небольшой высокий островок с крутыми берегами» — остров Кувшин, пролив Кувшинская Салда на Белом море (НСБ, с. 17,84). Но для искусственной топонимической номинации приоритетно действие языковой интуиции номинаторов или относительно твердое знание образцов топонимического наречения, что и сказывается в следовании продуктивным образным моделям.

Более ярко, интенсивно проявляют себя экспрессивные коннотации в *изобразительно-образных* (или изобразительно-метафорических) названиях, в которых угадывается стремление называющих передать объемный, стереоскопический образ. Эффект достигается проработкой в лексическом мотиваторе комплекса гетерогенных признаков, создающих во внутренней форме топонима «выпуклое» изображение, близкое при восприятии имени к виртуально-зрительному кадру. См.: вулкан Львиная Пасть — номинативное решение предстает как «произведение» от нескольких множителей: «размер», «конфигурация», «красноватое свечение в кратере», к которым добавляется скрытое (потенциальное) субъективно-оценочное отношение.

Несколько отличный от прочих дескрипций характер имеют топонимы, основанные на *пространственно-событийных* описаниях. Они в первую очередь свойственны естественной топонимии.

мии и складываются в обстоятельствах, когда ландшафтный объект включен в зону обжитой территории и текущую жизнедеятельность ее насельников. В пространственно-событийных дескрипциях расширяется денотативное содержание у собственно онимической лексемы. Называемый объект мыслится не только как принадлежность природного мира, но и как место, на котором происходят события человеческой жизни. Топонимическое «различение» объекта производится в отнесенности к тем, кто населяет или использует его в своей хозяйственной и прочей деятельности, в отнесении к отдельным ее видам и результатам, в отнесении к тем происшествиям, событиям, которые протекали в данном месте и т.д. Мотивировка учитывает в той или иной мере интериоризированные сведения, из которых выбираются опознавательные приметы, помогающие членам языкового коллектива идентифицировать называемую реалию.

В искусственной топонимической номинации пространственно-событийные дескрипции чаще всего возникают как следование традициям номинации естественной, народной, см.: «Курильское — озеро, находится на юге Камчатки. Названо около 1711 года И.П.Козыревским, потому что тогда вокруг него жили курилы (одно из племен камчатских айнов)» (Кусков 1967, с. 55). Мотивировочные значения подобны значениям уже перечисленных дескрипций — «ИО, характеризующий по его действительным связям и свойствам, например, как место, где...»¹

В топонимических номинациях дескриптивного типа выделительная функция топонима реализуется как выделительно-описательная: мотивировочные признаки извлекаются из описания примет либо прозрачного сравнения, оценки каких-либо свойств именуемого «места».

Семантическое расстояние между географическим термином и топонимом становится более пространным, растяженным, если мотивировочный признак по тем или иным причинам отдален от свойств денотата. Причины мотивировочного отстранения онтологически обусловлены действием субъектного фактора —

---

¹ В силу специфики осуществления искусственная номинация тяготеет к тому, чтобы нарушать «золотое сечение» пространственно-событийной дескрипции и либо обращаться к широкому событийному контексту, напрямую не связанному с именуемым местом, либо вербализовать приметы ситуации, известной лишь самим называющим, ср.: «Юбилейные — группа побочных кратеров на юго-восточном склоне Ключевского вулкана. Названа Б.И.Пийпом в связи с состоявшимся незадолго до этого 220-летним юбилеем АН СССР»; «Сомнения — бухта на северо-западном берегу Олюторского залива. Названа в 1885 году Ф.Ф.Геком, так как бухта им не осматривалась и он не был уверен, что это бухта, а не выемка» (Кусков 1967, с. 82, 95). Подобные номинативные версии относятся к другим номинативным направлениям и будут прокомментированы отдельно.

намеренным либо подспудным стремлением номинатора перенести смысловой фокус номинации с самого объекта на интенциональную духовную активность (и прежде всего, эмоциональную, переживательную). Это не означает, что признаки объекта игнорируются или отвергаются номинатором, они организуют при восприятии общий предметный образ — снятую и зарегистрированную сознанием информацию об объекте называния. Но опираясь на эту информационную «почву», номинатор сосредоточивается на интерпретации собственного впечатления и подвергает его дальнейшей лингвоментальной переработке. В зависимости от свойств отчужденного мотивировочного признака и характера его воплощения в лексическом мотиваторе можно наметить две линии номинативного отстранения: в одной доминирует ассоциативный образный компонент, в другой — ассоциативный вербальный. Впрочем, не приходится говорить о жестком их разделении, поскольку ассоциативно-образные и ассоциативно-словесные реакции соучаствуют в обоих направлениях отстранения, лишь в разной мере проявляя свою активность.

Обратимся к номинации, основанной на принципе и механизме образного отстранения, и рассмотрим ее частные варианты, в первую очередь те, в которых мотивировочный признак выбирается на основе умозрительного сопоставления.

Возьмем в качестве примера название вулкана Призрак. Здесь реальное свойство объекта «окутанный дымом, паром» интерпретируется с позиции номинатора, полученное впечатление можно описать в виде суждения «объект, едва различимый визуально из-за дыма или тумана». Признак восприятия становится основой для ментально-образной переработки — «подобный видению». Сравнение выполняет роль мотивировочного признака, при объективации которого актуализируются ассоциативные связи внутри синонимического ряда «видение — привидение — призрак» и отбирается лексический мотиватор для топонима. Ономаσιологическим признаком в номинативном решении служит не признак объекта, а признак признака, отстраненный предикат, объективация которого, в свою очередь, сопровождается ассоциативно-вербальным смещением. Семы лексического мотиватора, задействованные в передаче мотивировочного признака, относятся к периферийным дифференциальным компонентам, и, напротив, интегральная сема «сверхъестественное явление» становится основанием для именной коннотации — масштабный географический объект оценивается как нечто грандиозное, граничащее с ирреальным и потому вызывающее почтительное отношение (ср.: вулкан Демон).

Образ, заключенный во внутренней форме топонима, не поддается расшифровке в процедуре простого сравнения или сопоставления: конкретный объект, физическая «телесность» которого не ставится под сомнение номинатором, сопоставляется с «бе-

стелесной» субстанцией только на гипотетическом допущении о возможном сходстве зрительных впечатлений, поэтому мотивировочное значение описывается через достаточно пространную формулу: «ИО, названный при гипотетическом допущении, что его свойства производят то же впечатление, что и свойства...». В отличие от образных дескрипций *отстраненно-образные* наименования «неизобразительны», они не тяготеют к детализации образа называемого объекта, поскольку называемому важнее задать общее направление восприятия и сосредоточиться на словесном «обыгрывании» мотивировочного признака, которое осуществляется через апелляцию к фоновым культурным знаниям. Любопытный в этом отношении материал дают эксперименты по топонимическому наречению (см.: Гридина 1977, Голомидова 1987). В эксперименте, который проводился автором на местности в форме деловой игры (ее участники выступали в роли картографов, создающих названия для карты), экспериментальное задание включало не только наименование, но также объяснение принятого номинативного решения. Пояснительные контексты к отстраненным названиям позволяют реконструировать «шаги» ассоциативного отвлечения. Так, название поляны Тунгусский Метеорит сопровождается комментарием: «здесь деревья лежат верхушками в одну сторону, как при взрыве». Реальный признак «обилие поваленных деревьев, лежащих верхушками в одну сторону», подвергается гипотетическому сопоставлению: «деревья лежат так, как если бы их уронило взрывной волной»; далее в ассоциациях уточняется характер: «сильная взрывная волна» → «взрыв метеорита» → «Тунгусский метеорит». Название отмели Долгая Дорога в Дюнах поясняется следующим образом: «похожа на балтийское побережье, где я никогда не был». Подлинный, визуально регистрируемый признак «покрытая песчаными наносами» соотносится со свойствами более масштабного пространственного объекта, и отстраненный образ морского побережья актуализирует культурную информацию: «прибалтийское побережье» → «Прибалтика» → «название телефильма о событиях 1930—1960-х годов в Прибалтике» (в фильме многократно обыгрывается пейзажный видеоряд).

Мотивировка *образно-отстраненных* наименований производится в двойном отвлечении, развертывании разнородных ассоциативных проекций, см.: названия ручьев Баян, Дуэт, Мотив, Соло, Рондо, Танго, Тромбон, Песня, Полонез, Хор, Минор, Мажор (названия присвоены геологами — Матвеев 1974, с. 10). Действительный признак «журчание воды» метафорически осмысливается как «пение», «музыкальное звучание», и уже в тематическом поле «музыка» отыскиваются на вербальных ассоциациях производящие лексемы для гидронимов.

Впечатления, идущие по разным каналам восприятия (слуховому, чувственному, вербальному), подвергаются комплексной

обработке в сознании называющего субъекта и позволяют создать наименование, отличающееся особой экспрессивной напряженностью. Смысловое зияние, семантический пробел, или разрыв, образующийся между денотативным содержанием и образом, заключенным во внутренней форме топонима, побуждает воспринимающего к поиску объяснительных, причинных связей и создает прецедент для обратного «прочтения» — от имени к географическому термину. Внутренняя форма в этом случае выполняет роль указателя, ключа к собиранию и фокусированию информации, в рамках которой возможно установление мотива номинации. Образное отстранение в этом смысле можно уподобить загадке, разгадывание которой стимулирует эмоциональный отклик, ответную эмоциональную реакцию реципиента на не вполне обычное и вместе с тем объяснимое название¹.

Отстраненная номинация приобретает характер *образно-символической*, если внутренняя форма актуализирует широко известную культурную информацию и задает однотипность «прочтения» образа в его смысловой проекции к денотату: вулкан Сердце Данко, гейзер Дантов Ад.

Отстраненно-образная номинация пересекается с *условно-образной*, в границах которой мотивировочным признаком послужит условная связь объекта с образом, хорошо известным из бытийного опыта или энциклопедических знаний. Называние строится на информации козмпирической, она привлекается для гипотетической проекции «называемый объект» — «известный образ» и не затрагивает денотативное содержание топонима: вулканы Богдан Хмельницкий, Иван Грозный, Ермак, Немо. В лексическом мотиваторе актуализируются периферийные компоненты — культурные коннотации, поддерживаемые фреймовым знанием. Сам образ диффузен и отнюдь не требует детализации, достаточными оказываются типовые культурные ассоциации, например «выдающийся», «неординарный», «прославившийся», «коварный», «таинственный» и т.п., которые входят в семантическую структуру производного топонима, создавая оценочный и эмоционально-экспрессивный заряд. Мотивировочное значение можно определить таким образом: «ИО, называемый при допущении его гипотетической связи с...».

Условно-образная номинация нередко направлена на намеренное возбуждение эстетических представлений, для чего привлекаются образы, вызывающие ассоциации с прецедентными художественными текстами (о-ва Чук и Гек в Антарктике), сюже-

---

¹ Таким в идеале выглядит название с позиции называющего субъекта, поэтому уместность привлечения тех или иных сравнений, той или иной производящей лексики всецело определяется его языковым вкусом и языковой интуицией. Претенциозными, нелепыми, надуманными может признать новые наименования уже воспринимающий.

тами мифов, сказаний (сибирские реки Венера, Диана). Условно-образная номинация часто апеллирует к актуальному культурному знанию и осуществляется в расчете на «диалогичность», отклик на общеизвестную событийную информацию. Так, Первой антарктической экспедицией был создан целый ряд названий, напоминавших о победах русской армии в войне с Наполеоном: о-ва Березина, Бородино, Ватерлоо, Лейпциг, Малый Ярославец, Полоцк, Смоленск. Советская антарктическая экспедиция 1956 года активно разрабатывала модную космическую тематику: о-ва Лунный, Марс, Меркурий, Нептун, Плутон, Сатурн, Уран, Юпитер; скала Венера-3, гора Луна-9.

Условные ассоциативные переносы позволяют достаточно свободно моделировать нужные смысловые проекции и коннотативный потенциал, например эмоциональные и оценочные коннотации (гора Желанная, бухта Игривая, скала Отрадная, п-ов Надежды, бухта Терпения — Антарктика) или коннотации идеологические (о-ва Большевик, Комсомолец, Пионер — Арктика; станция Дружба, оз. Дружбы, п-ов Мирный, оз. Согласия, море Содружества, горы Содружества — «названы в ознаменование плодотворного международного сотрудничества в изучении Антарктики»; о-в Победа, гора Победы — «...в честь побед советского народа в Великой Отечественной войне»; плато Русское, пролив Русский, плато Советское — Антарктика).

Продолжим рассмотрение номинативных решений, основанных на отстраненной мотивировке. Семантические зияния возникают в семной структуре производного топонима и в том случае, если ономазиологическим признаком становится связь с вербальным контекстом, который так или иначе соотносится с ситуацией восприятия ландшафтного объекта. Мотивировочный признак, отстраняясь от самого объекта, отыскивается в умозрительных проекциях к высказываниям, к суждениям о самой ситуации наблюдения или исследования: вулкан Проблемный — «исследование осложнилось внезапной активизацией вулкана», вулканы Вопросительный, Предположительный; антарктические топонимы: гора Астрономическая — «производилась астрономическая съемка местности», бухта Возрождения, гора Выстрел, гора Осечка, о-в Неожиданный. Номинативные решения можно охарактеризовать как *отстраненно-ситуативные*. Производный топоним в них выступает символом свернутой в сознании называющих информации о фактах, приуроченных к освоению объекта, но известных только самим номинаторам. Мотивировочное значение: «ИО, названный по конвенциональной связи с приметами ситуации». Крайней, утрированной формой номинации этого типа будет закрепление в топониме вербальных компонентов случайных словесных контекстов, окказиональных вербальных ассоциаций: о-в Узбекистан (Арктика) — «с зимующих здесь судов Первой Ленской экспедиции 1933—1934 годов над островом наблюдали вос-

ход солнца после полярной ночи, почему и был назван по ассоциации с выражением «солнечный Узбекистан» (ТМСА, с. 219). Площадка Малые Васюки (Антарктида) — «в 1957 г. здесь сделали прибрежный временный аэродром... Кто-то для поддержания духа вспомнил «12 стульев» и «Золотого тельца». В честь знаменитых Васюков аэродром назвали Малыми Васюками. Картографы, тоже люди веселые, увековечили на картах знаменитые Васюки» (Песков В. Белые сны. М., 1970. С. 263).

Отсловесная мотивация обладает значительной степенью условности и может осуществляться «поверх» или вне всякой связи с контекстом ситуации, она уходит в область индивидуально-лексикона, если усилия номинаторов концентрируются на поиске оригинального, экзотичного или благозвучного наименования, близкого к словесной этикетке, см.: скала Ветерок, оз. Лебедь, залив Транскрипция (Антарктика).

Названия, основанные на отстраненных и условных мотивировочных признаках, обладают сходством семантической структуры: при дистанцированности расстояния «географический термин—топоним» между денотативным содержанием и семантикой внутренней формы образуется лакуна, разрыв, чаще всего препятствующий однозначной расшифровке названия. Номинативное решение удаляется от интерпретации объекта в «измерительных» характеристиках природного мира и пространства в сторону «измерения» его в параметрах общекультурных значимостей. Именуя объект, номинатор может сосредоточиваться на оценке своего внутреннего состояния, на рефлексировании по поводу текущих событий; нередко он обращается к фоновым культурно-энциклопедическим знаниям и преднамеренно вносит в номинативное решение ассоциативные отсылки к актуальной или модной социальной тематике, пробуждает представления об идеологических и эстетических идеалах. Выделительная функция топонима реализуется через проекцию к абстрактным, символическим возможностям имени, идентифицирующий потенциал названия отодвигается на второй план, уступая место индексально-символическому.

Перечисленные варианты номинативных решений объединяются в одну номинативную стратегию, для ее обозначения мы используем уже известный в ономастологии термин **условно-символическая номинация** (Голев 1980), связывая с ним различные проявления «умозрительной» мотивировки и установку на коммодию (лат. commotio — «возбуждение, душевное волнение») — апелляцию к некоторым «струнам души» коммуникантов: воображению, фантазии, абстрактному мышлению. В целом условно-символическая номинация — это своеобразное лингвоментальное зодчество, «надстраивающее» над природным объектом словесную абстракцию, которая отнюдь не обязательно должна вписываться в его реальное пространство, поскольку стремиться передать информацию об общекультурных ценностях.

Еще один блок номинативных решений, объективирующих отстраненные и условные мотивировочные признаки, составляют **названия-посвящения**. Их создание направляет интенция чествования, выражение почитания, уважения к кому-либо или чему-либо. Эта направленность и становится главным ключом к интерпретации внутренней формы топонима. Мотивировочный признак устанавливает конвенциональную до той или иной степени связь между «предметом» пиететного отношения и ландшафтным объектом. Она может постулироваться условно и проводить идею посвящения в ее «чистом» виде, безотносительно к особенностям именуемой географической реалии и может быть логически опосредована тем событийным фоном, фрагмент которого в сознании говорящего связан с объектом наречения, ср.: пик Маяковского — «одна из вершин Памира, названная по предложению участника Памирской экспедиции писателя П. Лукницкого»; ледник Семенова-Тян-Шанского — «Первое описание киргизского ледника принадлежит П. П. Семенову, который в 1857 г. совершил путешествие к центру Тянь-Шаня. Спустя 20 лет этому леднику было присвоено имя первого исследователя, а еще через 20 лет к фамилии Семенова было добавлено Тянь-Шанский» (Никонов 1985, с. 145—146).

Топонимы-посвящения нередко внешне совпадают с естественными названиями, отражающими устойчивые для данного языкового коллектива связи объекта с человеком или его деятельностью, между тем существуют различия в характере содержания, объективируемого этими типами наименований. Естественно сложившиеся мемориальные топонимы фиксируют отношения, которые служат различению и характеристике самого объекта, они раскрывают формулу «то место, где...», например, жили Андреевы, охотился Егор, утопилась Ольга и т. п. В отличие от них названия-посвящения имеют мотивировочное значение «объект, названный в честь...» и направлены на возвышение человека, предмета, или события, обозначенного лексическим мотиватором.

Номинативное посвящение вбирает смысл утверждения чьих-либо заслуг, достоинств, достижений, авторитета либо общественного вклада, и потому производное название приобретает коннотации, напрямую не связанные с лексическим значением производящей основы. Разумеется, в том случае, если носитель исходного имени широко известен, лексический мотиватор привносит в семантическую структуру топонима культурные коннотации, заданные фреймовым знанием, см.: вулканы Менделеева, Мушкетова, Обручева, Ферсмана; ледники Абая, Ломоносова, Некрасова, Маяковского, Рериха, Рихтера; Земля Александра I, о-в Петра I, о-в Беллинсгаузена, п-ов Вернадского, гора Николая Вавилова, мыс Визе, о-в Кука, гора Кюри, гора Литке, горы Ломоносова, ледник Пржевальского, мыс Седова,

гора Туполева, гора Ферсмана, гора Чкалова, гора Шмидта (Антарктика). К лексическому мотиватору могут «притягиваться» также культурные ассоциации, основанные на энциклопедическом знании: гора Багрицкого, гора Бородина, о-ва Глинки, хребет Горького, гора Есенина, гора Маяковского, пик Мусоргского, залив Стравинского, гора Чайковского, п-ов Шостаковича (Антарктика).

В словообразовательной структуре топонима пиететные коннотации сохраняет специальный компонент «имени» (гора имени Геодезиста Яценко), однако он, как правило, используется при наречении фрагментов искусственного ландшафта: канал имени..., парк имени..., улица имени... и т.п. При назывании природных объектов «пиететность» поддерживается устойчивостью самой модели, традиционно оформляемой как идеоматический комплекс «географический термин + топоним в родительном падеже», реже для имени собственного избирается форма притяжательного прилагательного, см.:

бухты: Гаджиева, Кричака, Лаврова, Малыгинцева, Миловзорова, Николаева, Омельченко;

горы: Архангельского, Белоликого, Белопольского, Берга, Березкиных, Белянкина, Крашенинникова, Кренкеля, Ладочникова, Леваневского, Марковского, Месяцева, Миротворцева, Мурадова, Неустроева, Певцова, Перевощикова;

мысы: Белоусова, Борщевского, Демидова, Дмитриева, Максимова, Маркова, Мессера, Новосильского, Порядина, Симонова, Смирнова, Токарева;

острова: Анненкова, Бабушкина, Галкина, Завадовского, Ефремова, Ильина, Куприянова, Мордвинова, Сорокина, Соколова, Тейля, Траверса, Хмары, Шишкова (Антарктика).

Пафос прославления человеческих деяний, исследовательского и трудового энтузиазма пронизывает не только индивидуальные, но и коллективные посвящения: ледники Альпинистов, Геологов, Зимовщиков, Ленинградцев, Молодежный, Трех Геологов, Пограничников, Сейсмологов, Советских Географов, Туристов, Юных Туристов (Киргизия); п-ов Авиаторов, горы Астрономов, массив Геодезистов, п-ов Географов, п-ов Геоморфологов, о-ва Гидрографов, скалы Горных Инженеров, о-в Гляциологов, пролив Исследователей, горы Картографов, пик Комсомольский, море Космонавтов, пролив Магнитологов, о-в Смелых, о-ва Строителей, о-в Топографов, шельф Энтузиастов (Антарктика).

Нередко чествуются в топонимах различные общественные институты: скалы Арктического института, ледник Горного института, гора Известий («в честь газеты «Известия»), скалы Института геологии Арктики, горы Комсомольской Правды, пик Ленинградского университета, шельф Московского университета, о-ва Полярной авиации, берег Правды («в честь газеты «Правда»), купол Университетский («Антарктика); ср.: ледники «Вок-

руг света», Института Герцена, ЛГУ (Киргизия), о-ва Известий, пролив Красной Армии (Карское море).

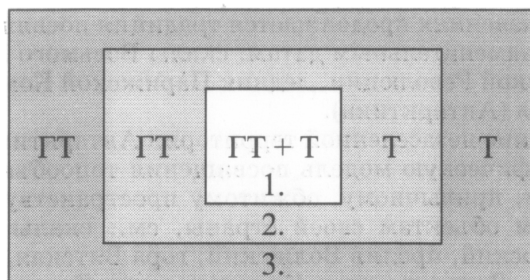
В новых названиях продолжается традиция посвящения праздничным и знаменательным датам: скалы Восьмого Марта, ледник Октябрьской Революции, ледник Парижской Коммуны, гора Первомайская (Антарктика).

Картирование незаселенной территории Антарктики актуализирует специфическую модель посвящения топообъектам своей родной земли, привычному, обжитому пространству и шире — ландшафтным объектам своей страны, см.: скалы Амурские, ледник Ангарский, пролив Волжский, гора Вятская, гора Днепровская, о-ва Донские, гора Камская, гора Казанская, залив Ленинградский, мыс Мурманский, котловина Невская, гора Окская, скалы Онежские, гора Смоленская, ледолом Таймырский.

Особую группу образуют посвящения кораблям — морским, а позднее воздушным средствам передвижения, причастным к освоению земного пространства и к исследовательскому поиску, см.: гора Антей — «в честь турбовинтового самолета «Антей», мыс Восток — «в честь шлюпа «Восток», бухта Ермак — «в честь ледокола «Ермак», бухта Кооперации — «в честь теплохода «Кооперация», банка Лена — «в честь дизельэлектрохода «Лена», банка Обь — «в честь дизельэлектрохода «Обь», бухта Семерка — «в честь рефрижератора «Семерка», подводное поднятие Эстония — в честь дизельэлектрохода «Эстония». Модель посвящения кораблю имеет достаточно давний характер. Она продуктивна для топонимии Камчатки, складывавшейся на протяжении XIX — начала XX веков (Кусков 1982); для русской топонимии на территории Аляски (Некрасова 1977); модель активно применялась при назывании объектов прибрежного пространства Арктики (ТМСА). Очевидно, само восприятие корабля как странника и дома для странствующих объясняет типологический характер применения мотивемы на разных территориях.

Завершая характеристику номинативного посвящения, отметим относительно однородный характер его моделей, однако однотипность не исключает наличия частных смысловых вариантов. Инвариантное мотивировочное значение «ИО, названный в честь кого-либо или чего-либо» допускает варианты: «объект, названный в память о...», «объект, названный в знак дружеского расположения (родственной привязанности)». Примерами воплощения последнего могут служить названия ледников Юрия, Анастасии, Веры, Натальи, Прасковьи.

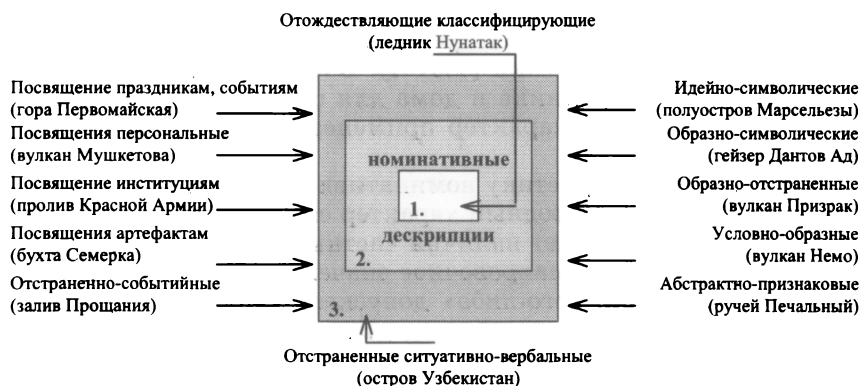
Если воспользоваться средствами графики и перенести на плоскость изображение различных семантических структур микропространства «географический термин (ГТ) — топоним (Т)», то получится следующая схема:

Центральное положение в схеме занимают семантические структуры, соответствующие максимальному сближению географического термина и топонима. Второй уровень включает структуры семантически расширенного и непрерывного микропространства, третий, периферийный, уровень соответствует дистанцированному расстоянию между географическим термином и топонимом при возможных зияниях в семной структуре¹.

Полученная схема содержательна, поскольку учитывает характер связи и отношений между семантическими элементами и потому может быть взята за основание для распределения разновидностей номинативных решений. Это распределение будет выглядеть следующим образом.

Схема 5

¹ За полями схемы остаются географический термин как автономная лексическая единица и языковой концепт онома. Самая общая номинативная проработка идеи имени проявляется в суждениях «имя отсутствует» — вулкан Безымянный.

Чем дальше от центра к периферии, тем пространнее становится семантическая структура производных топонимов, тем более осложняется она коннотативными элементами. Однако в соположенности различных номинативных вариаций можно наметить отношения сближения и противопоставления, которые пропозитывают ее как «по вертикали», так и «по горизонтали». Названия-посвящения лицам и группам сближаются с теми номинативными дескрипциями, которые отражают связь ландшафтного объекта с человеком и его деятельностью и указывают, например, на владельцев, насельников, пользователей и т.д.

Существует тесная зависимость между номинативными дескрипциями образного, эмоционального, эмоционально-оценочного характера с частными вариантами условно-символического названия. Однако если номинативная топодескрипция строится на отражении и закреплении реальных свойств объекта, что в большей степени «работает» на его идентификацию, то отстраненные и условно мотивированные посвящения и символические обозначения закрепляют признаки умозрительного характера и поэтому преимущественно развернуты к функции индексально-символической.

Сходный характер мотивировки позволяет установить линии семантического сближения внутри третьего, внешнего, уровня представленной системы. В частности, по наличию общих идеологических коннотаций «парадные» посвящения соотносятся с идеологизированными условно-символическими (идейно-символическими) названиями, а «координата» к событийному фону объединяет некоторые посвящения с теми условно-символическими названиями, которые закрепляют какие-либо приметы ситуативного контекста (ср.: о-ва Энтузиастов — море Содружества). Частные случаи сближения образуют весьма длинный перечень, поэтому, опуская подробности, отметим главную причину развертывания этой возможности: отстраненная мотивировка создает предпосылки для появления названий с «пестрыми» коннотациями, с многослойным «подтекстом», вбирающим в себя множественные ассоциативные проекции.

Наблюдения над особенностями выбора мотивировочных признаков, над различиями в семантической структуре производных топонимов и разницей их мотивировочных значений приводят к выводу о том, что главными стратегическими направлениями искусственной номинации, в рамках которых объединяются номинативные установки субъекта, ракурс видения ландшафтных реалий и модели означивания, являются стратегии номинативной дескрипции, посвящения и условно-символического обозначения.

Основная интенция, направляющая выбор стратегии номинативной дескрипции, — намеренное указание на те реальные признаки ландшафтного объекта, которые способствуют восприятию

локуса как включенного в окружающую природную среду и связанного с жизнедеятельностью местного населения. Установки условно-символической номинации и посвящения переносят ракурс представления объекта в названии в область коэмпии. Называние осуществляется в общем переживании духовных значимостей: ценности абстрактного мышления, эстетических идеалов, социальных приоритетов. Здесь субъективная модальность проявляет себя в желании укрупнить человеческие эмоции, отразить некоторые ментальные состояния, в намеренном закреплении связей с масштабным историческим контекстом, в подчеркивании актуальных тем общественной жизни. Если «диалогичность» номинативных дескрипций строится на апелляции к знанию типичных характеристик ландшафта по его природным свойствам и связям с хозяйственной деятельностью человека, то «диалогичность» условно-символических названий и посвящений рассчитана на возможное понимание в границах общего опыта культуры и той сферы познания, которая преимущественно связана с исследовательским и научным поиском, его обстоятельным контекстом, его свершениями и победами.

От главных стратегий в воплощении номинативных интенций перейдем к рассмотрению их конкретной реализации на однородном с точки зрения денотации ономастическом материале. Для дальнейших построений будут использованы спелеонимы — названия подземных карстовых образований: пещер, гротов, проходов, лабиринтов и т.п. Привлечение этого материала представляется целесообразным по двум соображениям: во-первых, это достаточно компактная по объему группа онимической лексики; во-вторых, объекты, для обозначения которых она привлекается, сравнительно недавно вошли в поле зрения геологических и спелеологических изысканий и потому стали одной из приоритетных зон искусственной номинации. Материал распределен в соответствии с основными стратегиями искусственного топонимического наречения, их частные тактические версии определяются сообразно конкретным номинативным установкам, которые обнаруживают свое действие в выборе сходных мотивировочных признаков.

Стратегия номинативной дескрипции развертывается в следующих тактических версиях (Т).

Т.1. Указание на дислокацию объекта (номинативный ответ на вопрос «где находится ландшафтная реалья?»).

1.1. Отнесенность к известному пространственно смежному объекту:

«расположенный вблизи, рядом, у...»: пещеры Алапаевская — «у восточной окраины г.Алапаевска», Вашкурская — «вблизи устья р.Малый Вашкур», Городковская — «у поселка Городки», Гостьковская — «рядом с д.Гостьковка», Енопаевская — «1,5 км ниже с.Енопаево», Ивакинская — «на левом берегу

р.Иваки», Желтая — «имеет водосток, питающий р.Желтую», Кичменская — «на берегу р.Кичмень», Кук-Караук — «около хутора Кук-Караук», Куликовская — «правобережье р.Чусовой, 3 км ниже с.Куликово», Светлая — «по названию близлежащего озера Светлое», Старичная — «выше устья р.Старичной», Старосеитовская — «в 2 км от д.Старое Сеитово», Сухоатинская — «около д.Сухая Атя», Уинская — «возле пос.Уинский», Цона — «к северу от с.Цона», Шумиха — «на месте источника Шумиха», Яумбаевская — «в 1 км от с.Яумбаево» и т.п.;

— «расположенный за..., на..., между»: пещера Заиренская — «на правом берегу р.Ирени», грот Заозерный — «грот, расположенный к северу от Большого озера, стал называться Заозерным», галерея Засифонная — «расположена за Сифонным озером», грот Межкоридорный — «расположен между двумя почти параллельными ходами», галерея Набережная — «идет вдоль берега под-земного ручья»;

— «расположенный в границах, в зоне другого объекта»: пещеры Карьерная — «находится в каменном карьере в 3 км от комбината им. И.М.Калинина», Кладбищенская — «вход в нее начинается в карстовом провале в северной части кладбища», Лесная — «вход в пещеру отыскивали в лесном овраге», Полевая — «на левом склоне долины р.Бабки».

1.2. Общепространственная ориентация:

«далеко — близко», «вверху — внизу», «с краю — в центре», «на север — на юг», «запад — восток»: грот Ближний, грот Входной, коридор Входной, грот Верхний, грот Восточный, пещера Дальняя — «последняя из обнаруженных по логу Иорданского», грот Дальний — «последний от входа грот пещеры Дивья», зал Дальний, пещера Дальняя, галерея Западная, грот Западный, грот Конечный, грот Нижний, грот Перекресток, грот Развилка, грот Северный, грот Сводящий, коридор Сквозной, пещера Средняя, грот Центральный, галерея Южная.

Т.2. Указание на физические и геологические свойства объекта (номинативный ответ на вопрос «какой по своим автономным качествам?»).

2.1. Свойства формы, конфигурации:

«имеющий характерную форму»: грот Круглый — «грот имеет форму округлой чаши диаметром 10—12 м», пещера Овальная, грот Наклонный, грот Плоский, пещера Треугольная, грот Треугольный — «имеет в плане форму треугольника», грот Угловой — «состоит из двух частей, расположенных под прямым углом друг к другу», пещера Узкая;

— «подобный кому-либо, чему-либо по форме»:

а) простые сравнения: пещера Винтовая, пещера Гребень — «вертикальная трехэтажная пещера», грот Звезда — «грот со всеми его ответвлениями в плане напоминает пятиконечную звезду», пещера Зигзаг — «имеет на плане изгибистую форму»,

пещера Кабан — «напоминает по форме кабана», грот Кольцо — «овальной и ровной формы», пещера Клык, грот Крест, грот Мешок — «на плане имеет овальную форму», грот Печка — «вертикальное ответвление этого грота напоминает печную трубу», грот Столбовой — «имеет вытянутую форму», грот Ступенька — «в плане имеет изломанную форму», грот Узелок — «маленький округлый зал в дальнем конце пещеры», шахта Шпунтик — «вертикальная стволовая пещера», пещера Штопор — «вертикальная пещера», грот Яйцо — «имеет форму овала»;

б) идеографические, образно-изобразительные: пещера Дождевой Червь, проход Крысиный Лаз, шахта Ход Конем.

2.2. Свойства размера:

«имеющий характерный размер...»: галерея Большая, грот Высокий, грот Длинный, галерея Длинная;

— «подобный кому-либо/чему-либо по размеру»: галерея Малая, пещера Маленькая, пещера Мелкая, грот Великан, грот Исполин, грот Колосс, грот Конференц-зал — «самый обширный грот пещеры», грот Малютка — «очень маленький грот диаметром 2 м и такой же высоты».

2.3. Свойства окраски, освещенности:

«имеющий характерный цвет, освещенность»: грот Белоснежный, озеро Бирюзовое, грот Серый, пещера Темная, пещера Черная — «находится в темно-серых слоистых силурийских известняках и доломитах», пещера Черная Яма.

2.4. Свойства покровного слоя, наличие натечных образований в покровном слое:

«покрытый чем...»: пещера Водяная — «дно коридора покрыто водой, отсюда и название», грот Грязный — «на дне много глинистых отложений», грот Глиняный, зал Известковый, грот Кавернозный — «стены и потолок усыпаны кавернами, образующими кружевной рисунок», пещера Кристальная — «стенки покрыты друзами кристаллов», пещера Ледяная — «дно покрыто слоем льда», грот Нефтяной — «заполнен нефтью», грот Пыльный, шахта Снежная, пещера Туфовая;

— «имеющий покровный слой, подобный...»: грот Ажурный — «свод его в виде кружев усеян ячейками натечков», грот Бриллиантовый, грот Виноградный — «стены его покрыты кальцитовыми образованиями в виде гроздей винограда», пещера Жемчужная — «богата натечными образованиями, сверкающими ослепительной белизной в лучах фонарей», грот Коралловый — «стены грота покрыты друзами кристаллов кальцита», грот Кружевной — «богат натечными образованиями», ход Хрустальный — «со множеством круглых табличчатых кристаллов гипса на стенах»;

— «имеющий, устойчивый/неустойчивый покровный слой»: зал Камнепадный, грот Завалов, грот Обвальный, пещера Осыпная, пещера Сыпучая, грот Камнепадный Водопад.

Т.3. Указание на наличие характерного предмета внутри спелеобъекта (ответ на вопрос «по какому предмету можно опознать объект?»):

«имеющий характерный предмет»: зал Водопадный — «есть небольшой водопад», зал Глыб, грот Идола, грот Озерный — «грот, в котором расположено самое большое озеро, Е.В.Ястребов назвал Озерным», ход Ручейный — «пол покрывают глина, песок, мелкая галька, скрывающие ложе ручья, который в дальней части течет открыто», зал Скелета — «на полу был обнаружен скелет человека», пещера Сталагмитовая, пещера Сталактитовая, грот Угольный — «самая интересная достопримечательность пещеры, определившая ее название, была установлена в 1963 г., когда в песке были обнаружены куски угля, различные кости»;

— «имеющий предмет, подобный...»: грот Айсберг — «в центре огромная ледяная глыба», грот Арка — «в дальнем конце над ним нависает красивая арка из натеков», пещера Буйвола — «на стене натечное образование в виде буйвола», ход Лестница — «назван по характерному основанию, напоминающему лестницу», грот Люстра — «в центре грота со свода свисает большая глыба, напоминающая формой люстру», грот Окно — «в гроте есть отверстие, сквозь которое открывается вид на р.Чусовую», грот Органный — «скопление сталактитов у дальней стены грота придают ей сходство с органом», грот Роза — «в центре грота стоит большой многослойный сталактит высотой 1,5 м», зал Саркофагов — «загроможден известковыми глыбами, они имеют ровную поверхность и сглаженные углы», грот Столбовой — «три громадных сталагмита в виде столбов возвышаются в его центре», грот Трубный — «своим названием грот обязан натеку в виде трубы на своде»; грот Глиняных Гор, пещера Глиняных Цветов — «с пола поднимаются игольчатые ледяные кристаллы длиной 2—5 см, увенчанные глиняными шляпками», лабиринт Каменных Цветов, грот Черные Глаза — «на своде есть две ниши, по форме напоминающие глаза».

Т.4. Описание комплексно воспринимаемой картины внутреннего пространства («какой по внутреннему убранству?»):

«по свойствам внутреннего устройства...»: грот Загроможденный, грот Хаотичный — «пол грота полностью завален крупными обломками и глыбами обрушившихся пород»;

— «по свойствам внутреннего устройства подобный...»: грот Амфитеатр — «стены его опоясаны уступами», грот Метро — «представляет собой почти круглый тоннель с ровными стенами», грот Руины, грот Трущоба.

Т.5. Описание биосферы («кто обитает/обитал?»):

«кто обитает/обитал...»: пещера Барсучья, пещера Волчья, грот Летучих Мышей, грот Лисий, грот Медвежий — «найлены 12000 костей 20 особей растениеядного карликового медведя», пещера Рысья — «найлены череп и кости рыси».

Т.6. Описание социосферы:

«кто проживает/ проживал...»: пещера Партизанская, пещера Пастухов, пещера Подземных Охотников — «в 1963 г. в гроте Угольный были обнаружены следы пребывания человека: кремниевый нож, несколько вкладышей лезвий, обломки другого оружия. Это определило название пещеры»;

— «используемый для...»: грот Жертвенный — «заполнен костями животных, очевидно, это было жертвенное место аборигенов», пещера Вогульское Капище.

Т.7. Указание на порядок обнаружения, наречения объекта:

«какой по счету, порядку»: грот Второй, грот Первый, пещера Новая.

Т.8. Оценка каких-либо качеств объекта:

положительная квалификация: грот Волшебный, грот Галерея Чудес, пещера Интересная, пещера Конфетка, коридор Скалочный, шахта Перспективная, грот Чудный;

— отрицательная квалификация: грот Грозный, коридор Дикий, щель Опасная, пещера Шкуродер — «пол ее покрыт натеками и в отдельных местах глыбами. Туристам приходится подниматься по отвесной стене, покрытой натеками», ход Горе Толстяка.

Стратегия условно-символического наречения, предполагающая в целом умозрительное допущение каких-либо смысловых связей и построение цепочно-ассоциативных проекций, получает следующие тактические разработки:

Т.9. Возбуждение эмоционального отклика:

апелляция к гуманистическим ценностям, поддерживаемая знаниями фоновых идеологов: шахта Дружба, грот Дружбы, грот Дружбы Народов, шахта Мира, пещера Труда.

— апелляция к эмоциональным или ментальным состояниям человека: грот Раздумий, пещера Разочарований, грот Спокойствия, пещера Тайн, зал Утраченных Надежд.

— апелляция к воображению, фантазии через привлечение условных и отстраненных образов:

реальный признак (РП) — «натеки на стенах и своде пещеры» — мотивировочный признак (МП) «подобные деревянным резным украшениям» — грот Теремок («свод и стены грота сплошь покрыты натеками»); МП «подобные звездам» — гроты Космический, Планетарий;

РП «обилие камней, сталактитов, сталагмитов» — МП «подобны скоплению раритетов» — зал Музейный («эта часть пещеры трудно проходимая из-за обилия натечных образований. Они поражают красотой и разнообразием»); МП «подобны коллекции произведения искусства» — грот Скульптурный; МП «подобны людям, собравшимся для зрелища» — грот Театральный; МП «подобны соположенным колоннам античных построек» — гроты Колизей, Конец Помпеи; МП «подобны пирамидам» —

грот Египетский («имеются карстовые колодцы, между ними лежат глыбы известняка пирамидальной формы»); МП «подобны восточным дворцам» — грот Индийский («богат причудливыми натечными формами, на полу и в нишах множество сталактитов»); МП «подобны причудливым растениям и животным» — грот Морское дно;

РП «покрытый льдом, снегом» — МП «подобный другим заснеженным пространствам» — гроты Арктический, Полярный, Скандинавский.

Общая линия ассоциативных отсылок, влияющих на выбор лексического мотиватора, соотносит денотат с познавательным пространством. Привлекаемые характеристики дают отсылки к внутреннему пространству зданий, предназначенных для познавательной деятельности и эстетического восприятия (Музейный, Театральный, Планетарий). С познавательным пространством связаны знания и представления об античных архитектурных сооружениях, к нему же следует отнести представления об «экзотических пространствах» (Арктический, Египетский, Космический). Однако обращение к познавательному уровню топографической картины мира в первую очередь нацелено на создание художественного эффекта. Эстетическая доминанта присутствует во всех номинативных версиях. Особо отметим ее оригинальное проявление в названии Теремок: в стремлении к «поэтичному» обозначению номинатор выворачивает образ наизнанку и признаки внешнего украшения дома переносит на внутренний покров пещеры.

Перейдем к другой группе ассоциативно-цепочного отстранения:

РП «расположенный под землей» — МП «связанный с местом для мертвых» — грот Склеп; МП «принадлежащий иному миру (загробному, фантастическому, сказочному)» — гроты Атлантида, Данте, Дорога в Ад, Золушка, Мефистофеля, река Река Забвения.

В художественных решениях этой группы участвуют в основном образы вторичного пространства — пространства мифа, легенды, литературного текста. Включенное в этот ряд название грота Склеп, вероятно, создано в духе той условно-поэтической образности, которая отличала тексты писателей-романтиков XIX века. В целом отстраненно-образные наименования, несущие эстетический коннотативный заряд, способствуют созданию художественного «имиджа» природной реалии.

На эстетическое восприятие рассчитаны названия, построенные в несколько отличной номинативной технике «отсловесных» ассоциативных проекций: так, суждение о реальном признаке денотата может актуализировать прецедентную единицу (пещера Летучая Мышь) или позволяет обыгрывать признак через прием оживления этимологического значения слова-мотиватора (пещера Белоснежка).

Т.10. Абстрагирование, основанное на ассоциативно-словесном отвлечении от опорного ситуативно-вербального контекста:

РП «форма объекта» — МП «связь со словом «форма» («грот в плане имеет почти геометрическую форму») — грот Контурный;

РП «наличие характерной реалии» — МП «связь со словами «ископаемые моллюски» («своим названием пещера обязана находке ископаемых моллюсков») — пещера Палеозоологическая;

РП «обширное открытое пространство» — МП «связь со словом простор, вид на открытое пространство» («красивый и просторный грот диаметром почти 20 метров») — грот Панорамный.

К этой группе следует также отнести спелеонимы: пещера Геофизическая, грот Резонанс, грот Тишина, грот Эфирный. Отсловесные ассоциации уводят название в область виртуальных вербальных связей и способствуют усилению абстрактно-выделительной функции именного знака.

Стратегия номинации-посвящения осуществляется в русле волеизъявления субъекта, намеренного воздать почести кому-либо или чему-либо. Она разрабатывается в следующих тактиках.

Т.12. Персональное посвящение: шахта Абдутобарова, пещера Алешина, пещера Варсонофьевой, пещера Гвоздецкого, грот Истомина, грот Каптерева, грот Колесникова, пещера Крубера, грот Лермонтова, пещера Максимовича, зал Мемориал Соколова, грот Масленникова, зал Нехая, грот Опарина, грот Переслегина, грот Плетнева, шахта Соколова, грот Шренка, грот Ястребова и т.п.

Т.12.1. Коллективное посвящение: грот Архитекторов, грот Геологов, грот Гидрографов, пещера Комсомольская, грот Космонавтов, шахта Молодежная, грот Романтиков, пещера Скалолазов, грот Смелчаков, грот Студентов, пещера Студенческая, пещера Туристов, зал Харьковских Спелеологов, пещера Энтузиастов.

Т.12.2. Посвящения учреждениям: пещера Академическая — «в честь Академии наук СССР», грот ВЛКСМ, галерея Геофака, пещера Географического Общества, лабиринт Карстовой Экспедиции, шахта КИЛСИ, пещера Малой Академии Наук, пещера МГУ, зал Прессы, пещера Профсоюзов, грот УзГУ, пещера Университетский Проспект.

Т.12.3. Посвящение торжественным и праздничным дням: пещера имени Десятилетия Ленинградской Секции Спелеологов, пещера Октябрьская, шахта Олимпийская, пещера Первомайская, шахта Пятидесятилетия Комсомола Узбекистана, пещера Пятидесятилетия Победы, пещера Юбилейная.

Т.12.4. Посвящения городам: шахта Киевская, пещера Ленинградская, пещера Саратовская, шахта Томская.

Приведенный перечень свидетельствует о достаточно традиционной, более того, близкой к штампу разработке мотивов посвящения. Материал позволяет отметить еще одну негативную черту

искусственной номинации: желание номинаторов во что бы то ни стало закрепить личностно-прагматический смысл нередко перекрывает прогнозы последующего восприятия названия, отсюда применение в топонимическом наречении громоздких конструкций, аббревиатур, абстрактных географических отсылок.

Номинативная дескрипция способствует «собираанию» образа осваиваемого пространства, она стремится связать объекты в их соположенности и представить их такими, какие они есть «на самом деле». Однако субъектная позиция номинаторов сказывается уже в ориентирующих названиях типа Ближний, Крайний, объясняющих месторасположение объекта с точки обзора, в какой находится наблюдатель¹. В полной мере субъективное видение обнаруживает себя в оценочных и образных наименованиях.

В искусственной топонимической номинации продуктивно используются те же формулы сравнения, что и в номинации естественной: например, признак формы спелеообъекта осмысливается через сопоставление с предметами быта (грот Мешок, пещера Штопор), форма натечных образований — с очертаниями животных (грот Буйвола — «на стене натечное образование в виде буйвола», грот Медвежий — «особенностью этого грота является натечное образование в виде медвежьей головы на своде»); формы углублений сравниваются с частями тела человека (грот Черные Глаза — «на своде грота есть две ниши, по форме напоминающие глаза»).

Следование традиционным образным моделям не закрывает доступ номинативным «неожиданностям». В номинации, которая осуществляется в рамках фрейма картирования, образное наименование подчас становится результатом вторичного визуального восприятия, поскольку в качестве опоры для сравнения избирается не зрительно снятый образ объекта (как его увидел называющий), но условное плоскостное изображение на чертеже или карте. В итоге несколько смещаются привычные координаты «верх/низ»: «клык» и «мешок» в соответствующих названиях гротов оказываются вытянутыми по горизонтали, «кабан» — распластан по земле, так как о них напоминает лишь искривленная линия, очерчивающая в плане периметр пещеры.

Остановимся подробнее на том, как интерпретируется в спелеонимах концепт места. Радиусы пространственной привязки, представленные в названиях, отличаются разнообразием: объекты называются в ориентации на характерную внутреннюю реацию (зал Водопадный); в ориентации на смежный спелеообъект (галерея Засифонная); по общепространственным характери-

---

¹ Аналогичным образом проявляет себя «точка зрения» субъекта в названиях, указывающих на порядок обнаружения или наречения объектов: грот Первый, пещера Новая.

кам (грот Северный); по отнесенности к зоне ближайшего ландшафтного объекта на поверхности земли (пещера Карьерная, пещера Мариинская — «в логе Мариинском»); по отнесенности к зоне отдаленной топореалии (пещера Куликовская — «в 3 км от с.Куликово», пещера Светлая — «по названию близлежащего озера»). Восприятие включает подземные объекты в широкую пространственную панораму: наземный ландшафт плавно перетекает в подземное пространство карстовой полости, и внутри него происходит дальнейшее деление. Минимальная точка отсчета — объем, занятый предметом во внутреннем пространстве пещеры, также становится признаком для номинативного описания (грот Столбовой — «с тремя сталагмитами в виде столбов в центре»). Детальная номинативная разработка пространственных характеристик объясняется контекстом самой исследовательской деятельности. Для местного населения пещера, не представляющая хозяйственной или иной ценности, может вообще остаться «незамеченной», не отмеченной именным обозначением либо получить название, общее для всего внутреннего комплекса. Названия, что создаются в ходе изыскательских работ, рассчитаны на восприятие профессиональных исследователей и спелеологов-любителей, которые, используя топонимические дескрипции, смогут идентифицировать отдельные локусы внутри карстовой полости.

Подземное пространство фантастично по сравнению с привычным для человека природным ландшафтом. Его устройство и причудливое убранство не могут не оказывать впечатления на номинаторов, и ценностное восприятие спелеобъектов в их природных свойствах эксплицируется в номинации (гроты Бриллиантовый, Жемчужный, Коралловый, Серебряный, Сказочный, Хрустальный, Чудный, Дивный).

Однако, осваивая новое для него геопространство, человек естественно стремится перенести на него привычные формулы измерения, не случайно образы-мерки внутреннего пространства зданий, строительных сооружений привлекаются при номинировании разных видов карстовых полостей и мотивируют большую часть подземной географической терминологии — «галерея», «зал», «коридор», «лабиринт», «тоннель», «шахта». Та же сопоставительная модель актуализируется в онимическом наречении: самый большой зал пещеры получает название Конференц-зала, длинный тоннель с ровными стенами — Метро, грот с уступами на стенах — Амфитеатр; уступы в узком проходе напоминают о лестнице (грот Лестница), проем в стене — об окне (грот Окно); глыба, висящая на своде, — о светильнике (грот Люстра), а вертикальное ответвление от основного грота — о печной трубе (грот Печка). На спелеобъекты не только переносятся образы обжитого внутреннего пространства, более того — пещера начинает восприниматься как пространство временного

дома, и появляются такие названия гротов, как Жилище, Гардероб, Вестибюль, Сушилка, Раздевалка.

Спелеонимы «вписывают» объекты в окружающую природную среду и сферу социальной жизни. В номинативной интерпретации участвуют традиционные формулы описания — «кто проживает/проживал» (пещера Пастухов), «кем и как используется» (пещера Вогульское Капище), «кто обитает/обитал» (пещера Барсучья) и даже «что произрастает». Отсутствие обычной растительности в этом случае компенсируют «каменные цветы», «каменные грибы», гроздь кальцитового «винограда» и «бутоны роз» из льда.

В контексте исследовательской работы вполне закономерен подробный характер номинативного описания: чем покрыты свод, стены, пол пещеры (гроты Кавернозный, Глинистый, Нефтяной, Пыльный, пещера Туфовая), каковы свойства покровного слоя (грот Обвальный, пещера Сыпучая). Названия сообщают о находках (грот Идола, зал Скелета, грот Угольный), указывают на трудности перемещения (зал Завалов, грот Загроможденный, пещера Шкуродер), предостерегают об опасностях (грот Грозный, щель Опасная), поощряют интерес к дальнейшему освоению (пещера Интересная, шахта Перспективная). Стремление номинаторов к детализированному описанию наиболее ярко демонстрируют составные названия, мотивированные одновременно разными признаками, ср.: пещера Ледяная Липовая — «напротив о-ва Липовый, пол — гладкий ледник»; пещера Кизеловская Медвежья — «на сев.-зап. окраине города Кизела. Здесь обнаружены кости десятков особей пещерного медведя»; пещера Усьва-Угольная — «на р.Усьве в серых слоистых известняках».

В условно-символическом назывании ракурс видения в большей степени смещается в сторону интерпретации пространства как эстетически значимого. Здесь продолжает разрабатываться образ внутреннего, замкнутого пространства здания, но привлекаемые для отстраненной характеристики образы соответствуют пространству не утилитарному, а связанному с познавательной деятельностью и эстетическим восприятием (зал Музейный, грот Планетарий, грот Театральный). Этот ряд дополняют образы скульптурных форм (зал Скульптурный), античных колонн (грот Колизей), пирамид (грот Египетский), пышных покоев восточных дворцов (грот Индийский). Обращение к экзотической тематике позволяет гипотетически расширить пределы видения, и замкнутое подземное пространство соотносится с бескрайними глубинами космоса (грот Космический), с просторами заснеженной Арктики (грот Полярный), с протяженным подводным ландшафтом (грот Морское дно).

Тема «экзотического пространства» легко перетекает в тему «фантастического мира», ассоциативные отсылки к которому дают прецедентные имена художественных и мифологических

текстов: грот Атлантида, пещера Данте, грот Мефистофеля, река Река Забвения. В русле художественной интерпретации пространства создаются названия с лирико-меланхолической окраской: грот Раздумий, грот Спокойствия, зал Утраченных Надежд.

Чувственное восприятие одних и тех же свойств реальности по-разному обрабатывается в сознании называющих, и впечатления от действительных качеств и признаков объекта могут порождать в ходе номинации-отвлечения цепочки ассоциативно-словесных реакций, их итогом становится появление абстрактных именных символов (грот Эфирный, грот Резонанс, грот Контурный).

Номинация-посвящение осуществляется в русле переживания социальных идеалов и ценностей, прежде всего, ценности той деятельности, которая расширяет горизонт человеческого познания, поэтому в актах наречения стабильно утверждаются заслуги отдельных лиц, коллективов, организаций, учреждений, причастных к общему делу — к установлению нового знания и постижению новых пространств, будь то пространство далекое, космическое (грот Космонавтов) или близкое, земное (пещера Туристов). Еще одна линия пиететного называния подчеркивает значимость социальных достижений: государственных установлений (пещера Конституционная), идеологии (пещера Первомайская), важных исторических событий (пещера Победы). Заимствовав в прошлом у церковного наречения некоторые номинативные модели (называние «в честь праздников», «в честь тех, кто достоин преклонения»), искусственная топонимическая номинация наполнила их новым, выдержанным в духе иной эпохи, содержанием, но сохранила тенденцию к передаче гражданского и патриотического пафоса.

Динамика искусственной топонимической номинации

Искусственная топонимическая номинация начинает стремительное развитие в XVIII веке, когда происходит европеизация культуры и рождающаяся дворянско-бюрократическая, по выражению Н.Бердяева, империя объединяет население, распространенное на огромных просторах Евразии, и так или иначе содействует развитию и дифференциации хозяйственной и культурной деятельности. Целенаправленное именотворчество в актах первоименования и переименования в то время отвечало запросам идеологии и власти, государственной и частной промышленности, торговли, науки и т.д. Как уже говорилось, внешние обстоятельства лишь стимулировали выработку речеповеденческого стереотипа авторской номинации-узуализации, но они не

оказали принципиального воздействия на номинативную технику искусственного топонимического наречения: оно преимущественно строилось на том языковом знании, каким владели носители языка, и опиралось на те модели, какие сложились в предшествующем языковом опыте.

Нельзя не признать и того, что искусственной номинации в топонимии, как и в других областях лексики, была свойственна определенная динамика. Можно полагать, что лежащие в ее основе изменения не затрагивали главных законов, самого механизма осуществления целеполагающего наречения и относились к выбору номинативных стратегий и к семантическим особенностям новых наименований. Причины, обусловившие историческое движение искусственной топономинации, имеют как собственно языковой, так и экстралингвистический характер. В самом общем плане к языковым причинам относятся изменения в онимической и лексической системе языка, сказывавшиеся на номинативной технике и способствовавшие формированию новых номинативных моделей, к экстралингвистическим — изменения в социальной сфере и общественном сознании, которые прямо или косвенно воздействовали на специфику частных номинативных установок.

Чтобы проследить подробности исторического развития искусственной топонимической номинации, проанализируем семантически однородный и ограниченный в локальном и временном отношении языковой материал — названия золотых приисков дореволюционного Урала¹. Период существования «приисковых» имен совпадает с интересующим нас в первую очередь хронологическим отрезком (XVIII век — начало XX века), а условия их возникновения позволяют отнести подавляющее число названий к искусственно созданным². Есть также еще одна причина, побуждающая нас остановиться на этом материале, — она кроется в особом статусе приисков как объектов наречения. «Место», которому присваивалось имя собственное, воспринималось одновременно как принадлежность природного геопространства и как объект производственной деятельности. Это позволяет увидеть в номинации те общие свойства, которые связывают именование природных ландшафтных реалий с именованием объектов, созданных руками человека.

---

¹ Названия собраны по описным книгам Государственного архива Свердловской области и далее снабжаются в тексте пометами, указывающими на год открытия прииска.

² Государство стремилось жестко регламентировать старательский промысел, поэтому заявки на частное предпринимательство оформлялись согласно специальным правилам и регистрировались в особых реестрах. Право наречения предоставлялось владельцу или арендатору земельной собственности. Казенным приискам присуждали название устроители разработок, эти имена также получали документальное подтверждение и закреплялись официально.

Число названий, относящихся к XVIII веку, невелико, поскольку темпы золоторазработок наращивались постепенно, но уже в первой трети XIX века количество наименований резко увеличивается. Главными номинативно-стратегическими направлениями в этот период стали дескриптивное название и посвящение. В подавляющей массе названий дескриптивного типа получили закрепление мотивировочные признаки «месторасположения» объекта и «принадлежности» его частному владельцу.

Дескриптивные ориентирующие названия в первой половине XIX века имеют характер топографических привязок и образуются на базе метонимического переноса с именований близлежащих географических объектов: Атлянский (1928) — по р.Атлян, Болотовский (1830) — по р.Болотовка, Велсовский (1815) — по р.Велсу, Вогульский (1838) — по р.Вогулке, Елвинский (1823) — по р.Елве, Медянский (1824) — по р.Медянке, Осиновский (1830) — по р.Осиновка, Писанский (1832) — по р.Писаной, Шапшинский (1838) — по р.Шапше и т.п.

Нередко освоение россыпных месторождений сопровождалось «кучным» размещением приисков, и наименование требовало ввода дополнительных различителей. Новое название производилось от названия близлежащего прииска и в целях индексации снабжалось цифровыми пометами: «Могутные 2, 3, 4 прииски открыты Г.Башкировым в окрестностях Могутного прииска»; «Мостовский 2 открыт в 1824 г. по логу, впадающему в ключ, на котором открыт Мостовский прииск», «Патрушихинский 2 открыт в 1850 г. в трех верстах на север от Патрушихинского 1». Ту же индексальную функцию, но воплощенную уже языковыми средствами выполняли добавочные уточняющие компоненты «новый», «первый», «второй», «третий», «верхний», «нижний», «средний» и т.д.: Верхоталицкий (1835), Верхне-Горнощитский (1834), Восточно-Горнощитский (1855), Второ-Каскиновский (1829), Второ-Миасский (1838), Второ-Ташкутарганский (1840), Нижне-Лепсинский (1854), Нижне-Талицкий (1835), Нижне-Убалинский (1846), Ново-Горнощитский (1831), Ново-Иремельский (1844), Ново-Калиновский (1836), Перво-Убалинский (1832), Третье-Каскиновский (1829), Четверто-Каскиновский (1829).

Закономерное стремление к расподоблению тождественных имен способствовало введению других дифференциальных показателей: Второ-горо-Миасский (1841), Второ-Ново-Березовский (1844), Горо-Кавелинский (1838), Мостовско-Даниловский (1854), Мостовско-Ивановский (1854), Мостовско-Ильинский (1851), Мостовско-Шаньгинский (1852), Перво-горо-Миасский, Прудоберезовский (1840), Прудо-Пышминский (1841) и др.

Во второй половине XIX—начале XX веков ориентационная модель развивается за счет привлечения в качестве производящей лексики апеллятивных названий пространственных объектов: Боровой (1908), Деревенский (1903), Двухскитский (1894),

Забережный (1860), Междуречный (1901), Междуприисковский (1893), Мельничный (1904), Монастырский (1913), Набережный (1904), Нагорный (1884), Подгородный (1857), Подгорный (1860), Слободской (1856), Увальный (1880), Фабричный (1886), Хуторской (1912) и т.п.

Появляются также названия общеориентирующего характера: Ближний (1901), Боковой (1910), Боковичок (1896), Восточный (1895), Дальний (1899), Западный (1906), Крайний (1906), Отдаленный (1901), Пограничный (1893), Полуденный (1911), Промежуточный (1910), Северный (1907), Смежный (1899), Соседний (1900), Центральный (1898), Южный (1906).

В это же время расширяется набор описываемых природных признаков, указываются, например:

«характер рельефа местности»: Болотный (1854), Возвышенный (1911), Высокий (1898); Горный (1867), Гористый (1886), Низменный (1860), Плоскогорье (1871), Холмистый (1871) и т.п.;

«форма объекта»: Золотая Полоска (1885), Золотой Рог (1888), Пятигранный (1880), Угол (1901), Узкий (1878), Четырехгранный (1898);

«размер»: Карлик (1907), Крошка (1878), Малыш (1898), Маленький (1900), Малютка (1901), Миниатюрный (1905), Могутный (1910), Невеликий (1906);

«геологические особенности»: Безводный (1904), Вулканический (1891), Жилкин (1911), Жильный (1908), Золоторудный (1912), Колчеданный (1901), Красноглинский (1903), Многоводный (1900), Песчаный (1897), Россыпной (1901), Рудоносный (1896), Рудный (1865), Самородочный (1899), Самоцветный (1910), Солончанка (1899), Хрустальный (1898), Яшмовый (1903) и т.п.

Номинативные дескрипции, относящие объект к конкретному владельцу, в первой половине XIX века строятся как отыменные и отфамильные производные: Алексеевский (1822), Антоновский (1823), Борисовский (1822), Владимировский (1823), Даниловский (1817), Дедюхинский (1822), Елоховский (1823), Козловский (1825), Лаврентьевский (1823), Мочаловский (1829), Николаевский (1822), Петровский (1824), Степановский (1823) и т.п.

В середине XIX века появляются многокомпонентные названия с пестрыми по составу дополнительными различителями: Адольфо-Андреевский (1838), Андрее-Ивановский (1838), Александро-Андреевский (1840), Второ-Аннинский (1834), Второ-Владимирский (1843), Второ-Павловский (1843), Второ-Сергеевский (1854), Ново-Борисовский (1832), Ново-Ивановский (1854), Перво-Кузнецовский (1830), Четверто-Андреевский и т.п.

Во второй половине XIX — начале XX веков, отыменная модель развивается за счет новых технических приемов: личные имена (в том числе деминутивы и гиперкористики) в форме именительного падежа, а также их притяжательные производные подвергаются лексико-семантической трансформации, или топо-

нимизации: Алексей Мухамет (1904), Женя (1891), Иван (1911), Коля (1912), Козьма Антонов (1911), Тамара (1902), Федор Зонов (1911), Энвер (1909), Анютин (1901), Васин (1901), Дусин (1908), Зинаидин (1910), Иванушкин (1900), Лидин (1912), Лилин (1910), Манюшкин (1897), Марусин (1908), Надин (1902), Нинкин (1898), Олин (1898), Оличкин (1896), Пашин (1912), Полин (1912), Санин (1902), Степочкин (1902), Шурочкин (1898) и т.д.

В это же время появляется значительный по объему пласт названий дескриптивно-оценочного типа: Благодатный (1891), Благополучный (1900), Богатый (1900), Безотрадный (1872), Дивный (1899), Достопримечательный (1902), Дорогой (1899), Драгоценный (1902), Замечательный (1894), Зауряд-фатовый (1891), Маломальский (1895), Отрадный (1877), Прекрасный (1888), Приметный (1875), Счастливый (1912), Трудный (1905), Удобный (1872), Удачный (1884), Чудный (1885), Хороший (1876)¹.

Стратегия посвящения на протяжении XVIII—XIX веков обнаруживает стабильную высокую активность. Она реализуется на привлечении тех же мотивировочных моделей, что использовались в церковной номинации:

«чествование церковных праздников»: Богоявленский (1896), Благовещенский (1824), Введенский (1875), Воскресенский (1910), Вознесенский (1878), Знаменский (1864), Крестовоздвиженский (1901), Покровский (1831), Преображенский (1842), Рождественский (1858), Сретенский (1848), Свято-Троицкий (1878), Троицкий (1833), Успенский (1889), Христо-Вознесенский (1870), Христо-Рождественский (1880);

«чествование святых, канонизированных русской церковью»: Борисо-Глебский (1895), Иоано-Богословский (1873), Иоано-Златоустовский (1873), Иоано-Крестительский (1902), Иоано-Предтечинский (1896), Козьмо-Демьяновский (1903), Луко-Апостольский (1896), Михайло-Архангельский (1894), Николае-Святительский (1879), Николае-Чудотворский (1892), Петро-Павловский (1874), Премудро-Софийский (1871), Пророко-Елисеевский (1877), Пророко-Ильинский (1913), Пророко-Моисеевский (1858), Свято-Духовский (1899), Свято-Ивановский (1884), Свято-Ольгинский (1861), Свято-Лазаревский (1848), Скорбяще-Богородицкий (1896) и т.п.

Эти наименования дополняет модель посвящения членам императорского дома, ее продуктивность также можно охарактеризовать как высокую для всего рассматриваемого периода: Княгине-Ольгинский (1838), Князе-Александровский (1827), Князе-Михайловский (1847), Князе-Николаевский (1851), Князе-Константиновский (1797), Царево-Александровский (1824), Царево-

---

¹ Нельзя исключить для некоторых из них возможность передачи завышенной оценки и, напротив, профилактического приуменьшения.

Елизаветинский (1797), Царево-Мариинский (1797), Царево-Константиновский (1872), Царево-Николаевский (1851) и пр.

Вторая половина XIX — начало XX веков знаменуются появлением значительного по объему корпуса названий, условно и отстраненно мотивированных. В них воплощаются отвлеченные образы и эмоционально-оценочные характеристики, мотивы чествования, опосредованные интенциями просвещенного сознания. Поскольку мотивировочные контексты к названиям отсутствуют, в ряде случаев их разделение носит предположительный характер, например, в группу потенциальных посвящений можно отнести следующие: Айвазовский (1908), Багратион (1900), Ганнибал (1901), Ермак (1899), Кутузов (1900), Лермонтовский (1904), Менделеев (1912), Мечников (1903), Пушкинский (1894), Столыпин (1912), Суворов (1903), Фердавси (1907); а также: Амурский (1883), Балканский (1879), Порт-Артур (1903), Полтавский (1879), Тюмень (1886), Ясная Поляна (1909).

К ним близки названия с условной географической образностью и «экзотическим» коннотативным ореолом: Австралия (1903), Албанский (1891), Альпы (1901), Аляска (1900), Африканский (1911), Ирландский (1903), Испанский (1899), Калифорния (1913), Канада (1899), Карельский (1904), Монако (1897), Монблан (1903), Магденбарский (1903), Парижский (1879), Пекин (1898), Пекинский (1900), Португальский (1879), Римский (1897), Сан-Франциско (1898), Северный Полюс (1909), Сокраменто (1898), Трансвааль (1908), Триполи (1911), Филадельфия (1896), Финляндский (1910), Франкфурт-на-Урус-Кискань (1897), Чикаго (1889), Эльбрус (1867), Эльдorado (1897), Шанхайский (1910) и т.п.

Названия отстраненно- и условно-образные представляют собой достаточно пеструю группу, где в целом ассоциативные проекции нацелены на пробуждение эстетических представлений: подобные названия, очевидно, воспринимались как необычные, модные, связанные с книжной культурой: Баян (1913), Вулкан (1909), Двигатель (1900), Дельфин (1900), Депутат (1904), Джигит (1902), Иноходец (1902), Калмык (1913), Кантата (1899), Караван (1913), Комета (1910), Ландыш (1909), Ласточка (1910), Любовь (1908), Марс (1910), Масса (1913), Машина (1906), Маяк (1908), Меркурий (1902), Метеор (1907), Мир (1909), Отдых (1901), Поверенный (1899), Провидение (1902), Поэма (1910), Руль (1899), Свобода (1909), Совет (1908), Пустыня (1910), Фараон (1902), Ураган (1914), Юпитер (1902), Язонов Клад (1886) и т.п.

Наименования отстраненно-характеризующего типа сходны с художественными тропами и чаще реализуют прием олицетворения: Азартный (1889), Ангельский (1885), Беззаботный (1897), Беспутный (1883), Блаженный (1892), Благонадежный (1882), Благородный (1902), Благочестивый (1902), Верный (1900), Веселый (1900), Деликатный (1866), Дружелюбный (1888), Добролюбный (1884), Довольный (1896), Забубенный (1914), Каприз-

ный (1899), Крайно-Невинный (1902), Мирный (1899), Надежный (1902), Невинный (1906), Ненадежный (1888), Нравственный (1870), Потешный (1897), Проворный (1887), Пылкий (1887), Развеселый (1890), Родной (1879), Сердечный (1901), Сердитый (1900), Скорбящий (1879), Скромный (1902), Смелый (1903), Смирный (1870), Способный (1896), Справедливый (1904), Терпеливый (1900), Трезвый (1895), Уважающий (1894), Удалый (1884) и др.

Отстраненно-характеризующими свойствами обладают также названия, обращенные к суждению о ситуации или обстоятельствах обнаружения месторождения: Давноожидаемый (1897), Долгожданный (1908), Запоздалый (1899), Мимоходный (1901), Многоожидаемый (1909), Много-Хлопотный (1890), Нежданный (1888), Нечаянный (1888), Неожиданный (1899), Незнаемый (1879), Необходимый (1894), Попутный (1877), Победоносный (1897), Случайный (1891), Спорный (1879) и т.п.

В целом на протяжении XVIII—XIX веков функционирование моделей обнаруживает явную зависимость от социального контекста, в который погружена номинативная деятельность. Право владения объясняет стремление называющих указывать на принадлежность объекта конкретному лицу, «объяснять» в названии, где находится официально заявленная и разрешенная разработка, отсюда — однородная продуктивность, характерная для посессивной и топоориентирующей моделей. С широким социальным контекстом надлежит также связывать бурные преобразования, какие происходят в имятворчестве второй половины XIX столетия. Отмена крепостного права открыла доступ к золотоискательству многих частных предпринимателей, а последовавшее за отменой крепостничества «раскрепощение духа» и общая тенденция к демократизации культуры способствовали процессу номинативной интеграции в различных областях означивания. На процесс именования приисков начинают оказывать влияние модели эргонимической номинации («Свободное обращение золота», 1902 — частный прииск Н.Фанбулова). Названия, слабо мотивированные или вообще не связанные со свойствами объектов, приобретают рекламно-украшающий характер. В номинации отчетливо проступает ориентация на художественную образность и литературные тексты (прииски Гном-Загадка, Сладко-Гостимый, Без Вины Виноватый). Проявляет себя установка на экзотичность, экстравагантность именования (прииски Галлий, Ирис, Ле-Миллионный, Москатес, Трапезондский, Франкфурт-на-Урус-Кискань). Формируются семантические блоки наименований, выполненные в единой индивидуально-авторской номинативной манере: прииски Албанский, Африканский, Кавказский, Крымский, Магденбарский — владелец Шакир Рамеев; прииски Алтын, Дельфин, Джигит, Маяк, Мир, Свобода, Совет, Пустыня — владелец Закир Рамеев; прииски Ландыш,

Ласточка, Любовь — владелец Павел Новгородцев; прииски Декабрь, Июнь, Май, Ноябрь, Октябрь, Сентябрь — собственность Товарищества Джетугоринских золотых приисков.

С точки зрения языковой динамики вторая половина XIX века предстает как этап поиска новых путей для номинативного воплощения идеи индивидуальности. Одно из направлений развития связано с обогащением арсенала мотивом и фонда производящей лексики в рамках традиционной дескриптивной номинации и посвящения. Другое направление верифицируется усложнением номинативной техники и появлением громоздких многокомпонентных названий. Стремление к многопризнаковому описанию сделало техническую модель столь популярной, что в ее пределах начали объединяться в причудливых сочетаниях разные семантические элементы, см.: прииски Беспутно-Петровановский, Данно-Богородицкий, Идея-Драгинский, Иоано-Люблиновский, Нагорно-Властелевский, Случайно-Владимирский, Харитонов-Компанейский. Номинативные «гибриды» несут печать контаминации разных моделей и опосредованно свидетельствуют о ситуации слома, нарушения стереотипов именования.

Третье направление, в котором развивается тенденция к индивидуализации обозначения, представлено формированием стратегии условно-символического наречения. Условно-символическая номинация преодолевала громоздкость сложносоставных наименований и в то же время открывала новые возможности в номинативной пластике. Названия индивидуализировались благодаря коннотативному потенциалу, допускавшему разнонаправленные ассоциации, а расчет на культурно-познавательный опыт коммуникантов позволял значительно расширить круг лексических мотиваторов. Простор для номинативного маневрирования, который предоставляла условно-символическая номинация, определил высокую продуктивность ее моделей и способствовал упрочению этой традиции в практике искусственного наречения.

Раздел IV.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСКУССТВЕННОЙ ОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Вновь созданное имя, включаясь в тексты коммуникации, втягивается в процессы референции и дальнейшей мотивации. Вне всякого сомнения, изменения, какие происходят в именном означивании, не изолированы от общезыковых процессов и преобразований во внешнем социокультурном пространстве. Но не менее существенной для онимической номинации оказывается объединяющая, связующая роль сформированной в языке системы номинативно-именных моделей и определенных закономерностей их реализации — номинативной макропарадигмы онама, обеспечивающей возможность для взаимного влияния различных номинативных схем в нескончаемом «круговороте» именования. Будучи в каждый отдельный момент своего функционирования и результатом предшествующего развития, и основанием для текущей деятельности, макропарадигма имени собственного претерпевает сложные внутренние модификации — обусловленные формированием новых моделей обозначения, их сосуществованием с уже известными или замещением.

В номинативной макропарадигме онама стыкуются два плана абстракции: один из них обращен к тем образцам оформления и содержания собственных имен, какие наличествуют в языке, другой — к стереотипам восприятия, концептуальной интерпретации реальных, выступающих в качестве денотатов именного обозначения: «Семантическая связь устанавливается в пределах одного уровня — информационно-языкового по способу задания, но концептуального по существу рассматриваемых закономерностей» (Скороходько 1974, с. 31). Поэтому в понятие номинативной макропарадигмы следует вносить не только структурно-семантические «формулы» собственных имен, но также концепции их применения в номинации репродуктивного или продуктивного, креативного типа.

Входящие в макропарадигму частные именные парадигмы неоднородны по степени консервативности и мобильности номинативных моделей, их исторической глубине и семиотическому потенциалу, поэтому проблема воздействия онимической номинативной системы на процессы именотворчества может решаться в нескольких аспектах: в аспекте взаимодействия моделей, принадлежащих одному либо разным онимическим разрядам; в аспекте взаимодействия именных обозначений для денотатов, воспринимаемых как соположенные, соединенные на тех или иных основаниях; в аспекте диахронического взаимодействия некоторых концепций именования.

Семантические комплексы в искусственной онимической номинации

Интегративное действие онимической системы сказывается при функционировании номинативных моделей в речемыслительной деятельности и проявляет себя в разных формах. К ее влиянию следует отнести перенос структурно-словообразовательных схем из одной номинативной модели в другие. Например, форма родительного падежа имени собственного, обычная для топонимов-посвящений, постепенно распространяется на модели с иным мотивировочным значением: грот Девы, зал Завалов, пещера Мрака, река Ковылей, река Аномалии, ледник Эдельвейсов, скала Молчания. Напротив, форма субстантивированного прилагательного, свойственная дескрипциям, переносится на модели посвящения: пещера Академическая, пещера Студенческая, пик Комсомольский, оазис Молодежный, купол Пионерский, купол Университетский.

Форма именительного падежа субстантива, характерная для образно-метафорической модели, начинает недифференцированно применяться в посвящениях и условно-символических названиях: бухта Аврора — «в честь крейсера «Аврора»; станция Беллинсгаузен, ледник Зоя Космодемьянская, горы Выстрел, Зенит, Мираж, Экспресс; о-в Магнит. Мотивировка, опирающаяся на реальный признак атрибуции объекта, при ассоциативно-словесном отстранении приводит к созданию абстрактных условно-символических имен: гроты Тишина, Резонанс, о-в Гранат, озеро Эхо. В приверженности к универсальным образцам оформления мотивировочного содержания проступает характерная черта искусственной топонимической номинации: если номинация естественная вырабатывает специальные топонимические форматы и средства дифференциации объектов разного статуса (Никонов 1962; Жучкевич 1968; Роспонд 1972), то искусственная ограничивает арсенал словообразовательных средств и стремится к ус-

тановлению синкретичных форм обозначения. Аморфность структурно-словообразовательных моделей, в свою очередь, может способствовать размыванию, десемантизации исходного мотивировочного значения.

В создании условных творческих имен, как это уже отмечалось ранее, также недифференцированно применяются варианты традиционной антропонимической формулы и прозвищные модели: *Саша, Сашок, Иреней Модестович, Василич, Ф. Безрукий, Безрукий, Борода, Пенсне*. На их основе выстраиваются окказиональные производные: *Тарах Толерансов, Хуздазад Церебринов, Смарагд Бриллиантов, Гиацинт Тюльпанов, Самокритик Словотеков, Альф Омегин, Хренредькинеслащев, Пельменелюбов, Разлюлималиновский* и т.д. Ситуация осложняется тем, что псевдонимы создаются в свободной художественноречевой манере и строительным материалом для них служат любые единицы языка вплоть до сложных словосочетаний и предложений: *Иван Иванов сын; Хохотенко-Хлопотунов-Пустяковский, отставной подпоручик, помещик разных губерний и кавалер беспорочности; Забудь меня! Что в имени тебе моем?* Однако давление языковой системы и здесь оказывает свое действие, и на смену свободному маневрированию в использовании производящего материала во второй половине XX века приходит стремление следовать в оформлении псевдонима традиционной антропонимической формуле.

В интегративные процессы включается содержательная сторона номинативных моделей, и это способствует увеличению мотивом, задействованных в реализации магистральных аспектов номинации. Так, стратегия посвящения в топонимии развивается от «персональной» и «праздничной» модели к посвящению группам людей, объединенных общими духовными качествами (ледник Отважных, грот Романтиков) либо профессией (скалы Горных Инженеров), к посвящению социальным институтам (зал Прессы, скалы Арктического Института, о-ва Полярной Авиации). Есть внутренняя логика у такого расширения: человек → группа людей → общественное объединение, но, очевидно, общая динамика происходила не без влияния со стороны номинативных моделей эргонимов.

О вхождении в искусственную топонимическую номинацию моделей естественной и конфессиональной номинации, о пересечении разных в смысловом отношении моделей псевдоименования уже говорилось в соответствующих разделах работы. Важнейшим следствием динамического взаимодействия номинативных моделей является обновление фонда именных знаков. Это результат уподобления и переосмысления разных моделей, испытания возможностей языка, благодаря чему «освежаются» известные именные схемы и появляются новые. Отношения сходства и различия между ними сводятся к системным отношениям

внутри номинативной макропарадигмы имени собственного. Однако в процессы именного означивания втягиваются не только общие представления о закономерностях отбора формы и содержания для именных единиц, но и представления о соединении, соположенности самих объектов называния. На этом аспекте нужно остановиться особо в связи с вопросом об организации семантических именных комплексов.

Семантические комплексы неоднократно были предметом описания в топонимических исследованиях (Ромбандеева 1965; Беленькая 1969; Матвеев 1977, 1987; Бушенов 1985; Власова 1980; Чайкина 1983; Березович 1991; и др.), где по отношению к ним применялись синонимичные термины «ансамбли названий» (Подольская 1988; Капанадзе 1982; Поспелов 1996), «семантическая концентрация имен» (Беленькая 1969), «семантические микросистемы» (Березович 1991). Традиционно под семантическими именными комплексами подразумеваются «семантические связанные названия смежных объектов» (Березович 1991, с. 87). Поскольку в нашей работе понятие недифференцированно будет применяться к топонимам и антропонимам, есть необходимость уточнить его содержание: семантическими комплексами мы будем называть группы семантически соотнесенных имен для сопредельных и/или находящихся в тесном контакте реалий.

Появлению семантических комплексов способствуют не только языковые, но и внеязыковые причины; к последним относятся концептуализированные фреймы. В искусственной номинации топообъектов актуализируются фреймы знания местности и поведенческий фрейм «картирования»; в создании псевдонимов — метафрейм «творчества» и фрейм «авторского маркирования литературного текста».

Поскольку в топонимии семантические комплексы представлены наиболее ярко¹, обратимся в первую очередь к топонимическому материалу и в качестве опорного будем использовать названия природных географических объектов. Топонимические комплексы часто образуются номинативными дескрипциями, если базой для их организации служит наименование смежного топообъекта: бухта Арская, о-ва Арские — «названы Ф.П.Литке по названию губы Ара» (НСБ, с. 84), мысы Большой Городецкий и Малый Городецкий — «названы И.П.Милоковым по названию губы Городецкой» (НСБ, с. 95).

Номинативная ориентация на один и тот же объект требует введения дополнительных различителей, в их роли выступают tradi-

---

¹ В наибольшей степени к образованию семантических комплексов тяготеют урбанонимы. Семантические комплексы названий внутригородских объектов широко представлены во многих языках (Беленькая 1969, Мирер 1967, Егорова 1988, Поспелов 1996), и, очевидно, это явление весьма распространено в городской культуре европейского типа.

ционные для топонимии ориентирующие индексы «правый—левый», «большой—малый», «верхний—нижний» с возможным включением «средний»: ледники Большой Азау — Малый Азау, Большой Право-Люнкидэнский — Большой Лево-Люнкидэнский, Баркрас Правый — Баркрас Средний; прииски Горнощитский — Верхне-Горнощитский — Восточно-Горнощитский; Шапшинский — Больше-Шапшинский — Мало-Шапшинский.

Наряду с различителем «новый» в искусственной топонимии активно применяются счетные слова: прииски Березовский — Ново-Березовский, Второ-Ново-Березовский; Горнощитский, Новогорнощитский, Второ-Горнощитский; пещеры Первая Кутукская, Вторая Кутукская, Третья Кутукская, Четвертая Кутукская; Уинская Первая, Уинская Вторая. На картах и в описаниях их часто заменяют цифровые символы: пещеры Ерзовская 1, Ерзовская 2; Казаевская 1, Казаевская 2, Казаевская 3; Сухоречинская 1, Сухоречинская 2 и пр.

Дифференцирующие компоненты могут свободно избираться из списка признаков описания и организовывать весьма причудливые сочетания: пещеры Куликовская Ледяная, Куликовская Теплая, Куликовская Новая; прииски Кавелинский, Второ-Кавелинский, Горо-Кавелинский; Мостовский, Мостовский Второй, Мало-Мостовский, Мостовско-Ключевской, Каменно-Мостовский, Мостовско-Ильинский, Мостовско-Ивановский; Миасский, Верхне-Миасский, Второ-Миасский, Ново-горо-Миасский, Второ-горо-Миасский.

Таким образом, в номинативных дескрипциях ориентация на одну и ту же зону, обозначенную общей топонимической основой, приводит к нанизыванию или варьированию различительных компонентов либо проблема дополнительного означивания снимается введением цифровых индексов, что часто используется при блочном маркировании объектов на картах.

Иначе выстраиваются номинативные решения в комплексах условно-символических названий и посвящений. Соотносительные ряды образуются в итоге привлечения в качестве производящей тематически и ассоциативно связанной лексики, отвлеченный и условный характер мотивировки позволяет легко сцеплять наименования в обширные семантические блоки. Персональные посвящения могут группироваться по разным темам, например «наука», «литература», «музыкальное творчество»: горы Багрицкого, Есенина, Мусы Джалиля, Маяковского, скалы Островского, хребет Горького — нанесены САЭ в 1961 году в массиве Вольгат в пределах 1—2 градусов; горы Бородина, Чайковского, залив Стравинского, пики Мусоргского, п-ов Шостаковича — на Земле Александра I.

В урбанонимии тематическое объединение посвящений — излюбленный номинативный прием, и ассортимент мотивов здесь весьма обширен: блоки урбанонимов строятся на именах худож-

ников, музыкантов, литераторов, военачальников, известных исторических деятелей. Подобные примеры отмечаются не только в отечественной, но и в зарубежной практике: в Бухаресте, например, есть район, где улицы названы в честь композиторов (Поспелов 1996, с. 129), в английском городе Корби в одном из районов находятся улицы, носящие имена поэтов, в другом — художников (Беленькая 1969, с. 87).

Большой популярностью в топонимии пользуется тема географических посвящений: скалы Амурские, гора Вятская, гора Днепровская, гора Камская — названы Советской антарктической экспедицией в 1961 г. в массиве Вольтат; пролив Волжский, о-ва Донские — присвоены Советской антарктической экспедицией в 1961 году объектам в заливе Прюдс в море Содружества.

В подобных комплексах граница между посвящением и условно-символическим названием становится зыбкой и может смещаться то в одну, то в другую сторону. Ср.: Первая антарктическая экспедиция присвоила ряду островов названия известных географических объектов, чествуя победы в Отечественной войне 1812 года: о-ва Березина, Бородино, Ватерлоо и т.д. Но в названиях петербургских улиц, созданных приблизительно в то же время, блочно-территориальное объединение осуществлялось по условно-символическому принципу: в Выборгской части улицы и переулки назывались по городам Финляндии, в Нарвской части — по топонимам Прибалтики, в Литейной части для наименования использовались ойконимы западных губерний, на Васильевском поле — по городам Кавказа (Поспелов 1996, с. 128).

Условно-символические названия и посвящения легко организуют комплексы с общими идеологическими коннотациями: в Антарктике все «праздничные» названия маркируют объекты в массиве Вольтат (гора Первомайская, ледник Парижской Коммуны, ледник Октябрьской Революции, скалы Восьмого марта). Известен ряд соотнесенных идеологических названий у островов в архипелаге Северная Земля: Большевик, Комсомолец, Пионер, Октябрьской Революции.

Семантические ряды косвенно указывают на принадлежность объектов одной локальной зоне и тем самым обеспечивают пространственную ориентацию. Но не менее важной становится для номинаторов эстетическая значимость общего номинативного решения, единство номинативного стиля. Это подтверждают эстетически коннотированные комплексы условно-символических названий. Излюбленным приемом в создании экспрессивного эффекта служит обращение к «небесной» и «космической» тематике, например, в названиях островов в заливе Какапон и проливе Эдисто Советская антарктическая экспедиция 1956 года последовательно перечисляет планеты солнечной системы — Марс, Меркурий, Нептун, Плутон, Сатурн, Уран, Юпитер. Названия ручьев, придуманные геологами для карты Якутии, ри-

суют панораму звездного неба: Звездный, Лунный, Марсовый, Небесный (Мурзаев 1979, с. 130). Небесная тематика уже в символах сияния, свечения предстает в названиях бухт на побережье моря Космонавтов: Заря, Восход; и несколько иные ассоциации — суточного движения солнца по небу — связывают названия гор Вечерняя и Утренняя на Земле Эндерби. Если народные астрономия переносит на небесный свод наименования земных вещей (Рут 1992, Матвеев 1987), то условно-символическая номинация «притягивает» к земле реалии небесные, зато на поверхности Луны рисует фантастические образы небывалых ландшафтных объектов: Болото Сна, Залив Зноя, Залив Росы, Залив Радуги, Море Весны, Море Кризисов, Море Изобилия, Море Облаков, Море Мечты, Море Нектара, Море Спокойствия, Море Холода, Море Ясности и т.п.

Эстетически коннотированные семантические комплексы используют широкий репертуар тем, и наиболее подробно разрабатывают их урбанонимы, см.: улицы Алмазная, Жемчужовая, Изумрудная, Янтарная; Бодрая, Дружная, Веселая, Радостная, Спокойная; Желанная, Отрадная, Привольная, Райская; Таежная, Лесная, Лесостепная, Степная; Цитрусовая, Фруктовая, Травяная, Грибная; Карнавальная, Хороводная, Эстафетная, Турнирная, Физкультурная; Полюсная, Широтная, Экваториальная и т.д. (Поспелов 1996, с. 126).

Техника ассоциативно-вербального отвлечения позволяет выстраивать из условно-символических топонимов и посвящений длинные цепи ассоциативно спродуцированных имен, где каждое последующее на разных основаниях отталкивается от предыдущего, например арктические острова Ледокол и Ермак были названы в честь ледокола «Ермак», соседний с ними остров — в честь министра финансов С.Ю.Витте, способствовавшего постройке ледокола; лежащий рядом островок был именован уже по фамилии помощника Витте — В.И.Ковальского. По параллельной ассоциации топоним Ермак повлек за собой название острова Кучум (имя сибирского хана, с которым воевал Ермак), оно, в свою очередь, — остров Маметкул (имя племянника Кучума) и остров Юрт (юрт — область княжения хана Кучума). Поскольку связь мотивировочного признака с объектом названия эфемерна, подобные ряды всегда открыты для продолжений.

В противопоставление к пространным семантическим рядам можно привести компактные семантические аппликации, рисующие общую образную картину в названиях контактирующих объектов: скала Соколиный Камень — пещера Жилище Сокола; грот Данте и в нем — камень Чудовище; соприкасающиеся ледники — Серп и Молот.

Взаимовлияние и пересечение различных номинативных моделей отчетливо обнаруживает себя в семантической топонимической концентрации, но, несмотря на внешнюю сложность от-

странений и переходов, условно-символические названия и посвящения в семантических комплексах возвращают себе свойства указывать на месторасположение объекта, хотя уже в пределах до той или иной степени протяженной зоны.

В сфере псевдонимов выявление денотативно сближенных имен встречается серьезные трудности. Дело не только в том, что номинаторы не стремились раскрыть тайну своего имени или рассказать о причинах, направлявших выбор псевдонима, главное препятствие, с каким приходится сталкиваться, создается спецификой сферы языкового взаимодействия. Поскольку номинативная полифония в области псевдоименования гармонирует с полифоничностью самого творческого литературного процесса, широта и многотемность вовлеченного в метафрейм знания препятствуют схематизации, она рискует оказаться априорной. Творческие имена создавались на широком привлечении разнородного ономастического и апеллативного материала, а соучастие в этом процессе многообразных письменных текстов и актуальной социокультурной информации придавало движению номинации сложный, если не сказать витиеватый, характер. Добавим, что вербальный имидж автора творился в свободном полете фантазии и отнюдь не требовал координаты к другому носителю псевдонима, тем более что творческое имя, подобно авторскому почерку, претендовало на уникальность. Эти причины не позволяют причислить все без исключения факты семантической связи между псевдонимами к преднамеренному соотносению денотатов, ограничимся указанием лишь нескольких прозрачных и подлинно известных примеров.

Смысловый вектор к носителю другого псевдонима подчеркивается в названиях условно-идентифицирующих: *Аз из «Стрекозы»*; *Аз из «Стрекозы», не имеющий ничего общего с «Азом», не помнящим родства из «Мирского толка»* — И.Ф.Василевский; *Буква* — Ипполит Василевский, *Не-Буква* — Илья Василевский. Номинативное противопоставление здесь категорично и требует различать двух тезоименованных авторов, однако не открывает подлинного имени.

В оппозиции псевдонимов объективируется и более сложное и размытое содержание — указание на отличия в творческой манере, кредо, популярности: *Немаксим Горький, Негорький, Андрон Сладкий, Не Демьян, но Бедный*. Образ строится «от противного» и проникается оценочным смыслом.

Прямо противоположную, сближающую направленность имеют шуточные имена, построенные на вариативной проработке исходного имени: *Брат моего брата* — А.П.Чехов в «Будильнике», *Сын моей матери* — В.М.Дорошевич в «Развлечениях», *Брат своего брата, Братнин Брат* — Н.М.Пазухин. Формы, внешне противопоставленные, но созданные в одном ключе, очерчивают сходство творческой тематики и авторской позиции.

Модификация исходного псевдонима могла увлекать номинаторов к игре со словом, к поиску новых смысловых оттенков, какие создавались намеком на предшествующий, мотивирующий антропоним: *Человек без селезенки* — А.П.Чехов и *Человек без прямой кишки*, *Человек без ...*, *Человек-бес* — Ф.Ф.Благов.

Ассоциативный потенциал производного псевдонима увеличивался, если в игру с именем включались единицы прецедентных текстов: *Человек, который смеется* — Д.Д.Минаев; *Человек, который плачет* — В.М.Гаршин; *Человек, который смеется и плачет* — П.В.Засодимский. В смысловое соотношение в этом случае включались уже не только исходное и производное имя, но актуализированное знание прецедентного текста.

Профессиональное знание и языковое чутье художника сливаются в акте изобретения псевдонима в едином усилии создать подлинно творческое имя, но в организации семантических рядов за смысловой многослойностью проступают две главные линии, которые сводятся к двум основным функциям именного знака: различать личность человека и одновременно приобщать его к кругу «своих», с тем лишь отличием, что прорисовывается фигура автора, а «свой» круг охватывает людей одной профессиональной занятости.

Искусственная онимическая номинация и архетипические модели именования

Общеизвестно, что любое культурное явление, в том числе и явление языковое, формируется на почве, подготовленной для него предшествующим историческим развитием: «Основные концептуальные понятия и представления формируются в процессе практической деятельности людей, на основе их собственного опыта и традиции, унаследованной от предшествующей эпохи» (Гуревич 1972, с. 17). Искусственная номинация не составляет в этом отношении исключения: будучи закономерным следствием развития общественно-практической деятельности и языкотворческого начала, она стихийно вбирает в себя опыт естественной, продолжает и дополняет его, развивая собственные традиции в номинативном освоении мира. Увеличивая радиус своего действия и оказывая существенное влияние на ономастическую систему языка, искусственная номинация способствует ее расширению и обогащению, она стимулирует динамику ономастической системы и помогает высвобождению и реализации ее внутренних потенциальных возможностей. Безусловно и то, что в разных онимических разрядах и в разных группах тематически организованной онимической лексики модели искусственной номинации спе-

цифицируются, приспособляясь к выполнению нагрузки, predetermined задачами коммуникации и тем видением реальности, какое характерно для человеческого восприятия отдельных областей означивания. Поэтому для космонимов, урбанонимов, прагматонимов, эргонимов и других разрядов собственных имен продуктивность тех или иных номинативных моделей и круг привлекаемой к их воплощению лексики, конечно же, будут различны. Однако, рассматривая действие искусственной номинации в ядерных классах онимической лексики, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой соотношения именотворчества с общей историей имени собственного и задаемся вопросом о существовании «вертикальных» интегративных структур, обеспечивающих непрерывность и преемственность устойчивых моделей именования: «Язык не мог не существовать и развиваться, если бы не было так называемой «внутренней семиотики»: определенные элементы языка, комбинируясь друг с другом в бесконечных качественно и количественно неодинаковых последовательностях, создают определенный текст «генетической» информации, который регулирует и прогнозирует возможные и невозможные, обязательные и необязательные пути существования, сосуществования и эволюции отдельных звеньев языкового механизма, накладывает «запреты» на одни участки языкового пространства и снимает их с других» (Маковский 1989, с. 7)¹. Древние корни имени собственного и его способность к долговременной консервации убеждают в возможности поиска некоторых трансисторических, базисных ономаσιологических формул, образующих исходную парадигму именования и выступающих своеобразными стержнями, притягиваясь к которым и отталкиваясь от которых имя собственное «вращается» в разных исторических стратах.

К проблеме выявления вневременного механизма именования уже обращались представители тартусской семиологической школы: Ю.М.Лотман и В.А.Успенский вневременную модель имени, рассматриваемого с точки зрения его семиотической функции, соотносят с мифотворческим кодированием: «Примером ориентации на мифологическое сознание в относительно недавнее время может быть самоосмысление эпохи Петра I и заданное созданной ее инерцией понимание этой эпохи в России XVIII — начала XIX вв. Это сотворение «новой» и «зла-

---

¹ Т.В.Гамкрелидзе, рассуждая о внутреннем «вертикальном» лингвосемиотическом коде, заостряет его сходство с кодом генетическим: «Бесконечное многообразие всего живого сводится в конечном счете к длиннейшим генетическим «сообщениям», составленным по особым правилам линейной комбинаторики элементов генетического кода, обладающего родственными чертами структурного сходства с ходом лингвистическим» (Гамкрелидзе 1988, с. 6).

той» России мыслилось как генеральное переименование — полная смена имен: смена названия государства, перенесение столицы и дача ей иноземного наименования, изменение титула главы государства, названий чинов и учреждений» (Успенский 1994, 1, с. 309). Авторы понимают миф как феномен сознания, базирующийся на отождествлении познаваемого мира с некоторым текстом, являющимся прообразом этого мира, причем подчеркивается, что истолкованный подобным образом «мифологизм» в тех или иных обликах предстает перед нами в самых разных исторических условиях (Летова 1982, с. 32). Через категорию мифа объясняется семиотическая нагрузка имени собственного и делается вывод, что имя по своей природе мифологично: «Можно сказать, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу. Именно в сфере собственных имен происходит то отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений и признаком которого являются, с одной стороны, всевозможные табу, с другой же, ритуальное изменение имен собственных» (Успенский 1994, 1, с. 301). Утверждение представляется излишне заостренным и в части сведения значения имени собственного к сугубо денотативному, и в части ограничения его семиотической нагрузки мифотворчеством. Хотя соучастие имени в развитии и поддержании определенных мифологем отрицать не приходится, оно все-таки остается одной из возможностей его применения, которая отнюдь не исчерпывает функционального потенциала знака. Согласно широко признанной социокультурной концепции Э.Кассирера, тайна культурогенеза коренится в формировании «человека символического» — приспособление его к природному миру шло в направлении выработки символов, в которых отразились попытки закрепить различные стандарты поведения, подсказанные другими живыми существами. Только для первобытного мышления, считает Кассирер, смешиваются символ и вещь, вследствие чего символ наделяется либо магической, либо физической силой. Однако в ходе дальнейшего развития культуры отношения между вещами и символами проясняются, как проясняются отношения между возможностью и реальностью (Кассирер 1986). Имя собственное, будучи концептом языка и одновременно концептом этнокультуры, насыщается тем символическим значением, которое исходит и от системы языка, и от системы миропонимания при объективной сложности протекания этого процесса, поскольку концептосферы языка и мирозрения не изоморфны и движутся в несовпадающем темпоритме. Таким образом, можно полагать, что сам языковой концепт онома и его номинативная макропарадигма характеризуются «диахронической многослойностью, которая проистекает из смены культурных представлений» (Проскурин 1991, с. 124).

Если существует глубинная память культуры, способная оживлять реликты прошлого и перевоплощать их в новые формы, то, очевидно, и сам языковой концепт способен оставлять «след» или «тень» ушедшего лингвосприятия и поддерживать его в периферийном ореоле у когнитивного субстрата имени собственного в концептуальной картине мира. К такому утверждению склоняют косвенные свидетельства, являющие себя в суевериях, предрассудках, негласных запретах, в трактовках, какие дает имени художественное сознание или обостренное языковое чутье художника. М.Иорданская-Куприна сохранила в своих воспоминаниях размышления А.И.Куприна по поводу писательских фамилий: «Когда видишь на обложке новое имя, то всегда приходит в голову — имеет ли оно будущее или это фамилия без будущего... мне попались стихи поэта Ляleckкина. Стихи были неплохи, хотя и незрелы, и видно было, что писал их молодой автор. «Ну, хорошо, — сказал я себе, — сейчас он молод, и «Ляleckкин» звучит наивно и даже мило, а что будет, когда он доживет до седых волос? Он все еще будет Ляleckкиным, и это будет смешно не вязаться с его поэзией, когда она станет зрелой и серьезной. Нет, это фамилия без будущего». И странно, после небольшого сборника фамилия Ляleckкина мне больше не попадалась. Кажется, он умер молодым» (Куприна-Иорданская М. Годы молодости. Воспоминания о А.И.Куприне. М., 1960. С. 126—127).

Стремление соединить с феноменом имени какие-либо воздействующие силы может удерживаться также в индивидуальном теоретическом сознании (философском и научном), и это не случайно. Философия, в частности, во многом рационализируя интуиции обыденного сознания, отразившиеся в языке как первым опыте рефлексии над человеческой деятельностью, также эксплицирует глубинное мироощущение человека (Постовалова 1988, с. 39). Так, размышляя над природой и свойствами личного имени, философ П.А.Флоренский приходит к заключению о его энергетической способности: «Общечеловеческая формула о значимости имен и о связи с каждым из них духовной и отчасти психофизической структуры ведет к необходимому признанию, что в убеждениях этого рода действительно есть что-то объективное и что человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциональных сил или силовых субстанций, или энергий, имело уже за собой подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме» (Флоренский 1993, с. 253). Феноменологическая концепция имени у философа XX столетия обнаруживает в себе не только отзвуки платоновско-гностиической традиции (Свасьян 1993, с. 106), но также отзвуки более архаичных мистических представлений о слове как агенте действия: «В личности сходятся многие формирующие ее деятели. Но, будучи формами в отношении фак-

торов низшего порядка, они сами становятся материалом формирующей деятельности имени» (Флоренский 1993, с. 280); «...именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» (Там же, с. 270)¹.

Современные психологи, социологи и даже медики то и дело обращаются к выявлению программирующих, предопределяющих свойств личного имени, оперируя при этом разными показателями. Английский терапевт Т.Уэстон утверждает, что большинство пациентов, чьи имена начинаются с букв последней трети алфавита, вдвое чаще болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями. Чикагские исследователи приходят к выводу, что обладатели имен Мельвин, Найджел или Джулиан, как правило, занимаются гуманитарными науками; имена Пори, Роки, Чак — самые распространенные у спортсменов (Новоселова 1992, с. 4). Харьковский психолог Б.Хигир убежден, что имя, сочетая в себе набор звуков разной высоты и тембра, возбуждает разные структуры долей головного мозга и звуковая нагрузка сказывается на формировании психики, поэтому у людей с одинаковым именем вырабатываются почти схожие характеры; отсюда следует вывод: судьба, которую диктует имя, практически не зависит от социальных условий (Хигир 1993).

Само кружение трактовок вокруг идеи имени свидетельствуют об экспликации некоторых архетипических форм восприятия. Если принять в качестве исходной посылку об «органическом сцеплении концептов, имеющих языковое основание, с концептами иной природы» (Кубрякова 1988, с. 144) и о несинхронизированном их взаимодействии, то можно полагать наличие архетипичного и архаичного инварианта, от которого производятся множественные варианты, уже «деархаизированные» (Касевич 1990, с. 22), на разных основаниях отдаленные и отделенные от него. Исходная посылка позволяет обратиться к поиску интегративных ономаσιологических структур, связующих древнюю номинативно-именную парадигму с современной номинацией, и в качестве ведущего понятия использовать понятие «номинативный архетип», или «архетип именования». В целом весьма масштабная проблема реконструкции архетипов именования — дело будущего. В настоящем разделе постановка проблемы носит предварительный характер и преследует цель показать возможные, но не единствен-

---

¹ В качестве антитезы к концепции П.Флоренского можно привести теорию С.Крипке, относящего имена собственные к «жестким десигнаторам», «адескриптивным обозначениям» (Kripke 1972). Показательно, что наиболее близкие тому исторические соответствия отыскиваются в средневековой схоластике (Руденко 1994, с. 149).

ные пути разрешения, при этом в центре оказываются именно те прототипы, рефлексy которых можно обнаружить в искусственной онимической номинации¹.

Лингвистическая традиция применения термина «архетип» соотносится главным образом со сравнительно-историческими изысканиями и реконструкцией вероятностных праформ через процедуры установления фонетических соответствий в корнях и аффиксах генетически родственных языков; основное внимание при этом уделяется определению внешней формы сходных языковых знаков. Существует также контраверсивный современный опыт сравнительно-семасиологических реконструкций, нацеленных на выявление наиболее важных типовых моделей развития семантических переходов (Трубачев 1985; Маковский 1989, 1992). В области синтаксиса структурно-семантические типологические реконструкции принадлежат И.И.Мещанинову и С.Д.Кацнельсону (Мещанинов 1945; Кацнельсон 1936). Для приближения к ономасиологическим архетипам в свете постулата о связи языка и сознания немаловажное значение приобретает также культурологическая трактовка архетипов сознания у К.Юнга. В представлении Юнга, архетипы — глубинные матрицы сознания, сформировавшиеся в первобытность человека природного и оставившие след в структурах генетической памяти: «Психическая субстанция человека, несмотря на такие специфические способности, как сознание и способность к обучению, остается все-таки природным явлением... ее фундамент изначально складывается в сравнительно четко очерченную, незыблемую до определенных пределов форму (архетипы), детерминирующую, таким образом, специфическую наследственность вида. Преднамеренность, произвольность действий, индивидуальные различия — все это позднейшие завоевания, связанные с эмансипацией сознания, с освобождением от чистой инстинктивности» (Юнг 1994, с. 61). Архетипы, присущие архаичным слоям психики через спонтанные косвенные проекции, обнаруживают свое действие в «коллективном бессознательном». Архетипическое, по Юнгу, находит свое проявление, «проступает на поверхность» в творческой фантазии, в природе символизации и мифологическом «дорисовывании» мира: «...В одном случае явление действительности, принадлежащее объективному миру, то есть имеющее физическую природу, служит импульсом для возникновения мифа, выступающего впредь в качестве его сопровождения; в

---

¹ Синкретичный характер древних наименований, включение именных обозначений в многочисленные ритуальные действия и тексты коммуникации дают основание полагать, что движение архетипов далеко от линейного развертывания и последовательного преобразования, скорее за этой динамикой угадываются сложные процессы семантического сближения, наслоения, выветривания с последующим переосмыслением и т.д.

другом случае архетип сам порождает соответствующее видение» (Юнг 1994, с. 22). Взаимодействуя с глубинными, архетипическими структурами коллективного бессознательного, ассимилируя и актуализируя их, сознание вырабатывает мифологические представления, «привязанные» к соответствующим месту и времени (Акопян 1994, с. 15).

Процедура установления номинативных архетипов именования должна учитывать два плана: план оформления моделей и план их содержания, а именно обобщенную номинативную интенциональность. Поэтому аргументация и привлечение свидетельского материала для дальнейших построений строятся на комплексе разных по характеру показателей. К ним относятся: а) исторически устойчивые, повторяемые формулы именования; б) особенности производной структуры древнейших онимических единиц; в) некоторые современные стихийно-коллективные увлечения, массовые пристрастия, предпочтения, отдаваемые тем или иным номинативным стратегиям; г) возможные интерпретационные отголоски, «реинтерпретации» самих актов именования, что редко, но происходит в контексте поведения, которому сопутствует напряженный эмоциональный тонус.

Какова же исходная «форма» для протекания архаичного процесса именования? В историческом плане процесс наименования был одновременно и процессом создания предложений (Мещанинов 1945, с. 200), генетическую общность этих явлений не раз подчеркивали современные исследователи (Колшанский 1972; Арутюнова 1975). Поэтому архетипы именования, на наш взгляд, могут быть выделены с учетом реконструкции иллокутивных целей высказываний, к которым относится номинативная деятельность. На этом основании наиболее отчетливо противопоставлены друг другу *индикатив*, *дезидератив*, *дедикатив*.

Индикатив соответствует номинации, включенной в сообщение о том, что происходило или происходит здесь и сейчас. Он протекает в русле реальной модальности и выражает суждение о денотате, то есть передает различные его характеристики: квалификативные, количественные, посессивные, релятивные, таксономические и пр. Сообщая и описывая одновременно, индикатив вовлекает тем самым называемое в круг «своего», уже освоенного жизненного пространства. Предмет опознается через нахождение примет различия, сходства, общности со свойствами известных реалий и определяется в его связях и отношениях с ними.

Индикатив в наибольшей мере соответствует познавательной устремленности человеческого *ratio* в словесном освоении-присвоении мира. Это убедительно показывает О.Н.Трубачев на примере этимологии славянского названия *вещи* в свете концептуальной связи «названный» — «свой»: «слав.*vektz продолжает *uek-to-, преобразованное из *uk-to-, ср. др.-инд. uk-ta — «ска-

занный». Все, что охватывается понятием *uk-to-, — это то, что названо или что можно назвать, и сама природа такого именования подразумевает наличие еще и других сущностей, которые назвать нельзя... В этом позволительно усмотреть еще одну имплицативную оппозицию «свое» — «не свое» (здесь: «неизреченное, неназываемое») и дополнительную аргументацию невозможности приложения «своего» (напр.: *suebh-) к высшему, запретному, то есть теонимии. И вся эта картина противопоставленности сферы вещей названных и высоких, умалчиваемых понятий, в свою очередь, хорошо укладывается в древнюю стадию молчаливого почитания неназванного (отметим большую самобытность славянского способа обозначения вещи как «названного»)» (Трубачев 1991, с. 186—187).

Индикатив обнаруживает свойства универсальной технической модели, значимой как для производства собственных имен, так и апеллятивов, он в равной мере поддерживает формирование единиц в двух субстантивных классах и, вероятно, способствует одновременно их тесному взаимодействию. Архаичность именного индикатива подтверждается семантикой корнеслова первичной славянской гидронимической лексики — наиболее древнего славянского онимического фонда. Сошлемся, в частности, на примеры, славянских по происхождению гидронимов Подунавья, какие привлекает О.Н.Трубачев в обоснование версии дунайской прародины славян:

Sztruga < прасл. * struga «струя»

* Bъrzъ < * bъrzъ «быстрый»

* Bystrica < *bystrica «быстрая река»

* Sopotъ < *sopotъ «источник, ключ»

* Toplica < *toplica «теплая вода»

* Kaliga < *kaliga «тина» (Трубачев 1994, с.39, 129).

Описательный характер подавляющей массы древних прозвищных имен также не оставляет сомнений, это неоднократно подчеркивалось в исследованиях архаичного антропонимического материала (см.: Селищев 1968; Чичагов 1959; Сулова, Суперанская 1978).

Индикатив устойчив в синхронно-диахронном функционировании языка, и регулярность применения логического и технического приема — сворачивания синтаксической конструкции в лексическую онимическую единицу — способствует продуцированию уже собственно онимической номинации-дескрипции. На соучастии обеих возможностей формируется фонд моделей естественной номинации, и по ним продолжает идти стихийное формирование топонимов и прозвищных антропонимов. В практике искусственной номинации дескриптивное название хронологически наиболее раннее, во всяком случае для объектов природного ландшафта. В этом убеждает, в частности, анализ искусст-

венных гидронимов, занесенных на карту территории Северного Урала в 1830 году одной из Горных экспедиций¹: подавляющее число созданных «для карты» названий произведено по моделям естественно сложившихся гидронимов, см.: реки Большая, Кривая, Крутая, Широкая, Белая, Ржавка, Черная, Быстрая, Сухая, Болотная, Боровая, Согристая, Дальняя, Западная, Северная, Полуденная, Березовка, Сосновка, Калиновка, Ольховка, Липовая, Лиственничная, Бобровка, Кукушья, Медвежья, Оленья, Веселая, Грозная, Замарайка, Вогулка и т.п.

Генетическая связь номинации-описания с познавательным бытийным опытом человека, ее нацеленность на максимальное соответствие идентифицирующей функции именного называния заставляет думать, что именно она и становится для топонимической номинации своеобразной ономаσιологической опорой, основанием «сбалансированности» всех типов наречения, тем фундаментом, на котором все отчетливее проявляют свою активность модели других стратегий именования.

Дезидератив. Архаический дезидератив — это номинация пожелательной направленности, протекающая в русле ирреальной модальности. Называемый объект представляется здесь в ином ракурсе: он граничит с трансцендентным миром, развернут к нему и открыт его влиянию. Само переживание присутствия трансцендентного, начала таинственных сакрализованных сил изначально должно было придавать дезидеративу высокую эмоциональную напряженность, и речение наполнялось смыслом магического воздействия, пробуждения связи «адресат—объект», где в позиции адресата мыслилась Высшая Реальность². В рамках магического действия словесные формулы и отдельные сло-

---

¹ Горные экспедиции вели разведку полезных ископаемых на Северном Урале в течение длительного срока. Поскольку эта работа требовала географических привязок, экспедиции попутно описывали и картографировали исследуемые земли. Экспедиция 1834 г. и все последующие «почти за правило названия давать рекам и урочищам те самые, которые они имеют у туземцев». Но Горная экспедиция 1830 г., не установив тесных контактов с местным мансийским населением, вынуждена была также давать свои собственные имена. Они просуществовали недолго и в дальнейшем на картах уступили место аборигенным топонимам (подробнее об этом: Голомидова 1985).

² Ср.: «Ситуация, при которой внешний мир наполнен существами иной, нечеловеческой природы, предполагает «понимание» при условии ведения диалога. Постоянный и в высшей мере эмоциональный диалог человека с природным окружением — характерная особенность традиционной культуры. В этом отношении особенно показательны различия в стратегии освоения внешнего мира. Если современная технологическая мысль и производственная деятельность до недавнего времени были ориентированы на «покорение» внешнего мира, то для традиционной (и еще в большей степени для архаичной) культуры была свойственна установка на сотрудничество с ним, усвоение его «ответов» с целью достижения взаимоприемлемых результатов» (Байбури 1993, с. 154).

ва, насыщаясь смыслопереживанием сакрального, брали на себя функции агентов, делателей, или производителей, нового состояния объекта.

Наиболее четкое представление о дезидеративе дают древние охранительные и пожелательные имена: они создают в модусе «как если бы предмет был тем-то и таким-то» нужный условный образ, заслоняющий реальные свойства денотата, скрывающий или, напротив, улучшающий его. Модальность ирреального, допуская разные варианты («стань как бы таким-то» или «стал бы ты таким-то»), соответствует номинативному смещению на воображаемое, пожелательное.

Нет ничего удивительного в том, что архаичный дезидератив трудно отыскать в ранней славянской топонимии: если географический объект и мыслился в пограничье или в причастности к Высшей Реальности, то мы вправе ожидать в этом случае словесную лакуну, умолчание, ибо «эпоха молчаливого благоговейного почитания высоких сущностей должна породить чувство высокой ответственности слова, называющего вещь (а тем более имени)» (Трубачев 1991, с. 187). Закрепление же названия в устной передаче могло происходить только через озвучивание его, а стало быть, в деятельности обыденной и в текстах профанизированных, лишенных святости. Если дезидеративные формы топоназывания и существовали, то скорее их следует связывать со специальными ритуалами и текстами заклинаний, прошений, молений, а подобный материал менее всего устойчив во времени. Однако в качестве косвенного свидетельства вероятному применению пожелательности при употреблении топонимов можно расценивать топонимические «гlossы» в народных заговорах (текстах, безусловно, более позднего образования). «Собственные имена в заговорах выполняют магическую функцию, — пишет С.Е.Никитина. — В прямых обращениях к объектам природы, например к рекам, эти объекты персонифицируются, и становится очень важным назвать их по имени, чтобы они откликнулись на *просьбу*» (выделено нами. — М.Г.) (Никитина 1982, с. 134). Дезидератив в силу органической спаянности с языческими представлениями едва ли мог сохранить свою семантическую полноту после принятия на Руси христианства, и судить о его рефlekсах в народной именующей традиции приходится, только исходя из общих предположений.

К древнему мифопоэтическому языковому видению восходят корни художественной поэтики устного народного и письменного литературного творчества. На это указывал еще А.А.Потебня, видевший в языке и слове первоэлементы поэтической образности, первые шаги к осмыслению поэтического представления и полагавший, что искусство слова является в какой-то мере началом всех искусств (Потебня 1976). У Потебни получает филологическое обоснование и углубление идея, высказанная еще роман-

тиками, о том, что фольклор и общенародный язык — почва, на которой вырастает национальная литература: «Языки создаются тысячелетиями, и если бы, например, в языке русского народа... не было поэтических элементов, то откуда бы взялось их сосредоточение в Пушкине, Гоголе и последующих романах? Откуда быть грозе, если в воздухе нет электричества? Даже более: поэтические стихии языка даже и не могут существовать только в виде элементов. Сила сберегается только трудом. Должны быть и поэтические произведения, но только лишь в других сферах. Расцвет поэзии (то есть письменной) есть результат взаимодействия до того различных течений мысли» (Потебня 1905, с.116).

Поэтическое переживание, тонированное уже иной, эстетической, окраской, способно рождать идеализированные, желаемые образы, и через отстранение от поэтики художественных текстов вливаются в искусственную номинацию «идеализированная» абстрактная образность и нацеленные на эстетический эффект способы «работы» со словом. Это хорошо показывают антропони́мы-псевдонимы, предназначенные для выполнения имиджной функции и выполненные в условной художественно-образной манере. Что касается географических названий, то в XVIII, а более в XIX веке среди искусственно созданных обращают на себя внимание имена, тяготеющие к красочной, нарядной изобразительности, нобилизации, декоративности. См.: названия помещичьих усадеб центральных губерний, зафиксированные «Списком населенных мест Российской империи 1862 г.»: Воздыхаловка, Монилезир, Нерастанное, Солнышково, Утеха (см.: Горбаневский 1979, с. 104, 106). Полифоничны с ними названия внутригородских объектов, созданные в это же время, возьмем для примера урбанонимы города Гродно, записанные в документах XIX в.: переулки Роскошный, Скромный, Вольный, Ясный; улицы Буйная, Веселая, Кроткая, Медовая, Роскошь (см.: Мезенко 1992, с. 138). Перечисленные названия можно дополнить синхронными по времени появления именами уральских золотых приисков: Азартный, Верный, Гном-Загадка, Добролюбный, Любовь, Невинный, Мир, Отдых, Сердечный, Счастливый, Сладкогостимый. Установка на эстетизацию названий последовательно реализовалась в привлечении отстраненных и абстрактных образов (прииски Дельфин, Ландыш, Ласточка, Кантата, Фараон); прецедентных единиц (прииски Язонов Клад, Золотое Руно, Без Вины Виноватый). Однако если подробнее останавливаться на приисковых названиях, то необходимо отметить, что разведка и разработка золотых месторождений всегда сопровождалась устными преданиями о старательской удаче, вмешательстве судьбы и действии фатальных сил. Смыслопереживание этих концептов равно, как и предчувствование или предвидение возможного вмешательства ирреального начала, возвращает в номинацию профилактические имена с пожелательным номина-

тивным «подтекстом»: прииски Ату их! Брысь! Бог помощь, Час Добрый! Сэнк-ю.

Прибегнув к «показаниям» эргонимической номинации нынешнего времени, можно без особых усилий установить актуальность приема нобилизации и квалификативного преувеличения в названиях торговых предприятий: «Авангард», «Восторг», «Люкс», «Лоск», «Король Сластен», «Престиж», «Триумф», «Шик», «Экстра», «Все для Вас», «Миллионный», «Тысяча мелочей», «Апогей». Трудно усомниться в том, что условно-символическая номинация становится в эргонимии чрезвычайно популярной именно по причине ее имманентной способности беспрепятственно привлекать условные образы и словесные абстракции для того, чтобы оказать нужное эмоциональное воздействие (см.: магазины и торговые фирмы «Афины», «Ариадна», «Галатей», «Гей», «Гомер», «Диана», «Иоланта», «Кентавр», «Колизей», «Меркурий»; «Былина», «Сказка», «Легенда»; «Блик», «Восход», «Зорюшка», «Луч», «Горизонт», «Радуга»; «Айсберг», «Гейзер», «Танаис», «Айва», «Ива», «Елочка», «Камелия», «Кедр», «Киви», «Даванда», «Рябинушка», «Цитрон», «Шафран»; «Чайка», ~~«Снегирь»~~; «Забота», «Визит», «Круиз», «Соло», «Фиеста» и т.п.).

Образность многих условно-символических наименований размыта и поддерживается культурно-фреймовой информацией, последняя же всегда готова дать подсказку при условии соотнесения с денотатом, в каком направлении и в каких пределах должны разворачиваться обратные ассоциации восприятия и складываться желаемый и воздействующий именной смысл. Так, ассоциативный ореол названий «Аванпост», «Витязь», «Око», «Паритет», «Эскорт», «Центурион», украшающих вывески охранных агентств, позволяет достаточно легко вообразить те рекламируемые качества, какие хотелось подчеркнуть номинаторам, и весьма примечательно в этом ряду соседство охранительного «Щита» с агрессивными «Барсом», «Кондором», «Ягуаром», «Ястребом» и «Командос».

Модус «условно возможного» или «желательного» способствует построению специальных контекстов, подкрепляющих условно-символические наименования. Устанавливаются по крайней мере две таких разновидности: а) контекст символического и стилизованного материально-предметного окружения; б) словесная ткань рекламных, прагматически ориентированных текстов. Иллюстрацией первого служит графические образы и эмблематические символы фирменных знаков, идеографические семиотические формы рекламной живописи и фотографии, наконец семиотизированный дизайн интерьеров.

Другой тип поддерживающих контекстов для эргонимов связан с текстовыми формами рекламы. Оценивая сотрудничество эргонимов и рекламы в плоскости интересующей нас модальнос-

ти, особо подчеркнем случаи косвенных трактовок имени собственного в слогане (рекламном девизе).

Эргонимы	Слоган
рекламное агентство «Звездный дождь» агентство по сделкам с недвижимостью «Магистраль»	«Закажи свой дождь успеха!» «Магистраль — это твоя дорога к дому»
туристическая фирма «Одиссей»	«В приятное путешествие вместе с Одиссеем!»
кондитерская фабрика «Конфи» кафе «Эдельвейс»	«Открой вкус жизни» «Эдельвейс — редкий цветок в городском пейзаже»

Слоган берет на себя значительную долю коммотивной и суггестивной функции рекламы. Давая ассоциативные отсылки к основному рекламному тексту, он помогает стимулировать определенные психические реакции адресата, поэтому обыгрывание имени собственного в рекламном девизе представляется важным именно с точки зрения его соучастия в верификации модальности «желаемого-возможного». Таким образом, рефлекс архетипического дезидератива обнаруживаются в эксплуатации тех свойств именного знака, какие могут воздействовать на сознание и, более всего, на коллективное бессознательное коммуникантов. Привлекательность образа, пробуждаемого внутренней формой именования, эстетические достоинства структурно-словообразовательной организации, имени наконец, благозвучие и эстетическая коннотированность звуковой формы задействованы в этом индивидуально по форме, но стихийно-массовом по сути творчестве. Неизбывная устремленность человека к прекрасному привносит в этот процесс поистине бесконечный характер, хотя внутри движения есть свои колебания, стихийные приливы и отливы коллективных пристрастий, массовые увлечения модными стереотипами обозначений. Но если еще раз вспомнить архаичный дезидератив, то в попытках приукрасить называемый предмет, апеллируя к представлениям о ценности моды, также угадываются его отголоски. Прозрачный иллюстративный материал к сказанному дают эргонимы сегодняшнего дня: конструируемые в свободной манере, но с установкой на колорит экзотичности, иноязычности, они не имеют четко воспринимаемой внутренней формы, зато тяготеют к звуковой образности и сгущению эмоционально-суггестивных коннотаций: Алленат, Андис, Амис, Биор, Вигас, Геркон, Деликт, Консум, Лантес, Олес, Осто, Нагваль, Тентум, Фиона, Мадиф, Фелкон, Эркас.

В отношении дедикатива уместно предположить, что он, подобно дезидеративу, осуществлялся в ирреальной модальности и не уступал ему по степени эмоциональной напряженности. Как

и для дезидератива, для дедикатива усматривается связь с переживанием трансцендентного начала, однако в дедикативе реализуется особая линия интенциональности: дедикатив словесно передает, уверяет называемый предмет сакрализованным силам или сущностям. Иллокуция предстает здесь как намерительность словесного дарения — «прими!» (в жертву, награду, дар, под свое покровительство). Нельзя исключить и такой возможности, что в изначальном дедикативе называемый предмет принимал на себя лишь иносказательные или эпитетные характеристики обожествляемой силы, назывался через соотнесенность с какими-либо ее символами либо атрибутами.

За дедикативом угадывается смысл ожидания обратного, компенсирующего действия: отдавая в словесном именовании предмета (человека) дань своего уважения божественным силам, называющие могли рассчитывать на проявление ответной благосклонности. Тем самым номинативное действие, если лишить его эмоционального пафоса, приближалось к своеобразному обмену — *do ut des* («даю, чтобы ты дал»), однако, выдержанное в пафосе почитания, преклонения, дедикативное название несло в себе смысл благоговейного подчинения сакрализованным религиозным приоритетам.

Архаичный дедикатив в славянской антропонимии, если воспользоваться для построения гипотезы сопоставительным этнокультурным материалом и сведениями о ритуалах наречения у народов, ведущих племенной образ жизни, очевидно, соотносится прежде всего с культом предков, с почитанием умерших и возвратом некронимов. Устойчивость такого поведенческого стереотипа способствовала формированию обычая, который уже вне связи с языческими религиозными представлениями продолжал сохраняться культурой, и, лишенное явного религиозного подтекста, правило именования новорожденного по имени умерших родственников могло действовать как негласная традиция, которая представляла одну из возможностей в выборе некрестильного имени при ситуации наречения. Бытование этой традиции на уровне неформализованного правила сохраняется и по сей день в русской лингвокультуре. Присвоение ребенку имени кого-нибудь из старших родственников (обычно умерших) расценивается «так принято», но продолжает сохранять смысл уважительного отношения к личности живущего человека или к памяти умершего.

Что касается славянской топонимии, то соображения, высказанные ранее по отношению к дезидеративу, в равной мере распространяются и на дедикатив: четкие его контуры вряд ли отыщутся в древнем фонде географических названий. Хотя в исследованиях, посвященных истории славянской и древнерусской культуре, нередко приводятся мифотопонимы, производные от имен Велеса, Перуна, Мокоши Ярилы, наименования «девичьих» гор и Марьиных озер и рощ (Рыбаков 1981; Волошина 1996;

и др.), необходимо иметь в виду, что каждый из таких фактов требует своего особого и тщательного рассмотрения, поскольку не исключает возможности переосмыслений и ложной этимологии. Во всяком случае названия типа село Волосово, Велесово дворище, Волосова улица, Ярилиная плешь, Мокошин верх, Русаловка (Волошина 1996, с. 47) скорее следует отнести к более поздним образованиям. Вместе с тем не подлежит сомнению особое отношение древних славян к местам культа, местам сборищ и принесения жертв: «Это явление было общечеловеческим, его следы мы найдем повсеместно — от священной горы Кроноса на Крите до славянской Арконы со святилищем Святовита на Балтийском море» (Рыбаков 1981, с. 285).

Дедикативная модель оказывается актуальной для тех античных европейских культур, в которых сложились устойчивые системы мифологических представлений и отличавшиеся единством и целостностью пантеоны антропоморфных богов. Их культы, оснащенные традиционной символикой, способствовали последовательному применению номинации-дарения, и храмовые постройки, которые возводились на местах религиозных обрядов или чудесных явлений, принимали имя почитаемого божества.

В дальнейшем развитии дедикатива буквальный смысл дарения постепенно вытесняется смыслом почитания и прославления, а пересечение культов природных сил и богов с культом властелина позволило связать посвящение с именем возводимого в ранг бога правителя: так, в Древнем Риме в I веке до н.э. храмовые постройки могли посвящаться императорам, обожествляемым посмертно или прижизненно. Для последующего формирования традиций посвящения намечаются две линии: одна из них связана с конфессиональной деятельностью и конфессиональным наречением, другая — с идеологемами и деяниями правящей светской власти, с номинативным прославлением имен царствующих особ и членов семей правящих династий.

В русской лингвокультуре название-посвящение восходит главным образом к православной церковной традиции и принятым в ней ритуалам и правилам наречения. Названные церковные постройки воспринимались как центры, в ориентации на которые осуществлялся метонимический номинативный перенос на ближайшие объекты искусственного ландшафта — улицы, переулки, площади, а также на более пространственные зоны — зоны поселений, и хотя в этом случае актуализировался уже не смысловой пафос посвящения, а более прозаичный смысл ориентации объектов по пространственной смежности, метонимический перенос способствовал укреплению исходных моделей церковной номинации.

В XVIII столетии, в период становления Российской империи посвящение входит в активный фонд искусственной номинации: «Обычай называть географические объекты именами святых был

тогда очень распространен. Как правило, присваивалось имя того святого, праздником которого был день открытия, или день открытия совпадал с кануном праздника святого» (Кусков 1971, с. 83). Правила церковного наречения настолько прочно были вписаны в культурный опыт, что даже называние природных географических реалий осуществлялось по подсказке церковного календаря. Однако традиционные модели посвящения могли наполняться светским содержанием или вбирать его в качестве фонового подтекста. Один из примеров тому — название Петропавловской гавани, присвоенное В.Берингом. В своем рапорте Сенату Беринг сообщал, что назвал эту гавань в честь «святых апостолов Петра и Павла», однако имена тех же святых апостолов носили корабли Камчатской экспедиции (Кусков 1971, с. 83).

Что касается номинации вновь образуемых, строящихся городов, крепостей, дворцовых парковых ансамблей, то здесь «получает распространение заложенная еще в Древнем Риме традиция присваивать... названия в честь императора, а также в честь их жен и детей» (Поспелов 1996, с. 81), но традиция эта была заимствована уже не из древнеримской, а из современной западноевропейской культуры.

Парадный идеологизированный пафос, каким сопровождалось наречение объектов искусственного ландшафта, почти отсутствует в названиях, созданных в ходе картографических и многопрофильных разведывательных работ. Пиететные мотивы здесь смещались в сторону признания заслуг людей, так или иначе причастных к исследовательскому поиску, людей, чья организационная помощь, финансовая поддержка или профессиональный опыт и преданность делу способствовали постижению новых территориальных пространств. Это прозрачно подтверждают названия, занесенные в XIX веке на карту Арктики: гора Остен-Сакена, гора Миддендорфа, гора Сидорова (Шпицберген) — «названы А.Петерманом в 1870 г. в честь вице-президента Русского Географического общества Ф.Г.Остен-Сакена, академика А.Ф. Миддендорфа и ревнителя Севера купца и золотопромышленника М.К.Сидорова»; гавань Диксона — «названа Н.А.Норденшельдом по имени мецената, который принял на себя издержки плавания 1875 г.»; мыс Шуберта (Белое море) — «назван И.Н.Ивановым в честь Ф.Ф.Шуберта, начальника корпуса военных топографов»; бухта Завалишина — «названа Ф.П.Литке в Териберской губе в честь одного из членов экспедиции, лейтенанта Завалишина»; гора Пахтусова (западный Шпицберген), горы Литке (о-в Эдж) — «Литке и Пахтусов здесь не бывали, но прославились исследованиями Новой Земли, Белого и Баренцева моря, откуда начинался русский путь к Шпицбергену»; мыс Старостина — «назван Норденшельдом в честь Ивана Старостина, зимовавшего на Шпицбергене тридцать два раза» (НСБ, с. 81—126).

В практике искусственного топонимического наречения в XX столетии стратегия посвящения продолжает развиваться в двух магистральных течениях: с одной стороны, в ойконимических названиях-посвящениях активно эксплуатируется идеологизированная тематика, с другой стороны, в топонимах, которые создаются в ходе научных и практических исследований, тематика профессионального «подвижничества». Как следствие — отыменные производные и в той, и в другой ветви называния образуют массивные блоки стереотипных обозначений.

Утверждение чьих-либо заслуг, закрепление связей со значительными событиями, наконец, переживание и номинативное подтверждение чувства гордости от успешного преодоления трудностей — эти мотивы регулярно повторяются в посвящении, поддерживая его особый, условно-мемориальный характер. Однако архаичный смысл дарения может спонтанно оживляться в номинативных действиях. Он проступает в подтексте некоторых парадных именовании: «...при жизни Екатерина успела «одарить городами» двух своих внуков — семилетнего Александра и пятилетнего Константина. В 1784 г. незадолго до этого основанное украинское село Усовка было преобразовано в город Александрия... а на Левобережной Украине вместо упраздненной крепости Белевская возник город Константиноград» (Поспелов 1996, с. 83).

Отнюдь не исключает дарительного жеста наречение «неидеологизированного» характера, поскольку появление названия может быть связано с конкретными жизненными ситуациями, и среди них — ситуациями сиюмоментно и лично значимыми: «Коническая черная сопка среди гор противоположного берега озера, за неимением торта, была подарена в день рождения геологу Вялову и носит его имя» (Рубан И. В глубь Антарктиды. М., 1966. С. 119).

Движение номинативной парадигмы имени во времени — процесс далекий от простого линейного преобразования, усложнения или обеднения каких-либо ее моделей. Вовлечение имени в разные сферы деятельности привносит в модели названия новые и специфические содержательные смыслы, способствует разведению формул именовании по разным областям внутреннего пространства культуры: традициям именовании, действующим в культуре народной, крестьянской, противопоставляются правила церковного наречения, от них, в свою очередь, отличаются номинативные «привычки», складывающиеся в секуляризованной городской культуре. Однако специфическое, присущее разным сферам языковой интеракции, не препятствует процессам перетекания, взаимодействия, взаимообогащения моделей именовании. Эти процессы обеспечиваются творческой способностью языкового сознания, переплавляющего накопленный опыт и воплощающего кумулированное знание в новые тексты языкового взаимодействия и в новые модели именного означивания. Модифи-

фикация и преобразование именных смыслов выступает как результат естественного движения познания, системы мировидения, стилей мышления, свойственных той или иной эпохе. Но культура архетипична и, развиваясь в новой реальности, сохраняет отпечатки прошлых типов человеческих переживаний. Упроченный в коллективном подсознании и остающийся на периферии концептуальной картины мира предшествующий культурный опыт может возрождать отголоски архаических смыслов, дополняя действительное желаемым, будь то желание приукрасить объекты называния и намеренно выстроить в именовании условный, впечатляющий образ или закрепить в условно-мемориальном имени социально-прагматической либо личностно-прагматический смысл дарения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык как сложноорганизованная и динамическая система не приемлет ничего аномального, что противоречило бы его внутренней логике или нарушало бы его функционирование, и для языкового сознания современного носителя языка искусственная номинация столь же органичная часть языкового опыта, сколь и другие типы именующих традиций.

Рассматриваемая с позиций истории культуры искусственная номинация обнаруживает связь с достаточно высоким уровнем институированности социальной жизни, специализацией различных сторон духовно-практической деятельности и социальнорольевым типом коммуникации. Именно в культуре, опирающейся на регулирующие возможности государственного администрирования, светского образования, профессиональной науки и искусства складываются в эпоху становления буржуазных отношений представления о человеке как автономном субъекте. Идея личности развивается на противопоставлении «индивидуальное—коллективное», и приоритет отдается первому началу. В свете идеалов Просвещения стали осознаваться ценность человеческой личности и безусловная уникальность частной человеческой жизни, это послужило подоплекой к формированию фигуры номинатора-творца, наделенного правом языкотворчества и руководствующегося в своих действиях чувствами ответственности, долга, необходимости, а иногда прихоти или тщеславия.

В *социолингвистическом* аспекте искусственная номинация представляет собой интенсифицированный способ выработки новых имен, объективная необходимость в котором возникла вместе с ускорением темпов общественной жизни и общественного развития.

В *прагматическом* аспекте искусственная номинация — установленная социальными конвенциями модель речевого поведения, согласно которой субъект, находящийся в определенной социороловой позиции, осознает и реализует свои полномочия нарекать, присваивать имена некоторым объектам.

В аспекте *когнитивном* искусственная номинация есть целеполагающая именотворческая деятельность.

В собственно *ономазиологическом* аспекте — это номинативный акт, направленный на создание априорно узуализированного лексического знака.

В русской лингвокультуре искусственная номинация начинает складываться в конце XVII — первой половине XVIII века. Ее росту способствовало становление Российской империи, бурное развитие различных сторон общественной жизни и укрепление нового, рационалистического стиля мышления. Однако в языковом сознании носителей языка не могли одновременно, «скачкообразным путем», возникнуть новые модели именования, потому в целом искусственное наречение спонтанно ориентировалось на опосредованные многовековым опытом модели естественной, народной, и церковной номинации. Другое дело, что, в отличие от консервативных по своей приверженности традициям народной и конфессиональной номинации, искусственная номинация, принадлежащая к культуре светской и просвещенной, в большей степени была открыта для иноязычного влияния, для воздействия со стороны художественной литературы, публицистики, деловых текстов. Передавая полномочия творца отдельному называющему субъекту, искусственная номинация создала условия для ускоренной модификации, варьирования и гибкого взаимодействия номинативных моделей. В топонимии она перерабатывает модели посвящения, формирует новый тип условно-символической номинации и реализует формулы номинативной дескрипции в опоре не на региональный языковой материал, а на лексику литературного языка и ограниченный фонд наиболее продуктивных структурно-словообразовательных моделей.

Связь искусственной номинации с литературным языком, письменными текстами различных жанров носила двусторонний характер и всегда оставалась актуальной. Тексты нормативные и предписательные служили средством узуализации новых имен. В свою очередь, текстовый материал нередко сам побуждал к номинативным действиям: тексты землеописания требовали создания названий для вновь открываемых топообъектов; административные списки — к блочному изобретению фамилий и некоторых топонимов, а вместе с формированием понятий авторства и авторского права художественные и публицистические тексты стали отмечаться псевдонимами.

Литературно-художественная речь оказала заметное влияние на представления об эстетических достоинствах имени собственного. О том, насколько актуальной становится установка на эстетизацию для топонимического наречения, лучше всего говорит появление эстетически коннотированных условно-символических названий и выдержанных в едином стиле топонимических комплексов. В искусственном антропонимическом нарече-

нии предвосхищение эстетического эффекта при будущем восприятии имени служит одним из главных рычагов, направляющих номинативные усилия при официальной смене фамилии или конструировании творческого имени. Производящая база для последних пространна — это лексемы и паремии литературной речи, единицы прецедентных письменных текстов, иноязычный именной материал, а также экзотизмы и варваризмы, перенесенные в письменную и частично устную речь из западноевропейских языков.

В середине XIX века зависимость псевдонимов от письменных форм настолько возрастает, что строительным материалом для них становятся хорошо известные сокращения и ремарки письменной речи, названия буквенных и небуквенных графических символов: цифр, математических и музыкальных знаков, типографских значков и знаков препинания. На перегруппировке графем основываются такие способы именной деривации, как палиндром, анаграммирование, акронимия, аббревиация. Аббревиация, изначально апробированная в псевдонимах, затем быстро завоевала популярность в названиях производственных объектов, корпоративных объединений, сортовой номенклатуре, научной и технической терминологии.

Середина и вторая половина XIX века — особый период в развитии искусственной номинации: в это время наиболее отчетливо проявляется стремление к выработке новых номинативных решений, отличных по мотивировочному содержанию и деривативной технике, к смелой игре со словом, к созданию комплексов семантически связанных наименований. Но тенденция к прогрессирующей индивидуализации обозначения сталкивается с внутренним давлением онимической системы языка, ее воздействие протупает даже в мотивированных условно топонимах и антропонимах. Условно-символические топонимы и посвящения, построенные на отвлечении от собственных свойств пространственных объектов, организуются в семантические комплексы, которые продолжают выполнять функцию пространственной ориентации и указывать на объекты, соположенные в пределах локальной зоны. В семантических рядах денотативно соотносенных псевдонимов имплицитно реализуются главные функции антропонима — различения субъекта и приобщения его к определенному сообществу.

Номинативная парадигма, складывающаяся вокруг концепта онама, поддерживает связи между моделями номинации в разных именных группах и разных в функциональном отношении разрядах онимической лексики. Процессы взаимовлияния, перетекания в них становятся тем сильнее, чем более углубляется опыт искусственной номинации.

Номинативная парадигма связывает модели именной номинации и в диахронической перспективе. Хотя языковая катего-

риальная семантика именного знака стабильна во времени, претерпевают изменения номинативные модели именования и концепции их применения. Модифицируется вместе с движением систем мировидения семиотический ореол концепта онома. Однако глубинная память культуры сохраняет архаичные смыслы именной номинации, и в современной искусственной номинации могут оживать рефлексy архаичных смыслов дезидератива и дедикатива.

Роль искусственной номинации сказывается в уплотнении ономастического пространства, в короткие сроки оно насыщается новыми единицами, одновременно происходит его внутреннее дробление: отпочковываются тематические группы, появляются именные разновидности, рождение которых иногда диктуется не столько необходимостью именного означивания, сколько реализацией субъективного выбора — при наличии возможности именования/неименования предпочтение отдается имени, и рождается знак-украшение, этикетка, абстрактный символ уникальности объекта.

Искусственное наречение способствует «экспансии» имени. Но какое бы объяснение ни находилось для появления собственных имен в несвойственных им ранее зонах означивания, оно, очевидно, будет выглядеть недостаточным без признания инерционных, потенциальных сил, заложенных в самой онимической системе, стремящейся к усложнению и саморазвитию. Искусственная номинация выступает здесь в роли стимулятора, помогающего высвобождению языковой «энергии» и ускорению языковой динамики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдылдаев Т.А., Бакаев А.К. Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-технической революции. Фрунзе, 1983.

Агеева Р.А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста // Аспекты общей и частной лингвистики текста. М., 1992.

Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.

Адливанкин С.Ю. Моделирование речевой деятельности // Лингвистика и модели речевого поведения. Л., 1984.

Акопян Л.О. Предисловие // Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.

Алексеев Д.И. К истории аббревиации личных имен // Антропонирика. М., 1970.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.

Араева Л.А. Принципы наименования лица (на материале существительных лица верхнекетского говора) // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1981. Вып. 4.

Арутюнова Н.Д. О номинативных и коммуникативных моделях предложения // Известия АН СССР. 1972. Т. 31. Вып. 1. (Отд-е лит. и яз.).

Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Архипов А.А. Комментарии // Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

Атаян Э.Р. Коммуникация и раскрытие потенций языкового сознания. Ереван, 1981.

Ахманова Г.И., Данчинова И.А. О структуре лунной топонимии // Вестник МГУ. Филология. 1971. Вып. 4.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1987.

Баирова Л.В. Клички домашних животных в бурятском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10.

Байбуриин А.К. Ритуал в традиционной культуре. М., 1993.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

- Батюкова Н.В.* Нормативное в социальной роли индивида // *Живое слово в русской речи Прикамья*. Пермь, 1992.
- Бахман К.П.* К проблеме соотношения стихийных и целенаправленных процессов в развитии языка // *Вопросы языкознания*. 1965. № 3.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бейтс Э.* Интенции, конвенции и символы // *Психолингвистика*. М., 1984.
- Беленькая В.Д.* Особенности англоязычной топонимии // *Ономастика*. М., 1969.
- Беленькая В.Д.* Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1973.
- Беленькая В.Д.* Современные тенденции в наименовании населенных пунктов (к вопросу о методе синхронии в топонимии) // *Топонимия Центральной России: Вопросы географии*. М., 1974. Вып. 94.
- Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1992.
- Березович Е.Л.* Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // *Номинация в ономастике*. Свердловск, 1991.
- Березникова Р.Е.* Лингвистический анализ наименований лекарственных средств: Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1975.
- Берков П.Н.* Вступительный очерк // *Масанов Ю.И.* В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963.
- Беспалова А.В.* Структурно-семантические модели эргонимов и их употребление в современном английском языке (на материале названий компаний): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988.
- Беспалова А.В.* Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) // *Номинация в ономастике*. Свердловск, 1991.
- Бестужев-Лада И.В.* Имя человеческое: прошлое, настоящее, будущее // *Советская этнография*. 1968. № 2.
- Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
- Богданов В.В.* Семантика текста и контекст // *Номинация и контекст*. Кемерово, 1985.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М., 1983.
- Болотов В.И.* К вопросу о значении имен собственных // *Восточнославянская ономастика*. М., 1972.
- Борхвальдт О.В.* Общепринятые и профессиональные наименования золота в историческом аспекте // *Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение*. Красноярск, 1991.
- Брудный А.А.* К теории коммуникативного воздействия // *Теоретические и методологические проблемы социальной психологии*. М., 1977.
- Брутян Г.А.* Язык и картины мира // *Философские науки*. 1973. № 1.
- Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
- Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // *Известия АН СССР*. Т. 40. 1981. № 4. (Отд-е лит. и яз.).
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Концепт долга в поле должествования // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991.
- Бушенов Н.Т.* Антонимы среди топонимов (к вопросу о соотношении имен собственных и нарицательных) // *Проблемы русской ономастики*. Вологда, 1985.
- Ван Дейк Т.А.* Вопросы прагматики текста // *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста*. М., 1978. Вып. 8.

Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. 23.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.

Вахрушева Л.В. Топонимия бассейна реки Иж Удмуртской АССР: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1978.

Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М., 1990.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.

Власова Д.Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.

Войлошников В.Э. Система современной лексикологической терминологии: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1985.

Волков А.А. Грамматология. М., 1982.

Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. Ростов н/Д., 1996.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Воробьева И.А. Новые русские гидронимические модели // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1996. Вып. 1.

Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971. Ч. I.

Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Воробьева И.А. Орфографические термины Западной Сибири и их роль в формировании русской оронимики // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 7.

Габинская О.А. Типология причин словотворчества. Воронеж, 1981.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимодействия языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4.

Гамбашидзе Р.Б. Грузинская научная терминология и основные принципы терминотворчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1987.

Гамкрелидзе Т.В. Р.О.Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3.

Гараева Л.И. Психолингвистический анализ семантической структуры производного слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Коммуникативные аспекты языка. М., 1988. Вып. 23.

- Гинатуллин М.М.* К проблеме типологии мотивации // Иностран-
ный язык. Алма-Ата, 1971. Вып. 6.
- Гинатуллин М.М.* К исследованию мотивации лексических единиц
(на материале наименований птиц): Дис. ... канд. филол. наук. Алма-
Ата, 1973.
- Глинских Г.В.* Классификация нарицательной лексики и топони-
мия // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
- Глинских Г.В.* Топонимическая система и структурно-семантичес-
кие признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие то-
понимии. Свердловск, 1987.
- Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории
речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуника-
тивно-прагматический аспект. М., 1993.
- Голев Н.Д.* Система номинации конкретных предметов в русском
языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974.
- Голев Н.Д.* «Естественная» номинация объектов природы собствен-
ными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск,
1974. Вып. 8—9.
- Голев Н.Д.* О соотношении семантических и мотивировочных при-
знаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск,
1977. Вып. 7.
- Голев Н.Д.* О некоторых особенностях принципов номинации в оно-
мастической и апеллятивной лексике (на материале микротопонимии
Алтайского края) // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.
- Голев Н.Д.* Заметки об условно-символической номинации // Акту-
альные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980.
Вып. 9.
- Голев Н.Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации
в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск,
1981.
- Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск,
1989.
- Головина Э.Д.* Топонимия бассейна р. Моломы: Дис. ... канд. филол.
наук. Свердловск, 1970.
- Голомидова М.В.* К вопросу об искусственной номинации в топони-
мии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1983. Вып. 16.
- Голомидова М.В.* Словообразовательные типы названий спелеологи-
ческих объектов // Ономастическое и диалектное словообразование
Алтая. Барнаул, 1985.
- Голомидова М.В.* Карта горной Северной экспедиции как источник
изучения окказиональной топонимии // Вопросы ономастики. Сверд-
ловск, 1985. Вып. 17.
- Голомидова М.В.* Искусственная номинация в топонимии: Дис. ...
канд. филол. наук. Свердловск, 1987.
- Голомидова М.В.* Некоторые теоретические вопросы искусственной
топонимической номинации // Номинация в ономастике. Свердловск,
1991.
- Горбаневский М.В.* Лексико-семантический и словообразователь-
ный анализ русской ойконимии (междуречье р. Оки, Москвы и Нары):
Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Горбаневский М.В.* Из опыта культурно-исторического анализа то-
понимии: русские ойконимы и православие // Топонимия и общество.
М., 1989.

- Горбачевич К.С.* О городской топонимике // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 1.
- Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов и мостов Ленинграда. Л., 1985.
- Гридина Т.А.* Образные ономаσιологические модели в оронимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12.
- Гулиева Л.* Русская топонимия Азербайджана. Баку, 1984.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Данилина Е.Ф.* Имена-неологизмы (Словообразование) // Лексика и словообразование русского языка. Пенза, 1972.
- Даниленко В.П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Деллерт Д.* Новые имена. Ставрополь, 1924.
- Демьянков В.З.* Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. М., 1981. № 4. (Отд-е лит. и яз.).
- Динсмор Дж.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1996.
- Дмитреева Н.А.* Слово и изображение // Взаимодействие и синтез искусств. Л., 1978.
- Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя. М., 1977.
- Дмитриев В.Г.* Придуманные имена. М., 1986.
- Домогатская В.В.* Система суффиксального словообразования имен существительных в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977.
- Дридзе Т.М.* Семиотические аспекты социального поведения и концепция Чарльза Морриса // Вопросы философии. 1970. № 8.
- Дубровин Л.Н., Преображенская М.А.* Русские и советские географические названия на карте Антарктики. Л., 1976.
- Дьяконова В.Б., Домрачева Н.И.* Лексико-семантические группы названий паромов // Вопросы топониматики. Свердловск, 1974. Вып. 6.
- Дьякова В.И.* Принципы и способы номинации местных географических названий в воронежских говорах // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. Воронеж, 1984.
- Дэвидсон Д.* Общение и конвенциональность // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Дюран Б., Оделл Г.* Кластерный анализ. М., 1977.
- Егорова Т.П.* Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
- Емарченко М.Н.* К общей теории имени собственного // Учен. зап. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. М., 1970. Т. 55. Вопросы романо-германской филологии.
- Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М., 1994. Ч. 1—2.
- Живов В.М.* О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.
- Жигалова О.В.* Наименования одежды и ее деталей в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1986.
- Жданова Л.А., Ревзина О.Г.* «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
- Жоль К.К.* Мысль, слово, метафора. Киев, 1984.
- Жоль К.К.* Язык как общественное сознание. Киев, 1990.

Журавлев А.Ф. Технические возможности языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1968.

Закс Л.А. Художественное сознание. Свердловск, 1990.

Зализняк А.А., Иванов В.В., Топоров В.Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962.

Запорожец А.В. Развитие восприятия и деятельность // Вопросы психологии. 1967. № 1.

Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.

Звегинцев В.А. К проблеме взаимоотношения языка, мышления и НТР // Вопросы философии. 1977. № 4.

Звегинцев В.А. К проблеме отчуждения знаний // Язык и логическая теория. М., 1987.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Земскова С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.

Зинин С.И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы (Древний период). М., 1965.

Иванов В.А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Иванова Т.А. К вопросу о переименовании и наименовании населенных пунктов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12.

Ивашко В.А. Социолингвистический и психологический анализ ситуации выбора имени при наречении: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978.

Инжеватов И.К. Имена московских улиц. М., 1975.

Казарин Ю.В. Семантическое расстояние и семантическое пространство русского глагола // Проблемы варьирования языковых единиц. Екатеринбург, 1994.

Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка. Будапешт, 1986.

Караулов Ю.Н. Язык и личность // Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6.

Карпенко Ю.А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Вопросы географии. М., 1970. № 81.

Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990.

Касим Ю.Г. Об экспрессивности в топонимии // Русская ономастика. Одесса, 1984.

- Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1986.
- Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия. Л., 1989.
- Кацнельсон С.Д.* К генезису номинативного предложения. Л., 1936.
- Кедров Б.М.* «Естественное» и «искусственное» в познании и деятельности человека // Вопросы философии. 1958. № 11.
- Кибрик А.Е.* Лингвистические аспекты моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Кириллова Л.Е.* Микротопонимия бассейна Валы (в топонимическом освещении). Ижевск, 1992.
- Китайгородская М.В.* Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Кияк Т.Р.* О видах мотивированности лексических единиц // Вопросы языкознания. 1989. № 1.
- Климкова Л.А.* Региональная ономастика. Горький, 1985.
- Ковалева Н.Б.* Принципы номинации топонимов бассейна р. Ини (Западная Сибирь) // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972.
- Когнитивные аспекты научной рациональности.* Фрунзе, 1989.
- Когнитивная наука и интеллектуальная технология.* М., 1991.
- Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
- Колшанский Г.В.* Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.
- Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Комарова З.И.* О некоторых закономерностях «искусственной номинации» // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13.
- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев Н.Г.* Слово в речи: денотативные аспекты значения. М., 1992.
- Комолова З.П.* Значение и мотивировочные признаки прагмонимов // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л., 1972. Ч. 2.
- Копчева В.В.* Соотношение естественной и искусственной номинации (на материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Короткова Т.А.* Перемена фамилий // Этнография имен. М., 1971.
- Косарева Л.М.* Социокультурный генезис науки Нового времени: Философский аспект проблемы. М., 1989.
- Кошелев А.Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Крейдлин Г.Е.* Таксономия и аксеология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Крейдлин Г.Е.* К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs. «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Крипке С.* Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика: Проблемы референции.

- Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Кторова А.* Русские имена за рубежом // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
- Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Кудицкая Л.С.* Русская медико-техническая терминология и номенклатура: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1981.
- Кузнецова Н.А.* Топонимия Пензенского края: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1982.
- Кусков В.П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1987.
- Кусков В.П.* Топонимия Камчатки: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996.
- Лебедева С.В.* Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1995.
- Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
- Леонтьев А.А.* Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. М., 1970.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Летова И.А.* О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. 1993. Т. 52. № 1. (Отд-е лит. и яз.).
- Лисицина Т.А.* «Творческая личность» на рубеже пушкинской эпохи: концепт и термин // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.
- Личные имена в прошлом, настоящем и будущем.* М., 1970.
- Логический анализ языка. Знание и мнение.* М., 1988.
- Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Логический анализ языка. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация.* М., 1990.
- Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста.* М., 1990.
- Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991.
- Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1996.
- Ломов Б.Ф.* Когнитивные процессы как процессы психического отражения // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. М., 1986.
- Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1990.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистического искусства. М., 1995.
- Майданова Л.М.* Номинативные варианты обозначения реалий в кон-

кретной лексике среднеуральских говоров: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1974.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М., 1972.

Малеева М.С. Суффиксальная словообразовательная модель (на материале имен существительных с усеченной производящей основой современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1968.

Мархинин В.В. Об идеальном содержании значений знаков // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990.

Маршакова Н.Н. Проблема значения собственных имен в ономаσιологическом аспекте // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1985.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958—1960. Т. 1—4.

Масанов Ю.И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963.

Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9.

Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12.

Матвеев А.К. Бинарные структуры и топонимические метафоры // Языки и топонимия Алтая: Тез. докл. Барнаул, 1979.

Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев А.К. Топонимические древности // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987.

Матвеев А.К. В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Мезенко А.М. Мотивы номинации улиц белорусских городов // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992.

Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М., 1990.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1945.

Минский М. Структуры для представления знания // Психология машинного зрения. М., 1978.

Мирер Е. Названия улиц и кварталов Нового Орлеана // Микропонимия. М., 1967.

Мишкевич М.В. Семантика имени собственного // Методика обучения иностранным языкам: Романское и германское языкознание. Минск, 1989. Вып. 4.

Мозговой В.И. Форма имени и характер номинации как средство хронологизации топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Молчанова Л.Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. 1968.

- Молчанова О.Т.* К семантике имен собственных // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980.
- Молчанова О.Т.* Модели географических имен в тюркских и индоевропейских языках // Иностранные языки. 1990. № 1.
- Моррис Ч.У.* Основания теории языков // Семиотика. М., 1983.
- Морозова М.Н.* Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы (по данным справочника 1964 г. «Улицы Москвы») // Микротопонимия. М., 1967.
- Морозова М.Н.* Топонимия Орловской области // Топонимия Центральной России: Вопросы географии. М., 1974.
- Мостовая А.Д.* Опыт сравнения научных и «наивных» толкований (на материале слов конкретной лексики) // Лингвистические и психические структуры речи. М., 1985.
- Музюкина Л.А.* Словообразовательные варианты местных географических терминов Алтайского края // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985.
- Муллонен М.Н.* Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.
- Мумриков о. А.* Что в имени твоём // Наука и религия. 1994. № 5.
- Мурзаев Э.М.* География в названиях. М., 1979.
- Мурзин Л.Н.* Теория номинации в динамическом аспекте // Актуальные проблемы языковой номинации: Тез. докл. регион. науч. семинара. Саратов, 1988.
- Мясникова Л.А.* Дух эпохи и научная картина мира // Научная картина мира: общекультурное и внутринаучное функционирование. Свердловск, 1985.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. М., 1979.
- Некрасова И.Н.* Русские названия на Аляске // Нормализация географических названий и ее теоретические основы. М., 1977.
- Нерознак В.П., Горбаневский М.В.* Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991.
- Нечай М.Н.* Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.
- Никитевич В.Н.* Основы номинативной деривации. Минск, 1983.
- Никитина С.Е.* Пространственные обозначения и топонимы в заголовке как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Никитина С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. М., 1962. Вып. 58. Географические названия.
- Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В.А.* Названия улиц в Симбирске-Ульяновске // Ономастика Поволжья: Матер. I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969.
- Никонов В.А.* Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. 1967. № 6.
- Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
- Никонов В.А.* Гляционимия Киргизии // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
- Никонов В.А.* Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1989.

Никулина З.П. Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра: Лингвистический анализ названий населенных пунктов. М., 1964.

Никулина З.П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.

Никулина З.П. О грамматической специфичности прозвищ // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров. Красноярск, 1991.

Новиков А.И., Ярославцева Е.Н. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.

Новичихин В.И. Номинативная вариативность в костромских говорах как явление микросистемы // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995.

Новоселова Г.М. Введение // Имя и характер. СПб., 1992.

Ньютс Я. Проблемы когнитивно-прагматической теории языка: когниция, функционализм и грамматика // Реферативный журнал. 1994. № 3. (Сер. 6. «Языкознание»).

Овчар Н.В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Огурцов С.А. Прошлое и настоящее Омска в названиях улиц // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тез. докл. и сообщ. Л., 1965.

Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1992. Вып. 2.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.

Павел В.К. Лексическая номинация (на материале молдавских народных говоров). Кишинев, 1983.

Павиленис Р.И. Проблемы смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Павиленис Р.И. Понимание языковых и неязыковых текстов: интенциональность, интенциональность, индексальность // Язык и логическая теория. М., 1987.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.

Павлов В.М. Языковая способность человека как предмет лингвистической науки // Теория речевой деятельности. М., 1968.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Панкрац Ю.Г. Фреймы и их роль в интерпретации семантики деноминативных глаголов // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994.

Пахомова В.Д. О метафорических названиях в топонимике // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970. Вып. 4.

Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологоического фонда // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

Першина К.В. Становление ойконимии позднего образования в условиях близкородственного двуязычия (на материале ойконимии Юго-Восточной Украины): Дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1983.

Пестова О.Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.

Петров В.В. От философии языка к философии сознания. Новые тенденции и их истоки // Философия, логика, язык. М., 1987.

Пинто де Лина Ж. Новый подход к прототипам: прагматический взгляд // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 5.

Подольская Н.В. Урбанонимия Центра // Топонимия Центральной России: Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Полевой Б.П. По поводу некоторых гипотез о происхождении названия Камчатка // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.

Попов Стойко К. Сознание и социальная среда. М., 1979.

Попов С.В. Названия студеных берегов. Мурманск, 1990.

Попович Н.В. Специфика номинации в сфере предметной лексики (на материале наименований одежды в современном французском языке): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Поротников П.Т. Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Талицкого района Свердловской области // Антропонимика. М., 1970.

Поспелов Е.М. Топонимия и картография. М., 1977.

Поспелов Е.М. Названия городов и сел. М., 1996.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картины мира. М., 1988.

Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Проскурин С.Г. Мифопоэтический мотив «мирового древа» в древнеанглийской культуре (концептуальный анализ) // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Радзиевская Т.В. Слово судьба в современных контекстах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Рамазанова М.Н. Развитие ойконимии Ташкентской области в советский период: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1986.

Рамишвили Г.В. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.

Реформатский А.А. Псевдонимы // Семья и школа. 1963. № 6.

Реформатский А.А. Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

Рикер П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Романова Т.П. Основные семантические компоненты ипонима и структура ипонимического поля // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Ромбандеева Е.И. Некоторые этимологии мансийских топонимов / Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 5.

Роспонт С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 4.

Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. 1988. № 3.

Руденко Д.И. Имя собственное в парадигмах «философии языка». Харьков, 1990.

Руденко Д.И. Лингвофилософские парадигмы: граница языка и граница культуры // *Философия языка: в границах и вне границ.* Харьков, 1993.

Рудных А.И. Семантические модели в гидронимике // *Вопросы топониматики.* Свердловск, 1972. Вып. 6.

Рудных А.И. К вопросу о принципах номинации вещей (собственные имена алмазов) // *Вопросы ономастики.* Свердловск, 1972. Вып. 4.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Свердловск, 1992.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Санак В.Н. Национальные и международные термины в русской торгово-экономической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Сапожникова Л.М. Культурный компонент лексического значения собственных имен и их объективных дериватов // *Лексика и культура.* Тверь, 1990.

Сахно С.Л. «Свое» — «чужое» в концептуальных структурах // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991.

Свасьян К.А. Четырехактная драма праобразов (о П.А. Флоренском) // *Имя и характер.* СПб, 1992.

Селезнева Л.Б. Имя собственное в языке (значение и функция) // *Вопросы структуры и функционирования русского языка.* Томск, 1980.

Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *Селищев А.М. Избранные труды.* М., 1968а.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи // *Селищев А.М. Избранные труды.* М., 1968б.

Серль Дж. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык.* М., 1986.

Сепир Э. Временная перспектива в культуре коренного населения Америки // *Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.* М., 1993.

Сетаров Д.С. Номинация, мотивация и этимология слова (на материале названий животных). Вильнюс, 1984.

Сетаров Д.С. Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. Вильнюс, 1988.

Системы личных имен у народов мира. М., 1989.

Скореходько Э.Ф. Лингвистические проблемы обработки текстов в автоматизированных информационно-поисковых системах // *Вопросы информационной теории и практики.* 1974. № 25.

Скляренко А.М. Степень ономатизации топонимов разных типов // *Восточнославянская ономастика.* М., 1979.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1977.

Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // *Психолингвистика.* М., 1984.

Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М., 1982.

Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М., 1976.

Сологуб О.П. Типология принципов номинации (на материале русских народных названий птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // *Языковая номинация: Общие вопросы.* М., 1977.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // *Известия АН СССР.* 1981. Т. 40. № 4. (Отд-е лит. и яз.).

Степанов Ю.С. Картина мира и ее функции в научном исследовании // *Научная картина мира: логико-гносеологический аспект.* Киев, 1983.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства. М., 1985.

Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в иностранных языках // Иностранные языки. 1989. № 5.

Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка — логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стрижевская О.И. Структура и семантика названий минералов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев, 1992.

Сулименко Н.Е. Лексическое обеспечение речевой коммуникации // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.

Суперанская А.В. Наименование и переименование в городах // Изучение географических названий. М., 1966.

Суперанская А.В. Эволюция взглядов на имя собственное // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Суперанская А.В. Личные имена в официальном употреблении // Антропонимика. М., 1970.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А.В. Ономастическая стандартизация, допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика. М., 1979.

Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981.

Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. М., 1978.

Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983.

Сухомлинов М.И. О псевдонимах в древней русской словесности // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. 1908. № 1.

Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1988.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Тимофеев В.П. Названия колхозов и совхозов (по данным Курганской области) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.

Ткачук В.И., Ильенко В.В. Имена морских и речных судов в русском языке советской эпохи // Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1973.

Ткаленко Н.В. Типы метафорических названий в русском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13.

Ткачук В.И. Новое в ономастике русского языка советского времени: Дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1973.

Ткачук В.И. К вопросу о мотивировке новых собственных названий // Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1973. Вып. 3.
Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972.

Топоров В.Н. О палийской топонимастике // Ономастика Востока. Исследования и материалы. М., 1969.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.

Торопцев И.С. Очерк русской ономазиологии: Возникновение знаменательных лексических единиц: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Л., 1970.

Трубачев О.Н. Семантическая теория в этимологическом словаре: Проблема омонимии подлинной и ложной и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.

Трубе Л.Л. О наименованиях и переименованиях населенных пунктов // Всесоюзная конф. по топонимике. Л., 1968.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Иностранные языки. 1990. № 2,3.

Тэйлор Э. Доисторический быт человечества и начало цивилизации. М., 1968.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Тябтов М.А. Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений ханты // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

Ульянова Н.П. Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1—2.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Уюбаева Г.Н. Народные наименования растений (на материале английского, русского и казахского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. 23.

Философия, логика, язык. М., 1987.

Флоренский П.А. Имена // Имя и характер. СПб., 1992.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1984.

Фрумкина Р.М. Специфика «наивного» языкового сознания и методы его изучения // Типы языковых общностей и методы их изучения: Тезисы III Всесоюз. конф. по теоретическим вопросам языкознания. М., 1984.

Фомин А.А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Фонякова О.И. О системном анализе имен собственных в художественном тексте // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982.

Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2.

Хигир Б. Назовите ваше имя — я скажу, кто вы // Имя и характер. СПб., 1992.

Хонин С.М. Индивид как субъект жизнедеятельности. Саратов, 1990.
Хэйраартс Д. Принципы прагматической ономазиологии // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 5. (Сер. 9).

Чайкина Ю.И. К интерпретации микрогидронимии Сухоны // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983.

Чайко Т.Н. О принципах номинации в народных прозвищах // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. Вып. 5.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.

Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Чеснокова Л.Д. Имя числительное и имя собственное // Филологические науки. 1996. № 1.

Чернышова Т.В. Русская ононимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988.

Чинок Е.И. Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985.

Чигагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв. М., 1959.

Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1950.

Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Шкатова Л.А. Развитие ономазиологических структур (на материале наименований лиц по профессии). Иркутск, 1984.

Шнейдер В.Б. Планирование актов прагматического текстообразования. Екатеринбург, 1994.

Шубас М.Л. Техническая картина мира как общекультурный феномен // Научная картина мира: общекультурное и внутринаучное функционирование. Свердловск, 1985.

Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). Ростов, 1972.

Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.

Язык и личность. М., 1989.

Язык и логическая теория. М., 1987.

Язык и структуры представления знаний. М., 1992.

Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.

Язык и интеллект. М., 1996.

Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Якушин Б.В., Ярославцева Е.И. Критерии близости текстов по содержанию // Известия АН СССР. 1980. Т. 39. № 6. (Отд-е лит. и яз.).

Bartmiński J. Założenia teoretyczne słownica // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

Barimiński J. Definicja leksykograficzna a opis języka // Słownictwo w opisie języka. Prace naukowe Uniwersytetu śląskiego. Katowice, 1984.

- Coseriu E.* Synchronie, Diachronie und Geschichte. Munchen, 1974.
Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praga, 1962.
Kripke S. Naming and necessity // Semantics of natural. Language. Dordnecht, 1972.
Maylor A., Mocher T. The bibliogphical history of anonyma and pseudonyma. Chicago, 1951.
Mead G.H. The philosophy of art. Chicago, 1938.
Morris A. Anonyms and pseudonyms. Chicago, 1934.
Norberg-Shulz Chr. Existence. Space. Architecture. London, 1971.
Norberg-Shulz Chr. Genis loci. Paesaggio, ambiente, archettura. Milano, 1979.
Wierzbicka A. Duša («soul»), toska («yearning»), sud'ba («fate»): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НСБ** — Попов С.В. Названия студеных берегов. Мурманск, 1990.
СЛИНМ — Системы личных имен у народов мира. М., 1989.
РЧФЯ — Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
ТМОИ — Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
ТМСА — Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972.
ЧФЯ — Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.
«КП» — «Комсомольская правда»
«РВ» — «Российские вести»

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел I.	
Теоретические вопросы искусственной номинации	9
1. Концепт «онома» и модель онимической номинации ...	10
2. Естественная и искусственная номинация	31
3. Историческое развитие искусственной онимической номинации. Зоны ее активности в русском языке	48
4. Функциональные разряды онимической лексики и функциональные разновидности искусственных имен	55
Раздел II.	
Искусственная номинация в русской антропонимии	64
1. Категория антропонима в ментальных и лингвистических параметрах	64
2. Искусственная антропонимия: категория псевдонима .	82
3. Номинативные стратегии, тактики и модели в создании псевдонимов	94
Раздел III.	
Искусственная номинация в русской топонимии	140
1. Ландшафтное пространство и разновидности топонимической номинации	141
2. Номинативные модели, стратегии и тактики искусственной топонимической номинации	147
3. Динамика искусственной топонимической номинации ..	176
Раздел IV.	
Интегративные процессы в искусственной онимической номинации	184
1. Семантические комплексы в искусственной онимической номинации	185
2. Искусственная онимическая номинация и архетипические модели именования	192
Заключение	210
Библиографический список	214

Голомидова Марина Васильевна
ИСКУССТВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ
В РУССКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Редактор *И.М.Харитонова*
Корректоры *И.М.Леушина, М.Г.Тюлькина*
Компьютерная верстка *О.П.Васюхиной*

ЛР № 040330 от 18.04.97

Сдано в набор 04.12.97. Подписано в печать 29.12.97.

Формат 60х90/16. Гарнитура School.

Уч.-изд.л. 14,9. Тираж 200 экз.

Заказ1274

Уральский государственный педагогический университет
620219, Екатеринбург, ГСП 135, пр.Космонавтов, 26

Отпечатано в Верхнепышминской типографии
Свердл. обл., г.Верхняя Пышма, ул.Кривоусова, 11